

Диана Штурм

ИЗМЕНА

Подарок небес

Голая блондинка с грацией холёной кошки плотно прижимается к Глебу. Одна её нога закинута на ногу моего любимого, изящная ручка покоится чуть ниже его живота... Понимаю, что ещё секунда и я либо рухну без чувств, либо заору во всю глотку, либо и то и другое сразу. Нет! Подобного унижения мой рассудок уже не выдержит! Разворачиваюсь, подобно заводной кукле, и механически, на автомате, выхожу из квартиры. Поднимаю дверную ручку вверх: «щёлк» Всё, не было меня тут! Не было! Я вернулась из отпуска в неподходящий момент. Муж привел домой любовницу в то время, когда мы с ребенком уехали на отдых. Больно, но я притворилась, что ничего не видела. Ведь я полностью завишу от него. Моя идеальная жизнь разрушилась в одно мгновение, и теперь мне нужно понять, что же делать дальше.

Глава 1

Дом, милый дом!

В самом радужном настроении забегаю в подъезд, несусь к лифту и сталкиваюсь с досадной неожиданностью — лифт не работает. Информационная записка сообщает, что неисправность должны устранить... вчера.

— Вот редиски! — выдыхаю разочаровано, и, внезапно, ловлю себя на мысли, что расстроиться по-настоящему ну никак не выходит. Подумаешь какая незадача! И что с того, что пешком на десятый?!

Мелочи жизни — сущие пустяки по-сравнению с предвкушением радости от скорой встречи с Глебом.

Как на крыльях взмываю на свой этаж и тихонечко отпираю входную дверь.

В прихожей сумрачно — окна на кухне плотно зашторены.

Моя рука автоматически тянется к выключателю — отдергиваю её в самый последний момент, замечая распахнутые двери в спальню.

В квартире царит сонная тишина и покой — моя радость явно ещё спит. Скорее всего измучился за ночь, бедняжка. Он всегда весьма тяжело переносит даже самое лёгкое недомогание, а уж если температура поднимается — то всё, считай пиши-пропало: для Глеба такое состояние равносильно пытке.

Накатывает нежность и острая потребность увидеть его. Не могу больше ждать! Не снимая обуви, (всё равно сейчас предстоят хлопоты по-хозяйству: чистота, покой и хорошее питание порой не хуже лекарств лечат) бесшумной тенью проскальзываю к дверям спальни, заглядываю в комнату, делаю шаг внутрь и... замираю.

Яркие солнечные лучи слегка пробиваются сквозь бархат штор, превращая тьму в тёплый, успокаивающий полумрак. Спит при таком освещении вполне себе неплохо.

И видится тоже...

Мой любимый, абсолютно обнажённый, лежит на спине. Скомканное одеяло сбилось в изножье кровати. Голова Глеба повернута к окну и мне отчетливо виден его тонкий, точёный профиль. Муж крепко спит.

Светлые локоны волнами разметались по подушке, создавая эффект своеобразного нимба. Он действительно похож на прекрасного ангела или на древнегреческого бога-Аполлона. Красивое, но вместе с тем, мужественное лицо, крутые плечи, широкая грудь, тонкая талия, переходящая в стройные бёдра, в меру мускулистые длинные и ровные ноги — кажется, что это совершенное тело создано не природой, а гениальным скульптором, настолько оно безупречно. Я застываю на секунду, всматриваюсь, ловя каждую мелочь, а потом перевожу взгляд на ту, что бесстыдно примостилась подле моего мужчины.

Голая блондинка с грацией холёной кошки плотно прижимается к Глебу.

Одна её нога закинута на ногу моего любимого, изящная ручка покоится чуть ниже его живота...

Несмотря на шоковое состояние, безотчётно отмечаю про себя, что соперница красива. И «красива» — это ещё мягко сказано.

«Высший сорт» — как выразился бы Глеб.

Кукольная мордашка, из разряда тех, что никогда не выходят из тренда: пухлые, чувственные слегка приоткрытые губы, аккуратно очерченные брови, большие глаза,

обрамленные густыми изогнутыми ресницами...

Сама не очень высокая, но изящная, длинноногая, с полной грудью, крепким задом, плоским животом и осиной талией. Густая грива шелковистых волос золотым водопадом рассыпалась вдоль обнаженной спины.

Подле кровати стоят два фужера и валяется несколько пустых бутылок из под шампанского. А у самых моих ног какой-то комок белого тряпья. Поддеваю его носком кроссовка — взгляд фокусируется на красном кресте.

— Вот же! — проносится в голове, — А я была так уверена в его неприязни к представителям медицины...

Брезгливо отпихиваю от себя карнавальный костюм белобрысой.

Тем временем Глеб шевелится и прижимается ещё плотнее к своей пассивности. А я, наивная, думала, что ближе чем сейчас уже невозможно. Видимо, это правило распространяется только на меня.

Неимоверным усилием подавляю готовый вырваться судорожный всхлип.

Глеб бормочет что-то нечленораздельное и утыкается носом в макушку «медсестрички».

Понимаю, что ещё секунда и я либо рухну без чувств, либо заорю во всю глотку, либо и то и другое сразу.

Нет! Подобного унижения мой рассудок уже не выдержит!

Разворачиваюсь, подобно заводной кукле, и механически, на автомате, выхожу из квартиры. Делаю шаг к лестнице, потом возвращаюсь и плавно поднимаю дверную ручку вверх — раздаётся лёгкий щелчок запираемого механизма.

Всё, не было меня тут! Не было!

Уже не имея возможности сдерживать истерические спазмы, всхлипываю, хватаю пересохшим горлом затхлый подъездный воздух и, очертя голову, несусь со всех ног вниз.

Мне везёт: по-пути не сталкиваюсь ни с кем из соседей. Вылетаю на улицу и останавливаюсь в ступоре.

— Как он мог!!!! Как вообще возможно, что он, такой верный, любящий и заботливый, мог так поступить?!

Рыдания сотрясают тело. Понимаю, что не могу остановиться, не могу успокоиться.

А если кто-нибудь из знакомых увидит меня в таком состоянии?!

Затуманенным слезами взглядом лихорадочно обшариваю окрестности. Мне нужно найти укрытие от любопытных глаз, место, где я смогла бы остаться наедине с собой, спокойно выплакаться и если не принять, то хотя бы осознать случившееся.

Внимание привлекает домик-теремок на детской площадке напротив. Несусь к нему, забираюсь внутрь, сажусь, сжавшись в трясущийся комок и обхватив колени руками.

Как же мне теперь быть?! Что делать?

Как так вышло, что всего лишь за сутки моя жизнь превратилась в кошмар наяву?!
Прокручиваю в голове события минувших часов. Найдётся ли в них хоть крупица света?

Мой вылет запаздывает уже на два часа. Погода выдалась не очень благоприятная для полётов — накануне город накрыло мощным грозовым штормом. Разгул стихии уже утихал, но рейсы нещадно задерживались.

Я с надеждой посматриваю на табло расписания рейсов: «задерживается», «задерживается», «задерживается»... «отменён»...

Тоска от томительного ожидания и тревога за Глеба переполняют и не отпускают ни на секунду. Зная нелюбовь мужа к докторам и лекарствам, я просто не могу заставить себя расслабиться.

Мысли о муже не дают покоя.

Как он там?

Во время нашего последнего видео-разговора он выглядел таким измученным и больным. Осунувшееся бледное лицо, копна нечесаных вьющихся волос, синюшные тени под лихорадочно горящими глазами.

— Лесь, я наверное не смогу выходить на связь в ближайшие дни. Чёртова простуда. Вчера вот накрыло. А сегодня температура под сорок, знобит, — голос Глеба сорвался и он закашлялся. — Ты, малыш, не переживай главное. Я шефу уже позвонил, объяснил ситуацию: отлежусь, поработаю пару дней из дома. Через недельку буду как огурчик.

Глеб улыбнулся ободряюще, но сердце моё екнуло и противно сжалось — очень уж нервной и неестественной вышла его улыбка.

— Глеб, ты точно норм? Может быть врача вызовешь? — я с тревогой вглядываюсь в лицо любимого мужчины.

— Лесь, какой доктор? Ну что кипишуешь-то?! Обычное простудное недомогание, а я, как старушка какая-нибудь, буду людей на вызова дёргать? — поморщился он — Ты, мать, давай панику не включай. Всё чики-пуки будет — не первый раз.

Брови мужа на секунду недовольно нахмурились, но тут же его черты разгладились и он опять улыбнулся. Улыбка эта вышла такой мечтательной и нежной, что моё сердце в очередной раз кольнуло, но к прежней тревоге добавилась ещё и тоска по мужу.

Как же я его люблю!

И как же редко, в последнее время, мы бываем вместе!

После рождения Кирилла наша жизнь изменилась. С появлением первенца, Глеб стал больше работать и всё позднее появляться дома. Приходил он не раньше десяти вечера, уставшим и сонным, оставлял без внимания приготовленный мною ужин, мылся и, полностью обессиленный, буквально валился в кровать. Иногда у него ещё хватало сил отвечать на мои ласки, иногда он их просто принимал, отдавая себя на волю моей инициативности, но чаще засыпал, лишь только его голова касалась подушки.

— Глеб, перестань так изводить себя! Ты же работаешь наизмот, не высыпаясь, не ешь практически... — умоляла я мужа.

Но он лишь отмахивался и упорно продолжал брать сверхурочные.

— Лесь, неужели ты не понимаешь, что я просто не могу иначе?! Я теперь отец, а это

огромная ответственность! Нужно заботиться не только о настоящем, но и о будущем Кирюхи. Я вот покумекал тут, обдумал всё и открыл сберегательный счёт в банке. Буду туда переводить часть зарплаты и деньги со сверхурочных. Хочу, чтобы мой сын мог получить лучшее образование и ни в чём не нуждался.

Как бы я не тревожилась о Глебе, но его слова действовали на меня подобно бальзаму. Такая самоотверженная забота о благе сына трогала и подкупала.

— Глебушка, милый, какой же ты у меня замечательный! — с нежностью думала я, преисполняясь гордостью за своего мужчину.

— Лесь, голова чёт разболелась, — прервал Глеб ход моих мыслей, — Попробую поспать немного. Поцелуй Кирюшку за меня. Маме и дядь Паше большой привет. Объясни им там всё. Я обещал, что прилечу к вам, но сама видишь как оно вышло. Пусть не сердятся. На следующий год обязательно всей семьёй к ним рванём.

На заднем фоне послышался звонок во входную дверь.

Кирил оглянулся и стал торопливо прощаться.

— Это курьер, наверное. Я пиццу заказал. Постараюсь её сейчас в себя засунуть. Поем отосплюсь и буду как новенький. Всё, побежал открывать. Целую! — быстро проговорил он и отключился.

Ещё пару минут я сидела тупо уставясь в дисплей телефона.

Поест и ему станет легче? Как же!

Помню, как в прошлом году чуть до пневмонии не дотянул. Благо, что уболтала всё же пойти к врачу. И «как новенький» он тогда стал не посредством поглощения фастфуда, а благодаря хорошему домашнему питанию и курсу антибиотиков.

А сейчас, когда меня нет рядом, о нём абсолютно некому заботиться и некому сломить его дурацкую анти-врачебную фобию.

Ещё через минуту я решительно встала и вышла из комнаты.

— Мааам! — позвала я, — Дядь Паш! Мне срочно нужно с вами поговорить!

Мы сидели на кухне и допивали по-второй кружке чая.

Мама и дядя Паша внимательно выслушали мой рассказ о болезни Глеба, о моих переживаниях и желании быть рядом с любимым в трудную минуту.

— Олесья, а он точно сам не вырулит? Может зря нагнетаешь? — с сомнением спросил дядя Паша.

— Ох, знали бы Вы его! Да он выглядел так, как будто бы не спал, а пахал всю ночь! Причём «пахал» — это я в прямом смысле слова! Дядь Паш, он же последнее время совсем себя загнал с этой чёртовой работой! Я же и сюда его на весь отпуск вытянуть хотела, чтобы он мог отдохнуть как следует, накупаться в море, выспаться, снять накопившийся стресс, — на одном дыхании выпалила я.

И, засмутившись от осознания, что, возможно, проявила бестактность, продолжила:

— Ну и с Вами поближе познакомиться, конечно.

Дядя Паша понимающе улыбнулся.

— Да не красней ты, Олесья, — ободряюще произнес он — Одно другому не помеха — оба дела хороши. Я, признаться, и не знал, что Глеб у нас такой трудоголик. Эт он конечно молодец, но стоило бы ему напомнить, что «лучшее — враг хорошего», а «здоровье — важная инвестиция человека». А при такой нагрузке здоровье-то может и не сберечься...

Дядя Паша на секунду замолчал и пригладил седую поросль на щеке.

— Эх, жаль, что не увидимся в этом сезоне! Я б ему, между рыбалочкой и шашлычками, осторожненько так объяснил бы всё.... Да и к тому же, что ж он на себя только уповает? А мы с Галей на что? Как-никак, Кирюша — наш единственный и любимый внук. Неужто мы бы о его будущем не позаботились, не отдали всё, что только можем?!

Я печально вздохнула.

Да, жаль, что всё так неудачно сложилось. Я была уверена, что Глеб и дядя Паша быстро бы сдружились, и мой дорогой и горячо любимый отчим с лёгкостью смог бы найти подход к не менее дорогому и горячо любимому мужу.

— Так, родные, а Кирюша-то заснул. — проговорила мама, осторожно поднимая сидевшего на её коленях внука. — Вы тут определяйтесь на тему Глеба и всего прочего, а я пока птенчика нашего в кровать уложу.

И, нежно прижимая к груди драгоценную ношу, она тихо вышла из комнаты.

— Ну так что ты решила, Олесья? — понизив голос спросил дядя Паша.

— Я билеты домой покупать буду. На ближайший рейс, на который смогу достать.

— Не верное решение.

— ???

Комментарий отчима меня смутил и я не сразу смогла подобрать слова возражения.

Видя, как я опешила и считывая мою готовность через секунду пуститься в жаркий спор, дядя Паша продолжил:

— А знаешь в чём не верное? А? Погодь лютовать, объясню сейчас. Вот ты говоришь: «билеты». Из чего я делаю вывод, что ты собираешься взять Кирилла с собой. Вывезти его в свои железо-бетонные джунгли, лишить пацана лета на море, свежего воздуха, ягодок и овощей с грядки. И ради чего? Чтобы притащить мальчонку к больному отцу? Вот зачем Кирилл-то вам там сейчас нужен? Ты же мужа выхаживать едешь. Нет? Сын, в данной

ситуации, будет невольной помехой. Да и заразится ещё, ненароком. И будешь метаться между двумя больными мужиками. Хорошо ещё если сама не сляжешь следом.

Я начинала постепенно понимать, к чему идёт этот разговор. С одной стороны, возразить-то было особо и нечего, но вот только с Кириллом мне, до сей поры разлучаться не доводилось. Кроме того, через месяц сыну должно было исполниться три года и я планировала, что этот праздник мы отпразднуем всей семьей.

— Что хмуришься? — от пронизательного дяди Паши ничто не ускользало.

— Значит так, дочка: я все твои опасения понимаю, но вот сейчас ты зря волнуешься. Кирюша твой отъезд примет, не переживай. Когда-то нужно начинать отрывать парня от юбки. Да и тут вторая юбка всегда на подхвате, — улыбнувшись добавил он, — Вон Галя его с рук не спускает. Ты и о матери своей подумай — не лишай её радости общения с внуком. Она несколько месяцев дни до вашего приезда отсчитывала, ни о чём другом говорить не могла. Пусть натешится. А ты, тем временем, к мужу дуй. Побудете вместе, наедине, глядишь и выздоровление его быстрее придёт. А как поправится, то уламывай не отказываться от отпуска и прилетайте к нам вместе. После болезни море — оно самое то. Отдохнёт, восстановится, со мной пообщается, — дядя Паша лукаво подмигнул и продолжил — А там и именины Кирюши отпразднуем. Как тебе такой план? Что скажешь?

Меня разрывали противоречивые чувства: с одной стороны: было страшно расставаться с сыном, с другой: перспектива провести пару недель наедине с Глебом, буквально окрыляла.

Как не была я счастлива в материнстве, но мне так не хватало нашей прежней, спонтанной и бесшабашной близости с любимым. Быт уже начинал постепенно заглушать прежнюю страсть, близость всё больше и больше походила не на проявления чувств, а на какой-то рутинный ритуал.

Но я ещё помнила то время, когда Глеб, поддавшись любовному порыву, буквально набрасывался на меня прямо среди бела дня. Помнила его дрожь предвкушения, его горячие поцелуи, его жадные руки, изучающие каждый сантиметр моего тела. Помнила наши безумства, когда голова просто отключалась, давая вырваться на волю чему-то мощному и первозданному. И я ещё помнила, как это приятно не сдерживать крик, не приглушать стон, а потом засыпать рядом, утомлёнными, обессиленными, но такими счастливыми. И как приятно, проснувшись нежиться в постели, смотря интересный фильм или просто болтать «ни о чём» под любимую музыку.

— Хорошо, — пробормотала я наконец — Если мама не будет против...

— Мама будет категорически за! — раздался за спиной голос любимой мамули.

Дядя Паша настойчиво предлагает мне помочь с поиском и оплатой авиабилета. Никакие мои отнекивания и доводы на него не действуют. На каждое моё слово у него находится как минимум два контр-аргумента. Он краснеет, суетится, распаляется всё больше и больше, В конце концов я обречённо сдаюсь, понимая, что открутиться, не обидев отчима, у меня не выйдет.

Через пол часа довольный дядя Паша сообщает, что билет куплен и я вылетаю в восемнадцать тридцать пять, по местному времени.

Бросаю взгляд на телефон. Сейчас час тридцать дня. Получается, что на сборы и прощание с ребёнком и родителями у меня остаётся чуть более двух часов. При мысли о скором расставании с сыном и о предстоящем перелёте у меня перехватывает дыхание. Сдерживаю себя, стараясь не разреветься, захожу в спальню и склоняюсь над детской кроваткой.

Мой кроха сладко спит: лицо безмятежное, губки слегка приоткрыты, вьющиеся каштановые локоны спадают на лоб, оттеняя персиковую нежность чуть подзагоревшей кожи — идиллия и покой, достойные кисти художника.

— Маленький мой, как же объяснить, почему маме приходится уезжать без тебя?! — смахиваю набежавшую влагу и даю себе установку не раскисать.

Не хватало ещё сына своими слезами растрогать!

— Скучаю. Уже скучаю!

Словно почувствовав моё присутствие, сын шевелится, открывает глазки и радостно улыбается, перехватив мой взгляд. Улыбаюсь в ответ, а потом беру его на руки и, всё оставшееся время, практически не выпускаю из объятий.

Вопреки моим опасениям, Кирилл принимает известие о моём внезапном отъезде с недетским достоинством и пониманием — не плачет и не требует взять его с собой.

— Мамочка едет лечить папу. Папочке плохо, но мама даст ему волшебную конфетку и ему будет хорошо. А потом они вместе прилетят сюда и будет мой День рождения. — доверительно сообщает он бабушке.

Выражение его мордахи, при этом, настолько забавное, что мы с мамой не выдерживаем и начинаем смеяться.

Это немного разряжает атмосферу, настраивает на позитивный лад.

Время, до приезда такси, проносится незаметно.

Полечу налегке. С собой лишь сумочка с документами, кошельком и базовым набором косметики — не вижу смысла таскаться с чемоданом. Всё равно скоро вернемся сюда с Глебом, да и не к чему мне в городе купальники и пляжные наряды, а всё остальное вполне заменимо. Обойдусь как-нибудь.

Глебу я о своём скором прилёте решаю не сообщать:

Во-первых — вполне возможно, что мой любимый сейчас отдыхает и мне бы очень не хотелось ненароком его потревожить.

Во-вторых — зная про мою ужасную аэрофобию, он наверняка начнёт меня от полёта отговаривать. Нервничать будет, волноваться...

Нет уж! Во время болезни покой крайне важен!

Ну а в-третьих — хочу сделать ему сюрприз. Уже представляю себе его радость и

удивление, когда я неожиданно появлюсь на пороге!

К слову, о моей аэрофобии: летать я действительно очень боюсь. Каждый перелёт для меня превращается в своеобразную пытку. Если бы не острая необходимость — ноги бы моей не было на борту самолёта! Но ради любимых я готова пойти на многое.

Как истинный перестраховщик, приезжаю задолго до завершения регистрации. Меня смущает погода, но успокаиваю себя тем, что билеты же продают, а значит всё должно быть ок.

Прохожу в чистую зону и начинается моё длительное и томительное ожидание.

Несколько часов спустя, издерганная и уставшая, поднимаюсь на борт самолёта как на эшафот. Еле передвигаю одеревеневшими ногами, ладони потные, взгляд, скорее всего, дикий и загнанный. Нервно прыскаю, представив, как выгляжу со-стороны: «Красотка!»

Взлетаем.

Мечтаю о сне. Только бы удалось! Лететь четыре с половиной часа — как чудесно было бы отключиться и промотать всё это (в идеале ещё и посадку).

Самолёт ощутимо встряхивает.

Девушка, сидящая у иллюминатора, с видом заправского охотника достаёт свой смартфон, прижимается к стеклу и увлечённо начинает снимать происходящее за бортом.

— Вот это разряд! Потрясно! — комментирует она заснятое — ничего се шандарахнуло! Самолёт, вон как трясёт. Жуть! Офигеть просто!

Сидящий рядом с нею парень коварно улыбается:

— Свет, а ты в курсе, что наибольшее число самолётов падает именно при взлёте или на посадке? Помнишь, я те видос показывал — вот так же чуваки снимали, снимали, а потом «бац!» и... засняли своё падение. Круто ж?! Прикинь и ты так же... и опубликуют потом твоё «Потрясно!» уже посмертно... — мелкий паршивец довольно ухмыляется и глядя на растерянную физиономию подруги, начинает гаденько так хихикать.

— Да пошёл ты, Петь! — вспыхивает девушка, после минутной заминки. — Запарил! Нафига обламываешь-то так?! Просила же оставить свои дурацкие чернушки на земле! Мало того, что нервируешь, так и отвлекаешь же — вон какую вспышку из-за тебя пропустила.

Девушка хмурится и обижено надувает губки.

А Петя, будь он неладен, продолжает:

— Вот помнишь месяц назад самолёт упал — триста с лишним трупов: семьи, старики, молодые, пара беременных теток, детишек дофигища — все в мясо. Вот точно так же в грозовой фронт попали. Отказало там что-то не критичное, а пилоты не справились. Человеческий фактор... Так там видос был, с телефона одного из покойников в сеть слили — трясло их сначала, вот прям как нас сейчас, а потом кидать вниз начало, в воздушные ямы, значит, и капитан такой: «Полёт проходит в штатном режиме, просьба не волноваться...» и всё такое. И тууут их кааак швырнуло, как давай трясти, маски повывлетали. Ну и визг там такой поднялся, паника. Этот, который снимал, только «пля!» из себя и смог выдавить. Но видос пилить продолжил. А потом свет отрубился, вопли и... всё. Обидно наверное, когда твоё последнее слово — это «пля»... Как думаешь? Да ты снимай, Свет, снимай! Глядишь и тоже прославимся! Увековечимся в послесмертии... — давясь смехом продолжил гадёныш. Его явно радует испуганный вид девушки — шуточка удалась. И кого, в такой ситуации, вообще волнуют переживания какой-то «левой» незнакомой «тётки»?!

— Не надо... — прошелестела я.

Мне казалось, что прокричала, но судя по реакции девчонки, поняла, что голос мой прозвучал сдавленно и тихо.

— Девушка, что с вами? Вам плохо? — забеспокоилась неожиданно-отзывчивая Света, — Что Вы сказали? Может стюардессу позвать?

Парень озадаченно взглянул на моё лицо и сконфужено умолк, оборвав свои жутики на полуслове.

Самолёт ощутимо трянуло и кинуло в воздушную яму. Света, подогретая спутником, пронзительно вскрикнула.

Я почувствовала, как моё тело сковало от ужаса, ледяная волна прокатилась от макушки до копчика, картинка перед глазами исказилась и поплыла, стало нечем дышать, а в ушах послышался мерзкий гул.

— Дышать не могу... — пробормотала я хватая ртом внезапно сгустившийся воздух.

Самолёт трясся, дрожал и вибрировал, а потом опять резко ухнул вниз. И вместе с ним, в тёмную беспросветную бездну небытия полетело и моё сознание.

Чернота нахлынула, накрыла, и мир перестал существовать.

Прихожу в себя и не сразу понимаю, где нахожусь. Лежу на чём-то удобном и мягком. В глазах постепенно проясняется — вижу напряжённое лицо стюардессы, склонившейся надо мной. За её спиной ряд из парных, широких кресел. На стене — иллюминаторы, под потолком — отсеки для ручной клади. Ощущаю лёгкое потряхивание.

Я всё ещё в самолёте, только вот месторасположение моё внезапно поменялось с эконома на бизнес-класс.

— Ну вот, — бархатистый мягкий голос справа от меня — Я же говорил, что девушке нужно дать немного полежать и она непременно придёт в себя.

Поворачиваю голову в сторону источника звука.

На соседнем кресле сидит молодой, симпатичный мужчина, около тридцати с небольшим лет на вид.

— А теперь, принесите нам воды со льдом, пожалуйста. — обращается он к стюардессе.

— Конечно, — отвечает та, удаляясь за ширму, и практически сразу возвращается, неся бутылку воды и стакан со льдом.

— Как Вы себя чувствуете? — вопрос явно адресован мне.

Силюсь ответить, но в горле словно комок встал, вместо членораздельной речи мои голосовые связки воспроизводят что-то невнятное, среднее между клёкотом и хрипом.

Мужчина слегка склоняется ко мне, в попытке разобрать, что же я там говорю.

В этот момент я начинаю испытывать смущение и неловкость, вдруг осознав, что буквально полулежу рядом с нависшим надо мной незнакомым парнем.

Пытаюсь принять вертикальное положение и не сразу понимаю, как это сделать — до этого мне никогда не доводилось летать бизнес-классом. Предупредительная стюардесса проворно помогает мне справиться с этой задачей.

— Вот, попейте немного, должно помочь.

Парень вкладывает в мою руку стакан с водой и я с благодарным кивком принимаю её. Делаю глоток, ещё один... Прокашливаюсь.

— Спасибо! — прислушиваюсь к своим внутренним ощущениям — Кажется уже хорошо. У меня был обморок, да?

— Ага. Самый, что ни на есть. Вам до этого никогда не приходилось терять сознание? — участливо спрашивает он.

— Нет, ни разу в жизни.

Облизываю пересохшие губы и делаю ещё один глоток живительной ледяной жидкости.

— А как я здесь оказалась?

— Вы не помните, как оказались в самолёте? — голос и выражение лица серьезные, но в его серых глазах мелькают озорные искорки.

— Нееееет, — понимаю, как двойственно это звучит и добавляю — Под «здесь» я имела ввиду бизнес-класс.

— Понятно, — кивает он — Ну если быть кратким, то после того, как с Вами случился обморок и Вас не смогли сразу привести в чувство, стюардесса ринулась сообщить об этом капитану судна. Я слышал шум в салоне и увидев её встревоженный вид, поинтересовался, что же приключилось в хвостовой части. Она была так добра, что удовлетворила моё любопытство. А я предложил ей перенести Вас сюда. Это место оплачено мной и так уж

Мы покидаем самолёт одними из первых. Никогда ранее у меня не было одновременно такого ужасного и такого чудесного полёта.

Достаю телефон и нахожу пишу маме, что долетела нормально. Обещаю выйти на связь завтра.

— Вы на машине? — спрашивает идущий рядом Игорь.

— Нет. Если честно, то я не умею водить. Хотела сдать на права, но как-то всё не до того было...

— А я — да. Давайте, я Вас подвезу, — и уточняет — Вы же говорили, что в Центральном районе живёте? Ну так вот — мне абсолютно по-пути.

Пытаюсь возражать. Говорю, что вызову такси, а он, напускает на себя такой обиженный вид, что на секунду мне становится страшно — а вдруг и правда обидела.

— Я Вам так наскучил за время полёта? Или Вы опасаетесь, что я хитроумный маньяк, вынашивающий в отношении Вас коварные планы? Не ожидал, что произвожу такое мрачное впечатление на юных дев. — вздыхает он.

Понимаю, что опять дурачится и смеюсь:

— Бог с Вами, поехали! Только можно я на заднее сидение сяду?

Он удивлённо приподнимает бровь:

— Ездить на переднем сидении автомобиля Вы тоже боитесь?

А потом, поняв, добавляет:

— Дело в муже?

— Ага, — выдыхаю немного смущённо — Вы только не подумайте чего! Просто он у меня немного ревнивый... К Вам это совершенно не относится, но всё же... не хочу, чтобы он расстраивался.

— Конечно. Без проблем! Я всё понимаю. — успокаивает меня Игорь.

На протяжении всего пути он шутит, дурачится, рассказывает мне смешные истории из жизни. Мне весело и легко, но где-то там, на задворках моего сознания, трепещет мысль: «А вдруг я не так всё поняла? Вдруг, сейчас, он возьмёт и всё испортит, предложив обменяться телефонами, встретиться...

Боюсь обмануться, поверив, что в природе действительно существуют настолько бескорыстные люди.»

Но все мои опасения развеиваются в прах. Игорь, определённо, феномен нашего времени!

«Утопающий и за соломинку хватается».

В моём случае, эта «соломинка» — равнодушие и дружеское тепло, так щедро и бескорыстно подаренные мне абсолютно посторонним человеком.

С отчаянием утопающего хватаюсь за эти воспоминания, вытягивая себя из ледяной, беспросветной мглы:

«Машина плавно въезжает во двор. Показываю на свой подъезд:

— Игорь, если не сложно, то высадите меня вот тут, пожалуйста.

Буквально горю от нетерпения, подавляя острое желание тут же выскочить из салона и нестись со всех ног домой. Сердце и мысли уже там, с Глебом. Сдерживаюсь. Заставляю себя успокоиться и не выказывать чрезмерной спешки — человек так хорошо ко мне отнёсся, не хотелось бы выглядеть в его глазах неблагодарной грубиянкой.

— Спасибо Вам огромное, Игорь! Вы мне очень помогли сегодня! Если бы не Вы, то и представить боюсь как бы я справилась со всей этой дорожной историей. Даже не знаю, чем могу Вас отблагодарить... — смущаюсь и замолкаю, не понимая, что ещё сказать, как передать на словах то чувство тепла и благодарности, которое испытываю к своему новому знакомому.

— Всё нормально, Олеся, не переживайте! Вы уже меня отблагодарили более чем. Спасибо Вам за то, что скрасили часы полёта. Вы — чудесный собеседник! Давно не с кем не ощущал такого... Не всегда, знаете ли, выпадает возможность выговориться. Часто приходится сдерживаться, обдумывать каждое слово, а с Вами мне было действительно легко и приятно, — улыбается он, оборачиваясь ко мне.

У него такая красивая, солнечная улыбка! Искренняя, открытая. Когда он улыбается, кажется что всё его лицо начинает искриться мягким нежным светом. Усталость и тревога окончательно покидают меня. Греюсь в тёплых лучиках и, словно дурочка, блаженно улыбаюсь в ответ.

— Вы очень добры. Чудесного Вам дня, Игорь! И, ещё раз, спасибо за всё! — говорю я и лёгкой пташкой выпархиваю из машины.

— И Вам всего доброго, Олеся! Мужу — скорейшего выздоровления. Ему очень с Вами повезло. Удачи!

Благодарно киваю и закрываю за собой дверь. Игорь машет мне рукой и машина отъезжает.

Замираю на секунду, провожая её взглядом. Потрясающий парень — одного его присутствия хватило, чтобы нейтрализовать усталость и стресс от пережитого....»

— Ты что тут делаешь? — раздаётся сбоку тоненький детский голосок, — Прячешься от кого-то?

У входа в домик замерла девочка лет шести. Стоит и смотрит на меня с удивлением.

И действительно — не каждый день увидишь взрослую, зарёванную и всклокоченную тётку, играющую на детской площадке в прятки.

— Ага, прячусь... — вздыхаю я.

— А от кого? — девочка ещё сильнее округляет васильковые глазки — От волка?

— Волка? — смотрю на неё с нескрываемым изумлением — Да... А откуда ты знаешь?!

На секунду мне показалось, что девочка имеет ввиду моего мужа. Тут же отвечаю

себе мысленную оплеуху — откуда этой малышке знать, что его (а соответственно и моя) фамилия — Волк?!

— Странная ты! Ну а от кого ещё можно в домике прятаться? — парирует тем временем девочка.

— Но ты не бойся! На самом деле волк же не настоящий! Это понарошку всё. В городе всамделешных волков не бывает, — успокаивает она меня, — А если тебе всё равно страшно, то давай я с тобой посижу, пока он не уйдёт.

Девчонка уже всё для себя решила. Не дожидаясь моего ответа, она с деловитым видом забирается в теремок и усаживается на скамеечку напротив меня.

В этот момент со стороны подъезда слышится какой-то шум. Приникаю к маленькому окошку и вижу Глеба в сопровождении его давешней пассии.

Оба одеты по-дорожному. На Глебе — свободная футболка и джинсы с кроссовками. На белобрысой — моднявые кеды и миленький бежевый спортивный костюмчик. Не тот, в котором занимаются реальным спортом, а этакий «сити-стайл» из разряда тех, в каких обремененные деньгами особы любят выгуливать своих крысopodobных собачек. Волосы девицы собраны в высокий конский хвост. Она вышагивает как по подиуму, направляясь к припарковавшемуся неподалёку такси. Мой муж движется рядом.

В каждой руке у Глеба по чемодану.

Меня начинает трясти.

— Это и есть волк? — шепотом интересуется девочка и добавляет разочарованно — Какой-то он и не страшный совсем.

Вздрагиваю — я уже и забыла, что рядом со мной ребёнок. Хорошо ещё, что истерику не успела закатить.

Закусив до боли губу, достаю из заднего кармана телефон и направив объектив на счастливую парочку, делаю снимок. И ещё, и ещё, и ещё...

С остервенением луплю по красной кнопке. Попались, голубчики! Вот вам! Вот вам! Вот вам!

Перед тем как сесть в машину, блондинка останавливается, прижимается к моему мужу и встав на носочки хищно впивается в его губы.

— Мерзость! — резюмирует моя подружка по пряткам.

— Да, — мысленно соглашаюсь я, — Ещё какая мерзость!

Но Глеб, похоже, придерживается иного мнения. Он отпускает ручки чемоданов, одной рукой обхватывает белобрысую за талию, а другую пятерню впечатывается в её ореховидный зад — гладит, ощупывает, ласкает не стыдясь, не скрываясь. Их губы сливаются в долгом и страстном поцелуе.

Мне хочется орать в голос. Хочется выбраться отсюда, вцепиться в её роскошные космы и рвать их, рвать пока не останется ни одной живой волосинки, причинить этой твари столько же боли, сколько испытываю сейчас сама.

— Не смотри! Это не для детей! — выдавливаю вместо этого, обращаясь к девочке.

Делаю ещё один кадр и убираю телефон в задний карман. Поплотнее придвигаюсь к окну, максимально закрывая собой обзор — ни к чему ребёнку видеть такое, маловата ещё.

Таксист загружает чемоданы в багажник, и сладкая парочка скрывается в салоне автомобиля. Машина отъезжает.

Проводив взглядом увозящее изменника авто, начинаю хаотично соображать, что же делать дальше.

— Юлька! Ты что там застряла? Пошли домой! Мать ждёт!

— Брат мой, — поясняет Юлька, — Ладно, пойду я. А волка этого больше не бойся! Он не опасный, — и добавляет наставительно — Красивые опасными не бывают.

— Ещё как бывают, малыш! Ещё как! Красивые — они всегда самые опасные... — задумчиво откликаюсь я, — Но ты за меня не волнуйся, он уже уехал. Беги. Хорошего дня! И спасибо тебе за заботу.

Дождавшись, пока девочка уйдёт, выбираюсь из укрытия и направляюсь к подъезду. Нужно привести себя в порядок и всё хорошо обдумать.

Квартира встречает меня ароматом чужих духов. Сладкий, приторный запах, как и вид спальни, вызывают тошноту. Этот гад даже прибраться за собой не удосужился!

Так, сначала уборка! Вычистить всё, уничтожить малейший след этой твари! Глеб был со своим дорожным чемоданом, а значит в ближайшее время гостей ждать не приходится.

Распахнув настежь все окна, подхожу к супружескому ложу и морщась сдёргиваю шелковую нежно-лиловую простыню. Этот комплект — подарок на нашу с Глебом свадьбу. Мы застлали его лишь по-особым случаям — дни рождения, годовщина, Новый год...

— Праздничное бельё для праздников, — как не раз говорил мой муж.

Видимо приход любовницы был для Глеба воистину праздничным и важным событием. На простыне разводы — жаркая ночь выдалась у этих двоих...

Приношу из кухни пакеты для мусора и с брезгливостью засовываю в один из них прохладную, скользкую ткань. Туда же отправляются пододеяльник и наволочки. Теперь это всё — не более, чем грязь. Вот и моя жизнь так же...

Эротический костюм белобрысой, фужеры, пустые бутылки и прочие следы действия, развернувшегося тут минувшей ночью — всё туда: хлам кхламу, грязь к грязи! Как жаль, что и этих мерзавцев нельзя упаковать сюда же!

— Ненавииду! — реву я в голос, уже не сдерживаясь.

Меня трясёт от боли, обиды и пережитого унижения.

Ещё раз обвожу взглядом комнату, не пропустила ли чего, и крепко завязываю ленты мешка. Один готов.

Раздвигаю дверцы стенного шкафа и с остервенением продолжаю «уборку»: трусы, носки, футболки мужа — в грязь!

Верхняя одежда, рубашки, костюмы — туда же. Место в шкафу освобождается, полки стремительно пустеют... Последней, сдёргиваю с плечиков любимую косуху Глеба — что-то с мягким стуком падает на пол. У моих ног лежит бархатная розовая коробочка в форме сердца. Поднимаю её, безотчётно верчу в руках и открываю.

На нежно-розовой атласной подложке искрящейся змейкой свернулась золотая цепочка, но внимание привлекает не она, а изумительный кулон, тончайшей работы.

На усыпанном бриллиантовой крошкой полумесяце, в вальяжной позе, грациозно лежит изящная кошка. Её миндалевидные глаза сверкают изумрудами, на шее лента из белого золота украшенная фиолетовым опалом. Одна из передних лапок зверька расслабленно свисает вниз, сжимая в коготках ажурное сердечко из розового золота, по-центру которого

разместился рубин глубокого, насыщенно-красного цвета.

У меня невольно вырывается вздох восхищения — такой красоты мне ещё не приходилось держать в руках.

На внутренней стороне крышки, золотым тиснением по розовому, выбито «Любимой».

Любимой? Вот значит как?! Неет, Глеб, любимым не изменяют! Или ты решил, что можешь вероломно крутить с левой бабой, а потом откупиться от угрызений совести дорогой безделушкой?!

Хмурюсь, закрываю коробку и возвращаю её в карман куртки, после чего последняя отправляется в пакет, к остальному имуществу предателя.

Любовь не покупается и не продаётся, Глебушка! И никакие драгоценности мира не в состоянии компенсировать ту боль, что ты мне сегодня причинил.

Наверное, в минуты сильного стресса, именно наличие цели помогает выстоять и хоть как-то пережить острый период. Как заведённая ношусь по квартире, собирая Глебовы вещи. Из спальни переключаюсь на детскую, потом перехожу в кухню, следом в ванную, и не успокаиваюсь, пока всё его имущество не оказывается рассоединённым по туго набитым пакетам. И только после этого останавливаюсь и понимаю, на сколько же сильно устала.

Оставшейся энергии хватает лишь на то, чтобы закрыть окна и поползти до кровати. Прямо в одежде падаю на незаправленную постель и засыпаю крепким, тяжёлым сном без сновидений.

Просьпаюсь с жуткой головной болью. За незашторенными окнами сумрачно-серо — не могу понять вечер сейчас или раннее утро. Нашариваю лежащий рядом телефон: чёрный экран, никакой реакции на нажатие кнопки — разряжен в хлам.

Поднимаюсь и со стоном топаю на кухню. Голова просто раскалывается, каждый шаг отдаётся острой, пульсирующей болью.

Достаю аптечку и закидываюсь сразу двумя таблетками Ибупрофена. Открываю кран, прикладываюсь к струе, ловя губами холодную, слегка отдающую хлором, воду. Во рту — сахара. Водопроводная вода кажется вкуснее и желаннее любого изысканного напитка. Пью не отрываясь, долго, жадно. Потом умываюсь и перевожу взгляд на настенные часы. Всё-таки утро, вернее предутрие.

Звонить, куда бы то ни было, рано — все нормальные люди ещё спят. Подключаю телефон к зарядному устройству и тащусь в комнату. Решаю, что самым разумным сейчас будет опять погрузиться в сон — грядущий день обещает быть тяжёлым и силы мне ой как понадобятся.

Но сначала не мешало бы вымыться, а то от меня скоро, как от того козлика, нести будет.

Достаю из шкафа свежий комплект белья и начинаю заправлять постель.

Подтыкая простынь, между матрасом и изголовьем кровати, нащупываю пальцами что-то жесткое. Выживаю находку — в руке оказывается бластер с противозачатками. Не моими...

— Ах, какие ответственные! Предохраняются... Твари. — отшвыриваю таблетки на подоконник — позже решу, что с этим делать.

Плетусь в ванную, моюсь и ещё долго стою под струями горячей воды. Меня вчера в такое окунули, что хочется находиться тут вечно. Жаль душу так же легко, как тело, не отмыть...

Комната наполняется густой белой взвесью пара. Ощущаю себя маленьким, заблудившимся в тумане ёжиком. Ну ничего, я постараюсь найти в себе силы выбраться из обступившей меня мглы.

Распахиваю двери, выпуская влажный, горячий воздух и с остервенением тру себя полотенцем.

— Почему?! Ну чего ему не доставало?! Захотелось разнообразия? Или я ему стала настолько отвратительна, что он просто был вынужден кинуться в объятия другой, красивой и ухоженной женщины? Разлюбил? Или после родов со мной произошли какие-то физиологические изменения и я просто перестала его удовлетворять? Ведь именно после рождения Кира, наша интимная жизнь свелась к минимуму. Страсть, разнообразие, предварительные ласки — всё практически исчезло.

Глеб, до этого никогда не был большим поклонником миссионерской позы, но последнее время у нас всё начиналось и заканчивалось именно ей. Он молча забирался на меня сверху, быстро делал свои дела и откатившись в сторону, тут же засыпал. А я лежала и долго пялилась в потолок, не в силах уснуть — разгорячённая, неудовлетворённая, не понимающая этого разительного контраста между «до» и «после».

Иногда я, трясущаяся от переполняющего тело желания, осмеливалась настаивать на

продолжении. Прижималась к нему, покрывая его шею и спину жадными поцелуями.

— Прекрати! Неужели не понимаешь, как я устаю на работе? Прояви хоть чуточку сочувствия, — слышался раздраженный голос мужа, — И отодвинься немного. Мокрый весь. Жарко.

А что если дело не только в нём? Что если я тоже невольно виновата в произошедшем?

Ведь сколько раз Глеб вскользь бросал мне, что я поднабрала после родов, что нужно бы заняться собой, сесть на жесткую диету или ещё что-то. Правда он категорически негативно воспринял мою инициативу записаться в спортзал.

— Пустое выкачивание денег! А сына ты куда денешь? Мне зал необходим, так как дома силовые тренажеры не поставишь, а тебе-то это зачем? Посадила Кира в коляску и ходи себе хоть весь день! Да хоть бегай — я вон, по-пути на работу, много бегуней с колясками вижу. Тебе-то что мешает? — менторствовал он, — И в еде ужмись — курица на пару, морковка... А то разбаловала себя! Я женщина — у меня организм другой: пара котлет вполне легко выбиваются жимом. А у вас, баб, всё иначе. Вот и думай, хочешь ли ради жратвы в кубышку превратиться.

Я соглашалась с ним и честно пыталась следовать его указаниям. Но после недели на паровом рационе, чувствовала себя совершеннейшей развалиной. После даже самой непродолжительной прогулки с ребенком, руки и ноги начинали трястись, а головная боль становилась каждодневным и неотъемлемым спутником жизни. В итоге, происходил срыв и я возвращалась к обычному «домашнему» рациону, так и не добившись желаемого эффекта. Ощущала себя, при этом, жалкой и безответственной слабачкой. И ещё долго не могла спокойно смотреть мужу в глаза, чувствуя, что, в очередной раз, не оправдала его ожиданий.

Напротив меня большое зеркало во всю стену (каприз Глеба — не в пример мне, он очень тщательно отслеживает любые изменения в собственном теле). Я внимательно вглядываюсь в прояснившуюся поверхность.

Да, придраться есть к чему: руки чуть пополнели, плечи округлились... грудь правда тоже — это плюс, теперь у меня вожделенная полноценная тройка. С кожей мне повезло — она оказалась весьма эластичной и, не смотря на минувшую беременность, сохранила свою первозданную чистоту — ни единой растяжки не нахожу. Опускаю взгляд ниже, морщусь. Живот, некогда плоский, утратил свою былую подтянутость. Нет, брюхом его ещё не назовешь, но и девичий тонус он явно потерял, округлился, стал более женственным — «бабским», как выразился бы Глеб. Талия чуть-чуть расширилась, бёдра тоже слегка раздались. Ноги ровные и вроде бы визуальное всё хорошо, но я вспоминаю, что джинсы трёхлетней давности на меня натягиваются с бооольшим трудом.

Грустно вздыхаю, кручусь, пытаюсь рассмотреть как обстоят дела с тыла.

Попа... ну обычная такая женская попа — не плоская, не обвислая, но вот до «ореха» белобрысой ей ой как далеко!

— Ну и чего ты от него хотела?! Сравни её и себя! Сравнила? Ну и как тебе? Ты же не круглая идиотка, чтобы не понимать, что на её фоне тебе ловить совершенно нечего!

Становится больно и обидно до слёз:

— Нет, видимо всё же идиотка, раз так наивно верила, что любят не за крутой зад и плоский живот! Вот мне глаза и открыли... Просветили самым доходчивым образом! Никому, Лесь, твоя душа не нужна! Хочешь любви красивого человека — соответствуй его уровню. А то дожидка до двадцати шести лет, а разумом осталась на уровне восьмилетки, верящей в детские сказки. Теперь пожинай последствия своей наивности! Делай выводы!

Тяжело вздыхаю и в самых расстроенных чувствах возвращаюсь в постель.

Хватит самокопаний! К чёрту Глеба и его идеальную любовницу! Приказываю себе спать и ни о чём не думать. И, как не странно, практически сразу засыпаю.

— Я так тебя люблю! — срывающимся голосом шепчет Глеб, нежно покусывая мочку моего уха.

Содрогаюсь от томительной сладости, зарождающейся где-то внизу живота и горячей волной разливающейся по всему телу. Поворачиваю голову и ловлю губами его губы, впиваюсь в них страстным поцелуем, насыщаюсь его вкусом, его запахом.

— А как же она? — спрашиваю, подавляя стон удовольствия.

— Она? Ты о чём? — удивляется Глеб.

— Ну эта... белобрысая твоя... Я же вас вчера дома застукала.

— Дома? Но мы же ещё не прилетели домой... Лесь.

— Значит это был сон?

— Ну конечно же: всего лишь глупый сон... Как же я хочу тебя! — его рука ныряет под подол платья, гладит, ласкает, сквозь тонкую, стремительно увлажняющуюся ткань.

Мне кажется, что если я сейчас не почувствую его, то просто взорвусь от неконтролируемого напряжения. Приподнимаюсь, подаюсь на встречу, вжимаюсь в него, ощущая всю силу его желания. Он понимает, что я на взводе и проворно освобождает меня от ставшей ненужной преграды — плавочки ажурным комочком падают на соседнее кресло.

Кресло?

Открываю зажмуренные от удовольствия глаза и обнаруживаю, что мы действительно находимся в салоне самолёта. Бизнес-класс заполнен и все взгляды устремлены на нас. Через проход вижу ухмыляющуюся физиономию противного Пети, рядом с ним Света, закусив губу, ловит нас в видеоискатель смартфона.

Моего любимого совсем не смущает наличие зрителей. Он покрывает горячими поцелуями изгиб моей шеи, покусывает, ласкает языком. Его движения то ускоряются, то замедляются, словно он смакует каждый момент происходящего с нами. Я чувствую, что приближаюсь к финалу. Тело напрягается, готовое принять сладкий спазм разрядки.

Взгляд бесконтрольно движется за спины Пети и Светы: в следующем за ними ряду сидит белобрысая и... Глеб.

Глеб?!!! Но кто же тогда сейчас...?

— Тебе хорошо, котёнок? Скажи! Тебе хорошо со мной? — мягкий бархат чуть хриповатого от страсти голоса вливается в мои разгорячённые уши.

Поворачиваю голову, поднимаю взгляд и тону в серых, бездонных глубинах... и в эту же секунду мой мир взрывается в ярком, искрящемся фейерверке непередаваемого наслаждения...

Вскрикиваю и просыпаюсь. Лицо пылает, ощущаю бёдрами липкую влажность белья... Что это было только что? Что за нелепая и пугающая своей реалистичностью фантазия?!

Раздается настойчивый звонок телефона. Соскакиваю с постели и на заплетающихся ватных ногах спешу на кухню. Кидаю взгляд на дисплей: мама. Божееее, я же обещала ей позвонить! Так, не паникуем! У меня сейчас почти час, соответственно у неё ещё нет и девяти утра. Всё норм. Просто мамуля переживает, всё ли у нас тут в порядке. Выдыхаю и принимаю вызов.

— Привет, мам!

— Солнышко моё, как вы там? Как Глеб себя чувствует? Я буквально на секундочку —

не буду вам мешать, ты там и так наверное вся в заботах. У Кирюши всё хорошо, уснул вчера нормально, не плакал. Так что на этот счёт не переживай! Не знаю, одобришь ли ты, но я ему объяснила, что мама звонить каждый день не сможет. Он всё понял и согласился, — на одном дыхании выдаёт мама и продолжает — Верно, Кирюш?

Слышу утвердительный голос сына. Сердце ёкает и пускается вскачь.

— Мам, — делаю паузу, лихорадочно соображая, что же ей сказать. Прихожу к заключению, что временное сокрытие правды ложью не является и продолжаю, — За Глеба не волнуйся — он себя чувствует намного лучше, чем ожидалось. Но... дела с ним всё-таки обстоят не совсем хорошо... Так, что пока я действительно буду немного занята и возможно не смогу звонить каждый день... Спасибо, что подготовила Кирюшу к этому.

— Ты у меня самая замечательная! Люблю тебя! Очень! И за меня не переживай — кажется я вполне справляюсь... — сглатываю образующийся в горле комок и торопливо добавляю, — Сейчас долго говорить не получится, но на днях обязательно поделюсь с тобой подробностями.

Прошу включить громкую связь и пару минут общаюсь с сыном. Радуюсь, что звонок проходит не в видео-формате — напугала бы крошика своим расстроенным видом. Не давая негативным эмоциям отразиться на голосе, осыпаю сына шквалом нежностей и обещаний, что приеду к нему сразу, как только смогу. После тридесятого заверения в любви, запинаясь, не зная, как завершить беседу.

— Ладно, Кирюш, маме нужно к папе идти, а тебя деда в саду уже заждался совсем. Беги, расскажи ему, что мама звонила, — приходит на помощь мамуля. Потом прощается со мной и вешает трубку.

Так, одно дело сделано. Это было из разряда болючих, но приятных, а теперь на очереди не менее болючее и максимально омерзительное.

Открываю в WhatsApp контакт мужа. Сообщений от него нет. Даже не вспоминает обо мне.

Ну это мы сейчас быстро исправим!

— Привет, Глеб! Как ты?

Ответ приходит практически сразу:

— Привет! Да не очень, если честно. Вот как раз таблеткой закинулся и спать собрался — голова болит жутко.

— Ты дома?

— Ну и вопросы у тебя! Конечно дома! Где же мне ещё быть? — откликается Глеб спустя пару секунд.

От его наглой лжи меня просто выворачивать начинает. Из последних сил сдерживаю накопившую ярость и нажимаю на кнопку видео-связи. Ну, что ты на это скажешь, гадёныш?!

Муж ожидаемо отклоняет вызов.

— Лесь, не могу говорить, прости. Голос с утра сел. — вываливает он на меня очередную порцию вранья, сопроводив её грустным плачущим смайлом.

— Хочу тебя увидеть, хотя бы... — пересиливая отвращение, отправляю сердечко и добавляю, — Соскучилась.

— Блин, ну виделись же вот только! — фырчит Глеб, — Лесь, ну в самом деле! Мне и так хреново, а сейчас с тобой пообщаюсь — ещё больше расстроюсь. Сон, опять же, собьется. Ну я же объяснил всё вчера... Неужели так сложно отбросить свои хочушки и войти в моё положение?

Вот же гад! Ещё наезжать на меня смеет?! Ну, сейчас я тебе, дорогой, твой сон и настроение конкретно собью!

Выхожу в прихожую и фотографирую свалку мусорных пакетов. Потом иду в спальню и щелкаю противозачатки белобрысой.

— Сейчас, милый мой! Сейчас! — бормочу себе под нос, отправляя первое фото.

Ответ приходит не сразу.

— Что это? — наконец откликается муж.

— А ты не видишь? Вещички твои. Я так понимаю, что, судя по отсутствию загранки, ты сейчас где-то «за бугром» болеешь? Так вот, мой болезный, сегодня я меняю замки в квартире, так что на возвращение домой можешь даже не рассчитывать. И даю тебе двое суток на то, чтобы приехал за своим барахлом. Цени мою доброту! Послезавтра, в девять утра, оно будет выставлено за дверь и за сохранность его я отвечать тогда не берусь. Не заберёшь через два часа после указанного времени и весь твой хлам отправится, на радость бомжам, прямиком на помойку. Доходчиво объяснила?

— И поаккуратнее там, а то твоя швабра пилюли в кровати забыла. — подписываю я следующее фото.

Телефон начинает лихорадочно вибрировать. У моего благоверного прорезался-таки голос? Похоже, я обладаю просто феноменальными способностями к исцелению!

— Олесь! Ты не так всё поняла! Блииин... Ну да, я тебя немного обманул, но это совсем не то, о чём ты подумала! — запинаясь, с явными паническими нотками в голосе, тараторит Глеб, — Просто у чела с работы попа полная — связался в командировке с иногородней

девкой, адрес ей свой по-пьяни сказал, ну та взяла и прикатила из своего Кукуево... Хорошо ещё, что позвонила с вокзала, до жены добраться не успела, а то вылетел бы из дома, идиот. Как пить дать! Ну вот, а пассии его идти тут некуда, денег своих не гроша, а у другана заначки наличной как раз не было, а все движения на счетах жёстко отслеживаются его цербершей... долгая история, но так уж вышло. Вот он, зная, что вы в отъезде и попросил меня девчонку эту переночевать пустить, а я просто не смог отказать. Он урод, конечно, но друг же...

— И ты пустил, шампанским напоил, да ещё и приласкал на дорожку? — ехидничаю я.

— Лесь, не говори глупостей! — взвывается муж, — я даже не ночевал в тот день дома! Ключи им отдал и всё. Понятия не имею, чем там они занимались вообще. А сам я, это... в горах... в Кабардино-Балкарии... Брат из байк-тусовки зазвал Эльбрус покорять. Знаешь же, что я давно брежу восхождениями. Ну вот, а тут такой шанс предоставился, не мог же я его упустить, в самом деле! — голос Глеба звучит всё увереннее и увереннее.

— Ясно, — откликаюсь я, — А про болезнь ты нагородил, чтобы я о горах не беспокоилась?

— Ну конечно же, Лесь! Зачем бы ещё мне это делать?! — радостно подхватывает Глеб, — Ну и на видео-связь сейчас не вышел, чтобы ты окрестности не увидела... мы как раз готовимся к старту восхождения. Ну и до этого, про болезнь придумал, чтобы как-то объяснить, почему больше недели созваниваться не получится. Тут же акклиматизацию проходить нужно... ну объясню всё подробнее, как вернусь.

Вот же гад! Врёт так гладко и складно, как по-писаному. Не застукай я их вчера лично — сто процентов, что непременно повелась бы на его сказку!

— А загранка тебе в Кабардино-Балкарии зачем?

— На всякий случай, Лесь. Подумал, мало ли что, горы всё-таки... Но сейчас понимаю, что зря взял. Но я ж первый раз — перестраховался... Как-то так.

— То есть ты хочешь сказать, что ты, сразу после нашего последнего разговора, отправился покорять Эльбрус? А в нашем доме, в это время, какие-то посторонние люди в любовь играли? — уточняю я.

— Именно! Ну вот примерно такой реакции я и ожидал. И ты ещё удивляешься, почему я был вынужден опуститься до лжи?! Да ты же просто не в состоянии нормально реагировать на то, что не откликается твоему мировоззрению! Тебя послушать, так ради твоих тараканов я должен был друга с работы нафиг послать и от мечты своей отказаться! Нет, моя хорошая! Пора бы уже вырасти и понять, что мир вокруг тебя одной не вертится! — металлические нотки в голосе Глеба, говорят о том, что он уже полностью оправился и утвердился, что опять целиком контролирует ситуацию.

— Кароче так! — продолжил он, — Быстренько сейчас встала и вещи мои на свои места вернула! Дома буду дней через десять. Ты же, в это время, сидишь на попе ровно и, как настоящая нормальная жена, думаешь о своих косяках и терпеливо ждёшь моего возвращения. И названивать мне не нужно. Как ты уже поняла: я сейчас немного занят, да и слышать и видеть тебя в ближайшие дни у меня нет никакого желания! Ещё поговорим на эту тему, как вернусь. И да, к родителям твоим мы в этом году не едем. Так что придумай на досуге, как сына домой доставлять будешь. Он же в Сочах остался, я всё верно понимаю? Да уж, ты и как мать себя проявила с «лучшей стороны», прям...

В данную секунду я должна была бы злиться и рыдать от ярости, но меня, почему-то пробивает на смех.

— А твой коллллега — он, по-совместительству, ...твой, некогда потерянный, ...однойцевый близнец? — я уже не могу сдерживаться и начинаю ржать в голос, — Иииии... родинки у вас... на поопе... одинаковые...

— Какие, к чёрту, родинки?! Ты там обдолбалась, что ли? — взрывается муж, но я не дослушиваю его тираду и отключаюсь.

Смех душит, до спазма, до икоты. Я просто не могу остановиться. На глазах выступают слёзы, смеюсь сквозь них и даже не сразу понимаю, когда хохот переходит в такое же неконтролируемое рыдание.

— Бааа, — отмечаю про себя, — да у тебя, дорогая, самая настоящая истерика...

Как пьяная, на ощупь, добираюсь до ванной и долго-долго отмачиваю лицо в ледяной воде. Постепенно мне становится чуть легче, рыдания утихают, но резкие судорожные всхлипы похоже еще долго будут напоминать о произошедшем.

Заглядываю в WhatsApp. Какой заботливый! Даже не подумал перезвонить.

— Я вас видела, урод! — отправляю ему фото, на котором он лобызается с белобрысой, — Приедешь ты куда угодно, но не в эту квартиру. И да... время на вывоз вещичек сократилось на сутки — не заберёшь своё барахло завтра — всё отправится на помойку. И да — я за безопасный секс: таблетки твоего «Эльбруса» рядом с твоими документами, в верхнем пакете. Не благодарите! И не вздумай мне названивать! Как ты уже наверное догадался: в ближайшие дни я буду немного занята...

Чувствую, что выжата до предела. Разговор с Глебом вытянул практически все силы. Злость, разбуженная давешним диалогом, стремительно и неотвратимо растворяется, подобно утреннему туману, освобождая место странному оупению и душевной пустоте. Я словно пребываю в вакууме. Даже боль уже не ощущается в полную силу. Мысли путаются, сбиваются. Снова тянет в сон. Хочется просто лечь, свиться в клубочек, под иллюзорным укрытием одеял — отгородиться от воспоминаний, мыслей, чувств... Нырнуть в спасительный мир снов, отложив все действия и решения до лучших времён.

Встряхиваю себя, силой вытягиваю из манкого плена апатии и бездействия. Взбодрись, Лесь, ещё не время складывать лапки!

Так, что там у нас дальше по-плану?

Нахожу в Яндекс контору по срочной смене замков. Игнорируя настойчивое позвякивание Вотсап (даже смотреть не хочу, что там мне пишет этот гад), набираю контактный номер и оформляю заявку:

«Да, сегодня возможно... да, мастер будет у Вас через пол часа... да, окончательная стоимость будет известна после приезда специалиста — всё зависит от сложности работ, от типа замка и от требований к новому механизму... да, вы сможете оплатить услугу на месте, с помощью карты или наличными средствами...»

Выдыхаю, теперь мне остаётся лишь ждать. Надеюсь, что скоро моя крепость будет укреплена и мне не придётся больше переживать на тему внезапного и нежелательного вторжения Глеба.

Боже мой! А ведь ещё совсем недавно, скажи мне кто-то о подобном, я бы просто рассмеялась ему в лицо.

На протяжении нескольких лет, Волк являлся центром моей Вселенной а, до появления ребёнка и основным её смыслом.

Мы познакомились с ним, когда я училась на третьем курсе «графики».

До момента нашей встречи, вся моя жизнь крутилась вокруг учёбы и творчества. Не то, чтобы я была классической заучкой, просто мне действительно, до умопомрачения нравилось то, чем я на тот момент занималась. Постепенно рисунок вытеснил все другие увлечения, встречи с друзьями и студенческие тусовки не могли восполнить тот драйв, который дарило мне изобразительное искусство.

— Одержимая, — не раз говорила мама.

Этот эпитет не являлся оскорбительным. В её интонациях сквозило искреннее восхищение и толика глубокой печали.

Любовь к рисованию передалась мне по наследству от отца. Он был очень талантливым и, в рамках нашего города, весьма востребованным художником. Ярым фанатом своего дела. Сколько себя помню, наш дом всегда больше походил на художественную студию, нежели на обиталище средне-статистической «нормальной» семьи — и мне это безумно нравилось. Я буквально боготворила отца и обожала наблюдать, как он работает. Отец был мастером на все руки — ему одинаково хорошо давались как портреты, так и пейзажная живопись. Но больше всего он любил писать людей. Будь то портрет или художественная зарисовка — люди на его полотнах всегда выходили изумительно живыми, одухотворенными. Неудивительно, что эта его способность и являлась основным источником дохода нашей

семьи. И доход этот был вполне существенным. Не могу сказать, что мы были безумно богаты, но вполне могли себе позволить приличный загородный дом, ежегодные поездки на отдых у моря и оплату моего обучения в частной школе с художественным уклоном.

Творчество. Я жила в нём.

Наш дом постоянно был заполнен различными интересными людьми. Художники, поэты, писатели, местечковые актёры — все они были частыми и постоянными гостями нашего дома. Мне казалось, что так будет всегда. Но сказочный мир рухнул в одно мгновение — папа неожиданно и сильно заболел. Его не стало за два месяца до моего четырнадцатого дня рождения. Рак сожрал его всего лишь за год и это был самый жуткий год в нашей жизни. Мама, буквально на глазах, постарела лет на десять и ещё долго не могла оправиться от потери любимого «Сашеньки».

Поначалу друзья отца искренне пытались нас поддерживать, помогать, но мама впала в состояние жесткой апатии — время шло, а атмосфера безмерной потери не покидала нашу семью. Люди приходили, пытались развлечь, вытащить из трясины траура и уныния, но понимая тщетность своих потуг, постепенно уставали, отсеивались, забывая дорогу в наш дом.

Постепенно ушли все, кроме лучшего друга отца — Полянского Павла Сергеевича, моего любимого дяди Паши. Не смотря на то, что мы жили в холодной Сибири, а дядя Паша в солнечном Сочи, он стабильно, раз в пару месяцев, приезжал к нам на несколько дней. И только в эти дни мама по-настоящему оживала. Он вытаскивал нас на долгие загородные прогулки, в зоопарк, в кино, на спектакли и музыкальные концерты. Водил в кофейни и буквально запинывал маму в магазины одежды и спа-салоны. Именно он воодушевил её вернуться к музыке и попробовать себя в качестве репетитора. Медленно, но верно, мы стали выбираться из тьмы на свет и наша жизнь, постепенно, вошла в нормальную колею. Дом мы продали (он давил на маму, ей всюду виделся отец, чудилось его присутствие) и переехали в небольшую квартиру в центре города. Основная часть папиных работ была передана в местный краеведческий музей, что-то продано с аукциона, а часть полотен оставлена мне, либо подарена дяде Паше.

Помню вечер, когда мама, потупив глаза, объявила о моём переходе в обычную школу — частная стала для нас непозволительной роскошью, ведь предстояло ещё думать о моей дальнейшей учёбе, а высшее образование — дело весьма затратное (от моей идеи работать и учиться на заочном, мама решительно отмахнулась, сказав, что Сашенька ей такого просто бы не простил).

Вот так и вышло, что одиннадцатый класс я заканчивала в другой школе. Все контакты с прежними друзьями довольно быстро оборвались (я уже не соответствовала их уровню), а новых друзей, к выпускному, мне завести так и не удалось — выработался у меня некий комплекс недоверия к людям.

Выбор будущей специальности не оставлял никаких сомнений. Поступила я мало того, что легко, так ещё и на бюджетное отделение.

К окончанию первого курса, дядя Паша внезапно решился и сделал маме предложение руки и сердца. И мама, проплакав пол ночи перед портретом отца, неожиданно это предложение приняла. Тем же летом они поженились и мама, боящаяся оставлять меня одну, после долгих сомнений и уговоров, всё-таки перебралась к дяде Паше в Сочи, а наша квартира фактически перешла в моё полное распоряжение.

Так началась моя взрослая, самостоятельная жизнь.

Я занималась любимым делом, подспудно стараясь оправдать оказанное мне доверие. Год пролетел незаметно и практически бессобытийно. Ни парням, ни тусовкам, ни романтике, в том моём мире, места не было.

Не было и быть не могло... пока я не встретила Глеба...

Наша первая встреча. Помню всё настолько чётко, как будто бы это случилось только вчера...

Захожу в аудиторию и встаю за своим мольбертом. Накануне Алла Иннокентьевна намекнула, что на следующем занятии нас ждёт нечто «из ряда вон».

— Ну, девчонки, радуйтесь — выхватили-таки свой золотой билетик. Такая фактура вас ожидает — закачааетесь! — с заговорщицкой улыбкой изрекает наш педагог — И только попробуйте схалтурить и не оправдать мои надежды! Заставлю до конца года исключительно голых старушек рисовать!

— Что же там за «фактура» такая? Как думаете: хорошенький? — возбуждённо перешептываются однокурсницы.

Я тоже сгораю от любопытства и предвкушения. Но, в отличие от товарок, меня не волнуют внешние данные демонстратора пластических поз, скорее мне интересно, насколько хорошо я смогу справиться с новой задачей. До этого мне не приходилось делать ничего подобного.

Алла Иннокентьевна просит ребят зашторить окна. Деревянный ящик на подиуме задрапирован отрезом плотной ткани. Мальчишки включают и выставляют свет.

В студию заходит высокий светловолосый парень. На вид чуть старше меня, стройный, подтянутый, узкие джинсы обтягивают длинные, безупречной формы ноги, широкий свободный свитшот не в состоянии скрыть контур красивой фигуры.

Кто это? Новенький из студентов? Или это и есть наш «золотой билетик»?

Алла Иннокентьевна приветливо улыбается, подзывает к себе старосту и они втроем удаляются в комнату отдыха.

Через несколько минут троица возвращается. Вижу, что парень успел переодеться.

— Ребята, это Глеб. Он будет нашим демонстратором на несколько ближайших занятий. Напоминаю, что сегодня мы начинаем писать обнажённую натуру мужчины в положении лёжа. — объявляет Алла Иннокентьевна и поворачивается к парню — Глеб, Вы можете пройти на своё рабочее место. Примите пожалуйста позу, которую мы оговаривали. Говорить можно, но постарайтесь, по-возможности, не двигаться. Через пол часа у Вас будет перерыв на отдых.

Глеб кивает, снимает халат и подходит к подиуму — он полностью обнажён, если не считать коротких обтягивающих трусов, телесного цвета. Несколько девочек восхищенно всхлипывают. Я тоже впечатлена. И есть от чего — парень действительно прекрасен. Широкоплечий, атлетически сложенный. Рельефная, развитая, но, не в пример анаболическим качкам, естественная мускулатура; ровная, чуть загорелая кожа; на голове густая грива волнистых светло-русых волос, отливающих, при каждом движении, золотом. И глаза! Яркие, небесно-синие...

Внезапно ловлю на себе его пристальный, оценивающий взгляд. Теряюсь на секунду, отворачиваюсь, подавляя невольный вздох.

— Это не человек — это, всего лишь, натура! Отбрось непрофессионализм и сосредоточься на работе, Лесь! — приказываю себе.

Тридцать минут — перерыв — ещё тридцать... по кругу. Время проносится незаметно.

Полностью погружаюсь в процесс, но, тем не менее, отмечаю, что на меня он больше так ни разу и не взглянул...

Мы рисуем его на протяжении двух недель. За это время, для остальных, Глеб стал «своим в доску». Во-время перерывов его особо не достают, жалеют, дают спокойно размяться, но вот после окончания занятий он неизменно окружен ребятами. Они обсуждают что-то, весело смеются... парни, прощаясь, дружески хлопают его по плечу, девочки же, сбившись в плотное полукольцо, рисуются, кокетничают и всячески стараются привлечь его внимание.

А я ощущаю, что мне нет места в этой щебечущей стайке... на меня он даже не смотрит.

Дома, по-вечерам, воспользовавшись многочисленными набросками, пишу его портрет и с содроганием сердца ожидаю скорое и неминуемое расставание — Алина (одна из моих подружек по учебке) рассказала на днях, что Глеб продолжать работать натурщиком не планирует. Понимаю, что скоро он навсегда исчезнет из моей жизни, но, как ни пытаюсь, не могу выкинуть его образ из головы. Плотные, навязчивые мысли плавно перетекают из холодной действительности в жаркие и красочные сны...

— Ну что ж, Глеб, искренне Вас благодарю! Вы работали как настоящий профессионал. Думаю, что ребята со мной согласятся... — произносит Алла Иннокентьевна, под одобрительный гул аудитории, — Слышала, что Вы нас покидаете, но хочу сказать, что если вдруг передумаете, то я буду рада снова увидеть Вас в своей мастерской.

Вот и всё...

Не желая растягивать неприятный момент, быстро собираю свои вещи.

На выходе из вуза меня догоняет раскрасневшаяся Алина.

— Лесь, слушай, тут Глеб всех в кабак зовёт, хочет свои «проводы» отметить. Карочь, знаешь же «Пятый угол»? Давай с нами! Через пол часа там собираемся. — взбудораженно верещит она в моё ухо.

Смотрю на неё и отрицательно качаю головой:

— Меня он не звал. Не думаю, что мой приход будет уместным...

— Ну ты и зануда! — обиженно куксится подруга, — Тебе реально особое личное приглашение требуется?!

Очень хочется пойти, увидеть его ещё хотя бы раз, но почему-то мне кажется, что виновник сходки меня там совсем не ждёт.

— Без проблем! Тогда я лично тебя приглашаю, — раздаётся у меня за спиной.

Подпрыгиваю от неожиданности и оборачиваюсь.

Глеб стоит практически вплотную ко мне. Ощущаю его запах и тону в пронзительно-гипнотической сини. Сердце сбивается и замирает, а потом, срываясь, несётся в бешеном аллюре.

Чувствую, как мгновенно краснею...

— И я буду очень рад, если ты придёшь. — добавляет он...

Трель дверного звонка вырывает меня из плена воспоминаний.

Мастер приехал.

Снимаю с брелока старый ключ и заменяю его на новый. Оставшиеся экземпляры отправляются в ящик компьютерного стола. Ну вот, ещё одна галочка в мысленном списке дел. Пока справляюсь. Но что будет, когда мой список закончится? Будущее видится туманным и пугающим...

Ладно! Как там у Скарлет? «Не сегодня! Подумаю об этом завтра!»

Желудок сводит в сосущем спазме, живот недовольно вторит голодным урчанием. Блиииин, я же больше суток ничего не ела! На нервяке даже и забыла об этом.

Ревизия холодильника не радует: тут не то, что «мышь повесилась», тут ей даже вздёрнуться не на чем... Кроме пластиковых доз с какими-то ресторанными обедками, да одного сырого яйца, ничего съедобного не обнаруживаю. Зато с другим проблем нет: пара бутылок шампанского, текила, самбука...

«Эти» отрывались с размахом!

К алкоголю я ровно, да и праздновать пока особо нечего. Так что проку мне от этой находки, ну ровным счётом никакого...

— Не могли еды нормальной купить, сволочи! — раздражённо ворчу себе под нос, понимая, что незамедлительного похода в магазин мне не избежать.

Иду одеваться и оттормаживаюсь.

Вот же! Я же свою одежду стирать не закинула, а основные вещи моего небогатого гардероба остались в Сочи... В отчаянии бросаюсь в спальню, открываю шкаф и печально осознаю, что выбор в чём пойти, особого выбора не предполагает. Вечернее платье — мимо. Короткий сарафанчик — ага, самое то в нём тяжёлые продуктовые пакеты таскать! Кожаная мини-юбка (каприз Глеба) — отметаем. Пара домашних пижам... не то... не то... Всё не то!

— Ну зачем тебе много одежды?! — увещевал Глеб, пресекая мои и без того редкие порывы купить что-либо понравившееся — Ты же с ребёнком всё время, оставить его не с кем. Я работаю постоянно. Ну, куда тебе наряжаться-то?! Да и с деньгами сейчас нужно обращаться более осторожно. Вот пойдёт Кирюха в школу, тогда и обновишь гардероб. К тому же, заранее закупаться вообще смысла нет — вдруг растолстеешь за это время. И что тогда, деньги на ветер?!

Расстраивалась, но неизменно кивала, соглашаясь с его логикой. Вот и докивалась! Одни джинсы — грязные после дороги и дворовых прятков, вторые — остались у мамы, пара шорт и летние брючки — там же... Ну и как теперь быть?

На верхней полке, в самом дальнем углу, нахожу свои старые клёши, которые носила ещё до беременности. Они, с трудом, но налазят.

Да уж...

Пора бы тебе Леся и о себе подумать!

Расстраиваюсь было, но потом меня озаряет: вот ещё несколько пунктиков к моему спасительному списку!

После магазина настроение немного улучшается. Загружаю холодильник свежими овощами и фруктами. Нет, ударяться в крайности я не собираюсь — проходили уже. Но макароны и картофель из рациона на некоторое время уходят — это точно.

Быстро поужинав, решаю, что вот теперь пора устроить себе домашнее спа. Сто лет как не расслаблялась!

Уже было выхожу из кухни, но передумав, возвращаюсь и открываю холодильник.

А почему бы и нет! Заслужила!

Влажный туманный воздух наполнен тонким цветочным ароматом, пышные хлопья пены, пуховой нежностью, ласкают разгоряченную кожу.

Из динамика телефона мелодично рыдает Flëur: «...буду я — я из более прочного теста, Я достойна занять это место, я многое делаю лучше...»

Моргаю, отгоняя внезапно подступившие слёзы, тянусь к фужеру, отхлёбываю глоток ледяной жидкости, ощущая, как пузырьки покалывают и приятно щекочут нёбо. Потом закрываю глаза и с головой погружаюсь в остывающую воду. Один, два, три... минута... две... Выныриваю, жадно глотая кислород. Раньше это неизменно помогало, но сейчас легче, почему-то, не становится. Вот тебе и поплавали!

За то время, пока я принимала ванну, за окнами потемнело. Первые неуверенные капельки ударились о стекло, выдержали неловкую паузу, и словно уже не имея сил сдерживаться, понеслись, забарабанили, зашелестели...

Натянув любимую пижаму, сажусь на гладкий пластик подоконника. Забираюсь на него прямо с ногами и прижимаюсь лбом к прохладному и чуть запотевшему стеклу, отслеживаю пальцем змеящиеся водяные дорожки.

Дождь. В тот вечер тоже был дождь...

Ирка Котова буквально вращается в колени Глеба. Верхние пуговицы красной обтягивающей блузы расстегнуты так, что виден чёрный мысок ажурного лифчика, полная аппетитная грудь практически вываливается из глубокого выреза. Лицо покрасневшее, но до одурения довольное. Она поправляет сбившуюся прядь длинных шелковистых волос и взглядом, полным торжества и превосходства, сканирует лица неудачливых потенциальных соперниц. Наклоняется к Глебу, что-то щебечит ему на ушко. Тот смеётся, опускает голову и практически упирается носом в её пышные буфера...

— Да к чёрту! — подзатуманенный алкоголем мозг пронзает очередной вспышкой бессильной ревности, — Довольно с меня этого балагана! Баста!

Встаю, бросая на стол смятые сторублёвые купюры.

— Счастливо оставаться!

— Лееесь, ты кудааа? Чё соскочила-то?! — кричит мне вслед Алина, предпринимая попытку выбраться со своего насеста.

Решительным жестом останавливаю её:

— Домой. Мне правда пора... На учёбу завтра.

— Так всем на учёбу, Смирнова. Ну, что как не своя?! Возвращайся давай! — подаёт голос осоловевший Пашка Зёмкин, — Или это... давай провожу тебя, что ли...

Выдавливаю из себя дежурную улыбку и отрицательно качаю головой:

— Не. Сама дойду.

На улице темно и промозгло. До дома, по диагонали, идти пару кварталов, не больше. Стою минуту, мысленно прикидывая предстоящий маршрут. После жаркой и душной забегаловки, холодный, пропахший озоном уличный воздух поражает своей сладостью. В голове проясняется. Прохожу пару метров по освещенному фонарями тротуару и решительно сворачиваю в тоннель контрастно-чёрной подворотни.

— Деевушкааа, Вашей маме зять не нужен? — настигает меня пьяный мужской голос.

Вздрагиваю от неожиданности и ускоряю шаг.

— Ээй, курица, куда побежала так? — в голосе второго слышатся возмущённые злые нотки.

Боооже!!! Только этого мне сейчас не хватало!

Уже не стесняясь, срываюсь на бег и влетаю в безжизненное пространство спящего двора — с одной стороны полукругом возвышается какое-то административное здание, с другой — две старые пятиэтажки. Слепые провалы окон, а те, что излучают свет, плотно зашторены. Дождь разогнал людей по домам, даже вездесущих собачников не видно.

Тяжёлый топот приближающихся шагов за спиной. Чья-то шершавая, горячая ладонь хватается меня за локоть и резко отдергивает назад, к тёмной стене здания. Пытаюсь закричать, но пропахшие табачной вонью пальцы зажимают раскрытый в крике рот — вместо пронзительного вопля вырывается лишь приглушённый сдавленный писк. Один мужчина плотно прижимает меня к себе, не давая пошевелиться, вырваться из этой цепкой хватки. Второй заходит спереди. Жёсткие, грубые пальцы забираются под футболку, шарят, щипают, смыкаются на груди. Второй рукой он возится с замком моих джинсов. Чувствую его касания, содрогаюсь от ужаса и отвращения. Он пинком подсекает мои подогнувшиеся ноги, раздвигает их, залезает под тонкую ткань трусов, пытается проникнуть глубже. Боооольнооо!

Боже мой, Боооже, только не так!

— Не трясииись, слаааденькая, сейчаас согрееею... — упырь хрипло дышит в моё лицо вонючим кислотным перегаром.

— А ну отвалили от неё, уроды! — до боли знакомый, наполненный угрозой голос, вырывает меня из липкой тины зловонного кошмара.

Глеб!

Просьпаться утром нереально сложно. Будильник выдаёт два повтора, прежде чем я, наконец, заставляю себя покинуть чертоги снов.

В комнате темно. Раздвигаю шторы и понимаю, что на улице ненамного светлее. Свинцовое небо набрякло, нависло над ещё не успевшим просохнуть городом, затянулось тяжёлыми грозowymi тучами, готовое вот-вот разродиться очередной порцией ливня.

Сладко зеваю и плетусь в прихожую.

Настало время выставлять за дверь Глебовы вещи. Я — девочка правильная: пообещала — выполняю.

Выношу мешки в коридор и аккуратно складываю сбоку от входа. В доказательство содеянного (чтобы не подумал, что шучу) щёлкаю полиэтиленовую пирамидку на мобильник и скидываю в Вотсапп мужа.

Бааа, сколько же тут пропущенных-то! Да он прям сама настойчивость!

— Значит так, дорогой, вещички свои советую забрать как можно скорее. Я их тут стеречь не собираюсь. И, напоминаю, что сроку тебе до обеда. Не успеешь — сам дурак: будешь своё имущество по помойкам собирать. — отправляю, не глядя, что он мне там до этого напisyлал.

Через секунду телефон отзывается знакомой мелодией. Нет никакого желания отвечать. Боюсь, что могу расклеиться, услышав его голос. Но и сидеть весь день взаперти я тоже не планировала, а перспектива вероятной встречи с мужем, на улице или в подъезде, ой как не радует.

— Слушаю тебя внимательно. — стараюсь, чтобы голос звучал максимально сухо и официально.

— Лесь, привет! Спасибо, что взяла трубку. Ты не читала мои сообщения? — голос у Глеба наполнен неподдельной грустью.

— Нет. Не до тебя было.

— Лесь, ну не надо так... мы же не чужие с тобой. Я понимаю, что тебе из-за меня пришлось пережить... Лесь, я очень-очень сожалею! Но это не совсем то, что ты думаешь! Она... эта баба... Блиин! Слушай, не могу по телефону. Давай объясню всё при личной встрече.

— Нечего тут объяснять! Всё и так яснее некуда. — прерываю я его словесный поток.

— Малыш, ты не представляешь насколько я тебя понимаю! Я — тварь! Мне нет оправдания! Но и ты пойми — я сейчас не обеляю себя... просто хочу объясниться, чтобы ты видела всю картину в целом.

— А я хочу, чтобы ты освободил коридор от своих вещей! — резко выпаливаю в ответ.

— Лесь, стой! Не злись, пожалуйста! Ну сама подумай: куда мне идти с этими пакетами-то? У меня же, кроме тебя, никого нет... — в голосе Глеба проскальзывают нотки паники.

Сердце щемит. Боясь дать слабину, обрубая:

— К своему «Эльбрусу» вали! Дорогу знаешь. Думаю, разберётесь...

— Да нет у меня с ней ничего! Это один раз лишь было... вынуждено... — и тут же, видимо боясь, что я могу бросить трубку, быстро продолжает, — Лесь, я не успеваю вернуться сегодня. Пытался взять билет, но не вышло. Можно, хотя бы, чтобы ты это всё на

пару дней перенесла?

— Нет, не можно! У тебя времени до обеда. Ищи варианты. — знал бы он, как тяжело дается мне эта непреклонность.

— Хорошо. — упавшим голосом отвечает Глеб, — Если тебе это так необходимо сейчас... я попрошу кого-нибудь из парней подъехать. Ну из байкеров. Не пугайся, если что. Люблю те...

Отключаюсь, обрывая фразу на полуслове. Нет! Признания в любви мне точно сейчас ни к чему.

«Люблю тебя.» — кто из нас сказал это первым?

Смутно помню, как мы тогда добирались до моего дома. Глеб практически тащил меня на себе: после пережитого я слабо соображала и едва передвигала ногами. Сил хватило только на то, чтобы сказать адрес, да направление периодически показывать. Висела на его руке безвольной грушей, содрогаясь от стыда за случившееся, за то, как сейчас выгляжу, за то, какой он меня видел.

Моя квартира располагается в стандартной пятиэтажке. С трудом преодолевая несколько ступенек, мысленно благодарю всех богов за то, что выше первого этажа подниматься не нужно. Руки до сих пор трясутся никак не удаётся попасть ключом в замочную скважину. Глеб осторожно разжимает мои пальцы, берёт ключ и открывает входную дверь.

В прихожей бросаю быстрый взгляд в зеркало. Видок, прямо скажем, тот ещё: вся мокрая, в грязи, волосы свисают спутанными заскорузлыми паклями, на лице росчерки засохшей побуревшей крови — не моей, видимо измазалась, когда Глеб меня успокаивал.

Мой спаситель окидывает меня понимающе-сочувствующим взглядом, потом берёт за руку и решительно ведёт в ванную. Слабо возражаю, когда он начинает стягивать с меня противно липнущую к телу футболку.

— Послушай, Олесь, не знаю, что ты подумала, но я, правда, не ради развлечения это делаю. Тебя трясёт вон всю, губы синие, да и фиг его знает какая там гадость на одежду попасть могла. Тебе просто необходимо поскорее раздеться, помыться и согреться. Поэтому давай все стеснения в сторону — не время сейчас для этого.

— Кроме того, я не собирался тебя полностью раздевать. Я же не ушлепок какой-нибудь и не дебил — всё понимаю. Но одну я тебя сейчас оставить тут не могу: ты замёрзшая и в таком стрессе, что на ногах толком стоять не можешь. Не прощу себе, если упадёшь и травму получишь. Так что давай быстренько освободим тебя от всего ненужного, — продолжает он — Потом забирайся в ванную и, если тебе так легче, представь, что ты в купальнике. Смоем основную грязь, прогреешься, в себя немного придёшь, а потом я выйду. Обещаю. Согласна?

Киваю. Стыдно, но понимаю, что, скорее всего, он прав.

Под горячими струями воды начинаю потихоньку оживать. Глеб, ухаживает за мной, как за маленьким ребёнком: моет голову, натирает вехоткой спину, ополаскивает. Стекающая в сток вода постепенно светлеет и становится прозрачной.

— Ну, как ты? Лучше? Сможешь сама дальше? — заботливо уточняет он.

— Да. Кажется я уже в норме. Спасибо!

— Супер! Не против, если я у тебя на кухне немного похозяйничаю? Чай заварю, пока ты домываешься. — спрашивает Глеб, — И, у тебя вата есть? А то нос опять кровоточит...

Только сейчас запоздало соображаю, что он даже умыться не успел. Торопясь, сбивчиво

объясняю, где находятся заварка и домашняя аптечка.

— Я быстро! Ещё чуть-чуть совсем и выхожу. Тебе же тоже помыться нужно... — чувствую себя законченной эгоисткой.

— Сильно не спеши, — улыбается он.

Чашка горячего чая дожидается меня на прикроватной тумбочке. Рядом, на тарелке, нехитрый бутерброд с колбасой. Есть не могу, но от этой заботы становится так тепло и уютно. Никогда бы не подумала, что буду так радоваться куску хлеба и «Докторской».

Пока Глеб в ванной, застилаю свежим бельем гостевую кровать. Ложась в свою, свет не тушу — хочу дождаться Глеба, поблагодарить, пожелать ему спокойной ночи. Стоически борюсь с внезапно накатившей сонливостью и... сама не замечаю, как проигрываю.

Где-то на приграничье между сном и явью, скорее ощущаю, чем вижу, как он склоняется ко мне, поправляет одеяло, выключает прикроватный светильник, а потом... нежно касается губами моей щеки.

— Люблю тебя. — шепчет он.

— Люблю тебя. — выдыхаю я, обвивая руками его шею.

Я так и не поняла, кто тогда произнёс это первым, но точно знаю, что последней я быть не хочу.

Примерно через час раздаётся звонок, сопровождаемый громким стуком во входную. Подрываюсь и несусь в прихожую. Приложившись к дверному глазку вижу двух здоровенных бородатых мужиков. Чёрные футболки с вопящими принтами, объемные пивные животы, кожаные штаны, обтягивающие жирные ляжки... Ага, а вот и дружки Глеба пожаловали.

До сих пор не понимаю, как он умудряется так легко сходиться с абсолютно разными, и не похожими друг на друга, людьми. В какой только сфере у него приятелей нет! Байкеры, спортсмены, офисный планктон... И везде он «свой», друг и «брат».

— Что Вам нужно? — громко спрашиваю через запертые двери.

— Мы за вещами. От Глеба. Можно забирать? — басит один из громил.

— Нужно! И чем быстрее, тем лучше.

Наблюдаю, как мужики нагружают руки пакетами. Э, да они так за одну ходку всё утащат! Вот и здорово! Не будут лишней раз глаза соседям мозолить.

Удовлетворённая, отправляюсь завтракать. На улице по-прежнему пасмурно, но на душе становится ощутимо светлее. Как будто бы давящий груз с неё свалился. Легко так. Ирреальное что-то!

Пятница, вроде рабочий день в разгаре, но торговый центр наполнен основательно. Видимо погодные условия вынудили всех «незанятых» сменить уличные прогулки на более комфортную дислокацию.

Неуверенно захожу в один отдел, во второй, в третий и... постепенно обнаруживаю, что вхожу во вкус. Не набрасываюсь, не скупаю всё подряд (годы аскетизма даром не проходят), но в примерочную несусь уже не одну-две, а целый ворох вещей. Примеряю, верчусь юлой, прикидывая, что и куда смогу выгулять: «так, это точно не моё...», «а вот это вполне себе...», «красиво, но не удобно как-то...», «лучше...», «замечательно!», «это точно беру!». Медленно, но верно обрастаю пакетами с обновками.

В салоне дорогого нижнего белья зависаю надолго, не в силах выбрать между тремя особенно приглянувшимися комплектами. Цена кусается, но так хочется побаловать себя чем-то по-настоящему роскошным. Который взять? Нежный, персиково-кремовый, отороченный замысловатым шёлковым ажуром? Романтичный, лилово-розовый, манящий акварельным принтом из соцветий распускающихся пионов? Агрессивно-сексуальный, рубиново-чёрный: кроваво-красный искрящийся атлас в обвитии воздушной паутинки тончайшего тёмного кружева?

Примеряю, прикидываю, кручу так и эдак, а потом, плюю на практичность, голос разума и... покупаю все три.

Гулять так гулять!

Вспоминаю про моднявые кеды любовницы Глеба и так обидно становится, за свои ноунеймовские изношенные кроссы. Вот до слёз прям!

— Ничего, — говорю себе, — Пора и это упущение исправлять!

В обувном довольно быстро останавливаю свой выбор на сабо с высокой, но удобной и устойчивой платформой и на симпатичных молодёжных кедах (ничем не хуже белобрысовских). Определённо беру!

Далее, взгляд цепляется за лёгкие босоножки на изящной высокой шпильке. Надеваю, делаю неуверенный шаг, морщусь. Отвыкла я за три с лишним года от такой обуви. Уже было

отказываюсь от этой затеи, но перед глазами опять встаёт образ этой расфуфыренной курицы. Она-то, наверняка, на таких не ходит, а летает! Кроме того, мне совершенно нечем укомплектовать своё подзабытое вечернее платье... Я ещё не уверена, пригодится ли оно мне в ближайшее время, но мало ли... вдруг в театр или на балет выбраться получится. Давно никуда не ходила, да и чем-то же нужно отвлекать себя от грустных мыслей.

Ещё раз пересекаю туда-сюда торговый зал, прислушиваюсь к внутренним ощущениям, смотрюсь в зеркало — как же чудесно они смотрятся на ноге!

Всё! Решено! Мои! Просто не прощу себе, если оставлю их здесь. В конце-концов, раньше я на таких не то что ходила — бегала спокойно. А сейчас что мешает? Отвыкла? Ну значит будем привыкать!

Напоследок, забегаю в магазин спортивной одежды.

Эх, тут я полный профан!

Стесняясь, обращаюсь к консультанту, сбивчиво объясняя ей, что и для чего мне нужно. Девушка ободряюще улыбается и терпеливо рассказывает мне о преимуществах той или иной вещи.

Останавливаюсь на чёрных легенсах и длинной спортивной майке с поддержкой груди (короткий топ пока брать не решаюсь).

Последними выбираю кроссовки. Тут делаю упор не на красоту или бренд, а на удобство. Они мне для занятий нужны, а не для подиумных проходов. Тем не менее и здесь сэкономить не выходит: лучше всего садятся по ноге New Balance. Да так садятся, что и снимать не хочется!

Уф, давненько я так на себя не тратилась!

Домой добираюсь лишь к вечеру. Уставшая, вымотанная, но беспредельно довольная итогами прошедшей вылазки.

Начало новой жизни положено! Главное не сдуться на пол-пути...

«Дилинь-дилинь» пищит телефон, извещая о новом сообщении.

— Лесь, что происходит?!

Глеб, мать его! Всё портить вошло у него в привычку?

— Лесь, мне оповещения из банка пришли. Какого чёрта?! Ты решила весь нашу бюджет за день спустить?!

Ты вообще понимаешь, что творишь? Нам жить ещё месяц на эти деньги...

— Не нам, — вклиниваюсь сообщением в его гневную отповедь, — Меньше на свою швабру потратишь!

— Да какую швабру, нафиг?! Олесь, я понимаю: обижена, хочешь задеть побольнее... Но о сыне подумай! Мы не можем жить одним днём!

Читаю и ощущаю себя такой уставшей... Неужели он так ничего и не понял?!

— Глеб, нет больше никаких нас...

— Не говори ерунду. Кароч так: тебе нужно время? Ок! Отдыхай, приходи в себя — не буду мешать. Но карты я сейчас блокирую. Ты явно не в адеквате, не осознаешь степень ответственности за то, что творишь. И я, как мужчина и любящий муж, просто обязан о тебе позаботиться. Если нужны будут деньги на продукты, на насущное — пиши сразу. Без проблем переведу необходимую, разумную сумму. Но спускать нашу жизнь в унитаз не позволю!

— Да иди ты к чёрту, со своей заботой, деньгами и вообще! — не сдерживаюсь. Распирает от обиды и боли.

Открываю маму, пишу, что у меня всё ок, и отключаю телефон.
Достаточно с меня на сегодня!

Противный звук работающей дрели вытягивает меня из блаженной бессознательности снов.

Ну не гады ли?! Субботнее утро, а они шумят ни свет ни заря!

«Утро добрым не бывает» — как никогда начинаю понимать это выражение. С момента моего возвращения домой оно уже превратилось в какую-то закономерность — то одно, то другое...

Надо как-то эту закономерность искоренять!

Завтракаю и провожу ревизию в кошельке. Отбрасываю в сторону карту Глеба — теперь это абсолютно бесполезный кусок пластика.

Злорадно улыбаюсь, вспоминая, как он вчера взбесился. Но это сейчас, а в тот момент меня искренне расстроила его реакция. Не сам факт, что он собирается лишить меня доступа к средствам, а то как он это обыграл. По его словам выходило, что я какая-то неадекватная транжира, дурочка, не умеющая распоряжаться деньгами. Не знаю, чего я ожидала...

Наверное думала, что после того, как поймала его на измене, он постарается как-то извиниться, загладить свою вину... Как там в романах? Подарки, серенады, миллион алых роз под окном...

Ага, как же! Размечталась!

Вместо этого муж предпочел выставить меня какой-то неадекватной психичкой, которая шагу ступить без чужого контроля не может.

«Я просто обязан о тебе позаботиться... бла-бла... Если нужны будут деньги на продукты, на насущное... бла-бла-бла...»

На что он рассчитывает? Что я проникнусь его так называемой «заботой»? Что осознаю, в полной мере, насколько мы с сыном зависим от него? Что продамся, проглочу факт измены и позволю обращаться с собой подобным образом?

Да пошёл ты, дорогой, лесом! Я не на помойке себя нашла!

Достаю из потайного кармашка заветный прямоугольничек — маленький секретик, свою невинную тайну. Как это не забавно, но появилась она именно благодаря моей любви к Глебу.

Последние пару лет меня всё чаще и чаще стало посещать ощущение собственной бесполезности, беспомощности. Супруг работал как вол, а я, получается, просто сидела на его шее. К жалости и беспокойству за Глеба примешивалось чувство стыда за собственную бездеятельность.

— Солнце, я тут подумала: может мне стоит поискать работу? — поделилась я своими переживаниями с мужем.

Глеб воспринял эту идею в штыки:

— Олесь, ну вот что-за фантазии такие?! Чего тебе не хватает? Скучно что ли? Заняться нечем? Так ты на воспитание и развитие ребёнка внимание обрати. Вон, у Уткиных дочка — ровесница нашего и уже болтает во-всю, а из Кирюхи лишнего слова не вытянешь. Вот и давай, уделяй больше времени сыну. Это твоя основная работа сейчас.

— Глеб, это другое. Дело не в скуке, просто хочу помочь...

Муж смягчается, обнимает меня за плечи:

— Малыш, ну какая от тебя помощь?! Ты же после учёбы и дня официально не работала.

Неужели ты думаешь, что сейчас сможешь устроиться в нормальное место? Ты знаешь какая конкуренция на рынке труда? Если и возьмут куда-то, то за сущие гроши, а требовать будут столько, что времени на семью у тебя совсем не останется. — Глеб чмокает меня в щечку и продолжает, — Выкинь эту блажь из головы. Нам с Киром нужна любящая мать и жена, а не уставшая, заезженная лошадь.

— А если картины на заказ попробовать? У меня же хорошо получалось, в своё время....

— Вот именно — «получалось». Ты когда последний раз за мольберт садились-то? Не придумывай ерунды! Снять тебе помещение нам не по-карману, а превращать квартиру в художественную студию — та ещё затея. Там же краски, грунтовки, растворители всякие... хочешь сына затравить? Аллергия — не такая уж и безобидная штука, знаешь ли. Нет, пока он маленький, в доме твоих красок точно не будет! Мы же это всё обговаривали уже, ещё когда ты беременная ходила.

Его аргументы казались немного обидными, но вполне справедливыми. Я уже было совсем смирилась, но однажды, решение пришло само-собой.

— А что, хорошая идея, лисёнок! — поддержала меня мама, — Уверена, что у тебя всё получится! А на Глеба не обижайся, он просто заботится о тебе и сыне... по-своему. Ну ничего, раз он так реагирует, то ты ему пока не рассказывай о своей идее, не давай сбить настрой. Объяснишь потом, когда в ритм войдёшь и результаты появятся. А они непременно появятся — ты даже не сомневайся!

И мама оказалась права, результаты действительно не сразу, но появились. Доход был небольшим и пока нестабильным, но просматривая состояние своего счёта, я невольно преисполнялась внутренней гордости — это были мои первые, самостоятельно заработанные, в замужестве, деньги и я уже предвкушала, как удивится Глеб, когда я подарю ему на день рождения что-нибудь эдакое: новый планшет для работы или подарочный купон в лучший фитнес-центр города...

Не удивился — не успел. Спасибо, Глебушка! Зато теперь у меня есть кое-какие средства на первое время.

День провожу дома, стараюсь развлекать себя просмотром фильмов, чтением, но ни одно, ни другое не приносит желаемого отвлечения — мысли вновь и вновь возвращаются к мужу и сыну. Перечитав на третий раз один и тот же абзац и так и не поняв о чём в нём идёт речь, вздыхаю и отправляю книгу на полку.

Что же мне делать? Как быть дальше? Неужели развод? Но что сказать Кириллу, как объяснить, почему папа больше не будет жить с нами? Как заставить трёхлетнего ребёнка понять то, что я сама ещё принять не в состоянии?! От мысли, что с Глебом, похоже, всё кончено, сердце сковывает леденящий холод. Больно и до ужаса страшно, но и простить ему всю ту мерзость, что он совершил, любить его, доверять ему как раньше, я уже не смогу.

Хочется, выговориться, поделиться своими переживаниями и опасениями, получить дельный совет, одобрение, поддержку... Но я сейчас совершенно одна. Вместо приятелей, друзей, близкой подруги, лишь зияющая пустота. Я осталась один на один со своим горем. И кого в этом винить?

Как так вышло, что в моей жизни не было места ни для кого, кроме Глеба?

— Алин, мы с Волком заявление в ЗАГС подали! Свадьба в конце месяца. Ничего грандиозного не планируем — будут только свои. Как тебе идея стать подружкой невесты? — вся светясь от счастья вываливаю на подружку свою радость.

Алина хмурится, смотрит так пристально, что у меня мурашки по спине бежать начинают.

Мы не виделись с ней уже несколько месяцев. Раньше Алинка к нам с Глебом часто забегала. Мы общались, обсуждали творчество, планы на жизнь, играли в настолки. Мне казалось, что Глеб радовался её приходу не меньше, чем я. Из моей близкой товарки, она очень скоро превратилась в настоящего друга семьи. Всё было так хорошо!

А потом она резко прекратила у нас появляться. Я по-прежнему, время от времени, говорила с ней по телефону, но на все мои приглашения в гости она отвечала мягким, но неизменным отказом: «некогда», «неважно себя чувствую», «работу нашла — не до походов в гости сейчас»...

Сначала я пыталась выяснить, что происходит, но так и не получив внятного ответа, сдалась и пустила все на самотёк. У Алины, как раз в то время, произошёл весьма болезненный разрыв с парнем. И мне стало казаться, что на фоне этого, вид нашего с Глебом счастья стал причинять ей какую-то душевную боль, вот она и избегает общения с влюблёнными парочками.

Вместо ожидаемых поздравлений, слышу сухое:

— Вот значит как? Олесь, а ты уверена, что оно тебе надо?

Не могу поверить своим ушам, моргаю удивлённо:

— Ты о чём, Алин? Уверена ли я, что хочу стать женой Глеба? Да, конечно уверена! Ты же знаешь, как сильно я его люблю!

— А он тебя? — спрашивает Алина, отхлёбывая большой глоток своего лате, — Он тебя любит?

— Конечно любит! Тебе ли не знать?! Мы живём с ним вместе уже более двух лет...

— Жить вместе и любить — разные вещи. Что ты вообще о нём знаешь? Ну кроме того,

что он красив как бог и без мыла в любую... кхм... пролезет.

Алина достаёт сигарету, кладёт в рот не прикуривая и смотрит на меня, в упор, глаза в глаза. Никогда бы не подумала, что карий цвет глаз может казаться настолько холодным.

— О чём ты вообще?! — взвиваюсь я. Меня задевает её агрессивный тон в отношении Глеба, — Почему ты так? Если есть что-то сказать — говори, не ходи кругами. Что происходит? Я всегда думала, что ты хорошо к нему относишься.

— Ты ошиблась. И я ошиблась... Но что бы я сейчас не сказала — всё пустое. Ты по самую макушку в этом дерьме увязла. Мой тебе совет — порви с ним, пока слишком поздно не стало. Или стало? Ты не беременная, случаем?

Опускаю глаза. Не хочу выглядеть выходящей замуж по-залёту. Я только накануне узнала, что жду ребёнка.

— Ну ясно всё с вами... Совет да любовь! На свадьбу я твою не приду, и подружкой твоей не буду, ни в рамках церемонии, ни вообще. Прощай, Лесь. Не звони мне больше, — Алина достаёт изо рта так и не прикурившую сигарету и убирает её в пачку.

Подруга уходит из моей жизни даже не оглянувшись, а я ещё долго сижу, не понимая, что же это такое только что было.

За что она так со мной?!

Весь остаток дня пытаюсь отвлечься от гнетущих мыслей. Ничего не помогает. Я как будто бы участник драматической пьесы с одним актером. Сюр какой-то!

Кстати, об актёрах... А не сходить ли мне завтра на что-нибудь эдакое?

Театр заполнен до отказа.

Просто чудо, что мне удалось купить билет прямо накануне премьеры. Видимо заглянула удачно: кто-то сдал, а я взяла.

В зал захожу одной из первых — не хочу пробираться мимо сидящих людей. Боюсь ненароком споткнуться или наступить на чью-то ногу. Вчера весь день новые босоножки по дому расхаживала, но всё ещё не совсем уверено себя в них ощущаю.

Нахожу своё место, сажусь и с головой погружаюсь в изучение программки. Мой ряд постепенно заполняется, только слева от меня остаётся единственное, пока не занятое, место.

— Простите... — мягкий бархат до боли знакомого голоса.

Вздрагиваю от неожиданности. Поднимаю глаза. Не показалось ли? Нет, точно он!

Игорь смотрит на меня сверху вниз, в глубине серых глаз тоже мелькает узнавание. Улыбается уже не дежурной, а полной тепла улыбкой:

— Олеся? Вот это встреча! Здравствуйте! А я, похоже, опять к Вам в соседи набился.

Отчего-то становится так приятно, когда он садится рядом:

— Здравствуйте, Игорь! — улыбаюсь ему в ответ.

— А Вы тут одна? Муж всё ещё болеет?

— Одна. Он не смог со мной пойти, — пространно отвечаю я, — А Вы тоже без пары?

— Ага. Так получилось, что сейчас я брошенный и одинокий. Жена в отъезде как раз. Да она и не особо театры уважает. Мы с ней в кино всегда вместе ходим, а на спектакли я обычно в одного выбираюсь.

Разговаривать тут не удобно — со всех сторон несётся гул возбужденных голосов — люди рассаживаются по местам, обсуждают предстоящее действие. Да я толком и не знаю, как продолжить беседу. В конце-концов — это не мой партнёр или закадычный друг, а просто случайный попугачик, волею судьбы опять оказавшийся рядом.

Свет в зале меркнет. Облегчённо вздыхаю, радуясь в душе, что сумрак скрыл следы моего смущения.

Сначала никак не получается вникнуть в действия, разворачивающиеся на сцене, но постепенно втягиваюсь и уже не могу оторваться — буквально живу эмоциями актёров. Время пролетает незаметно. В антракте Игорь предлагает посетить буфет.

— Так кофе хочется! — виновато поясняет он, — Знаете, оно тут, на удивление, не самого плохого качества. А ещё здесь продают изумительно вкусные медовые пирожные. Вы просто обязаны их попробовать! Это я Вам как ценитель говорю. Я же ещё тот сладкоежка, а «Медовик» — мой любимый торт. Так что, пойдёмте скорее, пока всё вкусное не разобрали. Я угощаю.

Думаю отказаться, но оставаться одной в зале совсем не хочется. Присутствие этого мужчины действует на меня успокаивающе.

Киваю, благодарно принимая его предложение и иду следом.

Игорь галантно усаживает меня за свободный столик и спешит за обещанными вкусняшками. Возвращается через несколько минут с двумя маленькими кофейными стаканчиками в одной руке и с тарелкой с парой лилипутских пироженок в другой.

— Если понравится, то закажу ещё, — уточняет он.

Пробую. Действительно вкусно — не обманул.

— Ну как? — спрашивает он, когда я в два укуса расправляюсь с медовой сладостью, — Бегу за добавкой?

— Нет. Мне пожалуй хватит — останавливаю я его.

— Не понравилось? — разочаровано вздыхает он.

— Да нет, что Вы! Они действительно очень вкусные! Просто я сейчас стараюсь не увлекаться таким... — и зачем-то уточняю, — Фигурой заняться хочу. Планирую завтра в зал записаться.

— Фигурой? — он смотрит на меня удивлённо, — Олесь, но Вы чудесно выглядите! Правда. Если Вам кто-то сказал, что это не так...

— Нет-нет, я не для кого-то. Я для себя... — чувствую, что начинаю заливаться краской. Какой-то странный у нас выходит разговор для повторной встречи совершенно посторонних людей.

— Ну если для себя... А с фитнес-клубом уже определились?

— Неа... Я в этом деле не очень разбираюсь. Ни разу не посещала зал.

— Ну тогда я могу Вам помочь. Я в «Фаворите» часто бываю — завсегдатай, так сказать. Если что, то можем там завтра пересечься. Часов в 10 утра Вас устроит? Слышал, что у них там сейчас акции какие-то для новичков. Ну и покажу Вам всё, подскажу с чего лучше начать.

— Ой, конечно устроит! — восклицаю радостно, потом смущаюсь и добавляю — Вы прям мой ангел-хранитель! Опять меня спасаете. Я перед Вами в неоплатном долгу!

— В очень даже платном, — возражает он, — И Вы прямо сейчас можете оказать мне одну... Нет! Даже две огроомные услуги.

— Какие? — растеряно и немного испуганно спрашиваю я.

— Всё просто: Вы очень меня обяжете, если согласитесь перейти на «ты». Достало меня уже это «выканье». Не имею ничего против правил приличия, но в неформальной беседе официоз начинает быстро напрягать. Ощущаю себя каким-то древним стариком! Чес слово! Кроме того, с друзьями я «выкать» не привык... А мы ведь друзья? Верно? — с серьезным выражением лица выдаёт мне он. А потом, неожиданно озорно, совсем по-мальчишески подмигивает, — Вот, вот только попробуй сказать, что нет!

Спектакль мне очень понравился. Даже не ожидала от себя такого наплыва эмоций. Замечаю, что Игорь также находится под впечатлением. Долго и громко благодарим актеров бурными аплодисментами, и потом, весь путь до моего такси, эмоционально обсуждаем увиденное.

— Не забудь, — говорит он мне на прощание, — Жду тебя завтра в десять утра в «Фаворите». Встретимся на входе. Доброй ночи тебе! Спасибо за чудесную компанию!

Улыбаюсь всю дорогу до самого дома. Не знаю как там ночь, но завтрашнее утро, определённо, обещает быть добрым.

За окном медленно проплывают пейзажи ночного города. Зачаровано созерцаю светоигру вывесок и витрин, отбрасывающих радужные блики на ртутную поверхность мокрого асфальта. Если зажмуриться, то фары проносящихся мимо машин становятся похожи на каких-то огромных, сказочных светлячков. Мой таксист не торопится — явно вытягивает время, но меня это не печалит. Мне тоже спешить некуда. Я благодарна ему за эту неторопливую поездку, за льющуюся из динамиков приятную музыку, за его неразговорчивость, за то, что позволяет хоть ненадолго продлить ощущение радости и волшебства.

Но всё хорошее рано или поздно кончается. В конце-концов машина въезжает в мой двор и мягко оттормаживает у дома.

От всей души благодарю водителя и захожу в подъезд.

Подойдя к лифту, не могу сдержать вскрик возмущения. Опять сломан! Да они издеваются что ли?!

Печально смотрю на обувь. Высокий каблук сделал своё дело: ноги от непривычки гудят, поясница противно поднывает. Но выбора у меня нет.

Кое-как заползаю на десятый. Заворачиваю за угол и замираю. У входа в квартиру, прислонившись спиной к входной двери, стоит... Глеб.

Видит меня, расплывается в безупречной голливудской улыбке, резким движением головы отбрасывает упавшие на лоб волосы и делает шаг навстречу.

— Привет, малыш! А я тебя уже пару часов жду. Ты где так долго? — подходит ещё ближе. Я невольно отступаю назад.

— Глеб, зачем ты здесь?

— Тебя увидеть хотел, — сканирует меня жадным плотоядным взглядом, — Чудесно выглядишь, Лесь.

У меня мурашки по спине бегут, ощущаю себя полностью голой... Не по себе, хочется прикрыться, но понимаю, как по-дурацки это будет смотреться со стороны и сдерживаюсь. Раньше, расплавилась бы, взгляни он на меня так, а сейчас, почему-то, противно до дрожи.

— Глеб... — выдавливаю из себя, — Ты должен уйти. Я не готова сейчас с тобой общаться — очень устала. Давай перенесём наш разговор в другое место и время. В квартиру я тебя не запущу, не надейся, а лестничная площадка — не самая хорошая локация, для обсуждения нашей ситуации...

— Малыш, ну зачем ты так? Я безумно соскучился. Даже не представляешь насколько! Хватит капризничать. Иди ко мне!

Он надвигается с грацией готового к прыжку тигра. Гипнотизирует. Небесная синь с оттенком бирюзы магнитит, не позволяет прервать зрительный контакт. Застываю под этим взглядом, как маленький обреченный зверёк, а он подходит всё ближе... ближе...

Неимоверным усилием воли сбрасываю колдовской дурман:

— Бежать! — панически вопит сознание.

Поздно! Понимаю, что шансов у меня никаких, но предпринимаю последнюю попытку. Пячусь и... упираюсь спиной в стену. Всё! Ловушка захлопнулась. Больше отступать некуда.

Он подходит вплотную, одной рукой опирается на угол стены, отсекая мою последнюю лазейку для побега, другая его рука всё это время заведена за спину. Прижимается ко мне

всем телом, впечатывает в стену. Наклоняется и ловит губами мочку моего уха, прикусывает.

— Хочууу! — жаркое дыхание опалает мою покрытую мурашками шею.

Чувствую, что и правда хочет. Ткань джинсов натянулась, словно готова лопнуть под напором его дикого желания. Ощущаю его жар своим животом. Извиваюсь, пытаюсь отодвинуться хоть немного. Безуспешно! Только хуже делаю.

Глеб дышит поверхностно, хрипло:

— Дразнишься? Осторожно, а то я тебя прям здесь возьму... — накрывает своим ртом мои губы. Впивается. Чувствую как его язык настойчиво прорывается сквозь мои плотно сжатые зубы.

Меня трясёт мелкой дрожью. Разум застилает непроглядная тёмная пелена дикого, неконтролируемого ужаса.

— Пусти! Пусти! Пусти! — метрономом отстукивает в помутненном рассудке.

Чисто инстинктивно, не осознавая, что делаю, впиваюсь зубами в его язык. Глеб вскрикивает и молниеносно отскакивает от меня. Хватается за рот, морщится, сплёвывает на пол кровавую слюну.

— Блиин! — рычит он, — Ты что творишь, дура?!

На секунду в его взгляде мелькает холодная, жестокая ярость. Невольно съеживаюсь, ожидая удара. Но уже через мгновение он берет себя в руки и продолжает спокойным, тихим голосом:

— Прости, Лесь! Я не хотел тебя оскорблять. Необдуманно сорвалось. Больно просто...

Молча оседаю по стене. Лицо пылает, слёзы душат, готовые вырваться в потоке неконтролируемой истерики.

— Убирайся! — шепчу еле слышно.

Он секунду стоит молча, не двигаясь, а потом опускается на корточки рядом со мной.

— Прости, маленький, мне показалось, что ты тоже хотела... прости... Прости, что напугал. Просто крышу при виде тебя снесло. Сам не знаю как так вышло, — пытается погладить по голове, но я отстраняюсь.

— Это тебе. Твои любимые... — вздыхает Глеб и кладёт мне на колени букет роскошных пионов, — Не обижайся на меня. Я постараюсь сдерживаться в дальнейшем. Не стану торопить события... — говорит он, поднимается и быстро идёт к лестничному выходу.

— Люблю тебя! — произносит, замирая на пороге. А через секунду, удаляющиеся шаги на лестнице сообщают мне о его окончательном уходе.

Не знаю сколько времени ещё сижу на холодном кафеле подъезда... Наверное проходит минут двадцать, прежде чем я решаюсь подняться и отпереть квартиру. Боюсь, что Глеб лишь притворяется, что ушёл. Боюсь, что это какая-то ловушка, что стоит мне открыть двери и он ворвется в квартиру, запрет нас там и потом случится что-то страшное и по-настоящему непоправимое.

Но мои опасения напрасны — на этот раз он действительно оставил меня в покое.

Разуваюсь и бегу в ванную. Во рту до сих пор ощущается сладковатый, отдающий железом, вкус его крови. Долго, с какой-то маниакальной тщательностью, чищу зубы, полощу рот. Потом запускаю душ и тру, тру, тру себя жесткой вехоткой. Чувствую, как саднит изодранная, истерзанная кожа, но не могу остановиться — кажется, что вся, от макушки до пяток, изгажена, запятнана чем-то отвратительно мерзким.

Наконец, после долгих минут самоистязания, мне удастся справиться с этой нездоровой заикленностью. Откладываю мочалку, стою пару минут и трясусь под горячими потоками воды, а потом так накрывает, что едва успеваю выскочить и добежать до унитаза...

Засыпаю поздно, реву не менее часа, не в силах остановиться. Всё произошедшее воспринимается как какой-то нереальный кошмар. А ведь, всего несколько дней назад, я бы душу отдала за то, чтобы воплотить в реальности подобную сцену... только вот сейчас ощущаю себя не героиней романтической книги, а жертвой наглого и грязного изнасилования.

Сплю очень плохо, то и дело просыпаюсь. Сегодня все призраки прошлого решили заглянуть ко мне на огонёк.

Последний кошмар особенно ярок: он возвращает меня в ту, другую ночь. Я снова в грязном, темном и вымершем дворе. Грубые руки. Липкие прикосновения. Пытаюсь вырваться, закричать, но безрезультатно — насильник пресекает любую попытку сдвинуться, издать хоть звук. Вжимает меня в стену, расстегивает ширинку штанов, упирается в живот пульсирующей твёрдой плотью. Его лицо искажается в кривой, хищной ухмылке:

— Не трясись, слаааденькая, сейчас согреею... — шипит чудовище, опалая мой мозг пронзительной, колючей синевой.

Наклоняется ещё ближе. Его рот открывается: шире... шире... шире... Длинный, липкий, раздвоенный, как у змеи язык, вываливается из раззявленной пасти, тычется в моё лицо, ползёт по нему, оставляя на коже следы вязкой слизи.

— Отпусти её, урод! — доносится до боли знакомый, наполненный угрозой голос.

В пятне яркого, ослепительного света стоит... Игорь!!!

Нежный, туманный пепел пересекается с ледяной синью. Чудовище издаёт полный ярости рык и отбрасывает меня в сторону. Лечу в чёрную, смоляную мглу, издаю громкий вопль и... просыпаюсь.

Не сразу понимаю, где реальность, а где горячечный бред. Меня трясёт. Кажется, что я действительно кричала.

Хватаю телефон — шесть утра.

Понимаю, что заснуть уже не смогу. Плетусь в ванную. Ноги ватные, колени предательски подрагивают.

Умываюсь ледяной, обжигающей водой и наконец прихожу в себя.

Бросаю встревоженный взгляд в зеркало: волосы всклокоченны, лицо покрывают алые пятна. Отёкшие веки, загнанный, диковатый взгляд.

Бооожеее, на кого я похожа?! В таком виде из дома и носу казать нельзя. Но у меня же в десять утра встреча с Игорем. Он будет ждать у входа в «Фаворит», а у меня даже нет его номера, чтобы позвонить, предупредить, что не смогу с ним пересечься.

Если не приду, то что он обо мне подумает?! И главное: если мы сегодня не увидимся, то я потеряю его уже навсегда. Вряд ли судьба подбросит мне ещё одну случайную встречу с ним.

Забиваю в поисковик название фитнес-клуба. О, да это целая сеть! Хорошо, что Игорь уточнил, что нужный мне адрес находится в моём районе.

Пробегаюсь по прейскуранту цен. Мать честная! Такого я себе позволить сейчас точно не могу!

Но отступить уже поздно. Ну ничего, на месте объясню моему помощнику, что посещение этого заведения, на данный момент, мне не по-карману.

Оставшееся время пытаюсь хоть как-то привести в норму свой внешний вид. Отёчность глаз немного сходит, но смотрится это так себе. Видимо без солнечных очков мне сегодня не обойтись. Хорошо хоть день обещает быть ясным. По крайней мере, не буду выглядеть полной идиоткой, гуляя в солнцезащитных стекляшках под дождём.

«Фаворит» расположился в отдалении от шумных магистралей. Он, как бы, утоплен в глубине «старого города». Самый центр, сердцевина мегаполиса, но тут всегда стоит относительная тишина и покой. Задний фасад комплекса выходит на ухоженный, живописный сквер, у здания довольно большая прилегающая территория, красивый ландшафтный дизайн, вместительная парковка...

Да уж, не удивительно, что членство в этом клубе стоит так дорого!

Прихожу на десять минут раньше условленного времени. Игорь уже на месте.

— Привет, Лесь! — радостно улыбается он, — Ну что? Готова к подвигам и спортивным рекордам?

Ага, как же! Десять раз и с разбегу!

— Игорь, — выталкиваю упорно застревающие в горле слова, — Тут такое дело... Мне очень неудобно, что потратила впустую твоё время, но я, наверное, не смогу...

Мнись, не зная, как продолжить.

— Планы поменялись? — приходит на помощь Игорь, — Переносим твой старт на другой день?

Как же ему объяснить-то?! Неудобно говорить про деньги, но деваться некуда.

— Нет-нет, дело не в планах. Просто... — набираю побольше воздуха и выдаю на одном дыхании, — Я не могу позволить себе членство в данном клубе. Когда уточняла адрес, то посмотрела на стоимость их годового абонемента. «Фаворит» — слишком дорогое удовольствие для меня.

— Слушай, тебя преysкурant на сайте напугал? Понимаю. Ценник тут действительно космический. Но, — Игорь абсолютно невозмутим, — Я же говорил, что у них акция сейчас какая-то для новичков. То ли к юбилею приурочена, то ли ещё какой-то маркетинговый ход... но это не столь важно. Главное, что у тебя есть все шансы попасть в число счастливиц. Прости, что поставил в такое неловкое положение, но, раз уж ты здесь, давай хотя бы зайдём, поинтересуемся. Вдруг они нас сегодня приятно удивят?

Соглашаюсь чисто из вежливости. Я-то прекрасно понимаю, что даже пятидесятипроцентная скидка мне ничем не поможет.

— Подожди минуточку. Ладно? Мне по-работе звякнуть нужно. Я быстро! — говорит Игорь.

Он отходит в сторону и минут пять что-то обсуждает по телефону. Слов разобрать не могу, да и не пытаюсь. Подслушивать чужие разговоры — не мой конёк.

— Ещё раз извиняюсь! — произносит он, возвращаясь, — Форс-мажор небольшой. Ну что? Пойдём?

Киваю и вхожу за ним в просторный и стильный холл.

Очки в помещении не снимаю:

— Аллергия, — поясняю, перехватив удивленный взгляд своего спутника.

— Тополя? — сочувственно произносит он.

Неопределенно пожимаю плечами. Врать Игорю совершенно не хочется, но есть вещи, которые в двух словах не объяснишь.

— Игорь, а администраторы меня за странненькую не примут? — робко озвучиваю свои сомнения.

— Не примут, — отзывается он, — Тут очень воспитанный и предупредительный персонал.

У каждого могут быть свои жизненные обстоятельства... После той же операции на глаза, некоторые очки даже в помещении, первое время, снимать боятся. Или просто стиль, образ такой... да мало ли что. Хороший администратор должен это понимать. А в «Фаворите», на сколько я знаю, администраторы хорошие.

Говорит он так уверенно, что я сразу успокаиваюсь и больше не думаю об этой ерунде.

По моим представлениям холл «Фаворита» напоминает скорее лобби роскошного отеля, нежели парадную спортивного клуба.

Мягкие пуховые диваны и кресла цвета первой весенней зелени, световые вставки, ненавязчивые абстракции на стенах, нежные букеты в напольных каменных вазонах — всё это оживляет серо-кирпичную гамму, придаёт ей ощущение уюта и комфорта.

Слева от входа расположилась зона ресепшен. За стойкой администратора нас радушно приветствуют две моделеподобные феи. Одна из них (Лена, судя по бейджику) интересуется, чем может мне помочь и впервые ли я тут. Не знаю что и сказать. Не хочется напрягать людей впустую — я, определённо, не их клиент. Решаю рубить сразу и прошу огласить прайс на их услуги.

— Знаете, цена варьируется от того, будет ли это посещение разовым или же вы сразу оплачиваете годовой или полугодовой абонемент. От того, берёте ли вы определенные часы посещения или приобретаете право на безлимитный вход... — начинает она.

— А можно нам сначала устроить небольшую ознакомительную экскурсию? — улыбаясь, прерывает её словопоток Игорь, — Моя подруга тут впервые. Хотелось бы, для начала, увидеть, что Вы можете нам предложить.

— Конечно-конечно, — соглашается фея и приглашает нас пройти за ней вглубь заведения.

«Небольшая» экскурсия растягивается почти на пол часа. Игорь берет инициативу на себя и, со знанием дела, объясняет мне: что, для чего и как устроено, с чего лучше начинать, а что пригодится в дальнейшем.

Нам показывают большой бассейн, зону спа и отдыха. У меня голова идёт кругом — не ожидала, что спортивный клуб — это не только тренажёры и «качалки», но и хаммам, всевозможные сауны, фитобочки и прочие радости для души и тела.

Возвращаясь в лобби, испытываю лёгкое разочарование — сейчас мне придётся услышать сколько стоит абонемент, сказать, что подумаю и навсегда покинуть этот сказочный мир.

— Вам у нас понравилось? — интересуется фея, — Просчитываем годовой?

— А нужно просчитывать? — удивляюсь я, — Я думала, что у вас фиксированные расценки...

— Обычно да. Но Вы, как потенциальный новый клиент нашего фитнес-центра, сможете испытать свою удачу. Сейчас, в честь юбилея, компания проводит очень интересную акцию: «Попади в десятку». Смысл её заключается в том, что раз в месяц первые девять новых клиентов фитнес-клуба, желающих открыть годовой абонемент, получают от нас различные дополнительные скидки и ценные подарки, а десятый — бесплатную клубную карту на годовое безлимитное посещение «Фаворита». — сохраняя самое приветливое выражение лица, она утыкается взглядом в экран монитора, тонкие пальчики бабочками порхают по кнопкам клавиатуры.

— Держу за тебя кулачки! — смеётся Игорь.

— Да нет. Это вряд ли... — откликаюсь я. Даже верить в такое не хочу, чтобы не расстраиваться после. Никогда не отличалась особой удачливостью.

— Ещё секундочку... тааак... тааак... — сосредоточено бормочет «фея», а в следующий момент огорошивает меня торжественной речью, — От лица фитнес-клуба «Фаворит» рада поздравить Вас и сообщить, что Вы вошли в число победителей нашей акции и становитесь десятым счастливчиком этого месяца. Фитнес-клуб «Фаворит» дарит Вам годовой абонемент на безлимитное посещение любого из наших центров. Тренажеры, спа, любые спортивные программы — всё это доступно для Вас абсолютно бесплатно!

Теряю дар речи от неожиданности. Не может этого быть!

— Для оформления карты мне понадобится Ваш паспорт. Он у Вас с собой? — продолжает девушка.

Киваю, лезу в рюкзачок, достаю документы. Руки слегка подрагивают от эмоций. Происходящее кажется таким нереальным.

— А теперь, можете снять очки и посмотреть в камеру? На оборотной стороне карты будет Ваше фото. Это делается для удобства клиента — карта именная, передавать её другому нельзя, а паспорт не каждому удобно с собой таскать... — поясняет администратор.

Застываю в нерешительности, потом медленно снимаю очки. Радость от неожиданного подарка омрачает понимание, что мне целый год предстоит предьявлять на входе свою припухшую от слёз физиономию.

— Лена, — неожиданно вклинивается Игорь, — а нельзя отложить съемку на следующий раз?

Лена удивленно смотрит на него, потом на меня, потом опять на него, потом выдаёт очередную порцию дежурного радушия.

— Да, это возможно. Ваши данные я заполнила. Анкета, со всеми необходимыми пометками, уже есть в базе. Вы сможете подойти в любое удобное Вам время и просто завершить регистрацию. Вам выдадут карту и Вы сможете сразу же приступить к тренировкам. — поясняет она.

— Ну а теперь пошли пить кофе. Поболтаем немного, если ты не против, конечно. — предлагает Игорь.

Улавливаю в его голосе лёгкие нотки озабоченности. Недоумеваю. Он чем-то взволнован? Или мне просто показалось?

Стреляю взглядом: лицо Игоря абсолютно спокойно. Уф! Наверное просто зеркалю на человека свои собственные, накопленные за последнее время, тревоги.

С радостью принимаю его приглашение:

— Пойдём! Чашечка кофе мне сейчас точно не помешает.

Сидим на летней веранде «Капучино» и наслаждаемся ароматной кофейной сладостью, помноженной на нежное тепло летнего утра. Город, омытый трехдневным дождём, ожил, наполнился запахами и красками. Словно бы помолодел, ярче стал. Невольно поддаюсь очарованию этого обновления. На душе светло и легко.

Весело болтаем, вспоминая моё сегодняшнее везение.

До сих пор не верится в случившееся!

Игорь предлагает послезавтра в девять утра пересечься в лобби «Фаворита». У него тренировка, и он обещает, перед этим, свести меня с хорошим личным тренером.

— Без инструктора, на первых порах, никак, — говорит он, — Опыта у тебя пока нет. Начнёшь неправильно упражнения выполнять — закрепшишь. А переучиваться потом, ой как сложно. Плюс, нужно, чтобы профессионал расписал тебе индивидуальную программу занятий, иначе эффекта желаемого долго не добьёшься. А это очень деморализует новичков. Люди ходят месяц-другой, изматывают себя, а результатов, кроме усталости, не видят. В итоге, разочаровываются и забивают на всё.

Слушаю его, затаив дыхание и начинаю верить, что у меня действительно всё получится. Да и как иначе, с такой-то мотивацией?!

— И купальник не забудь, — добавляет он, — Там спа кайфовое! Думаю, что тебе должно понравиться. После тренировки расслабиться приятно и полезно.

Купальник!!! Вот же! Нужно будет срочно прикупить, а то оба моих остались у мамы в Сочи.

— Игорь, — запоздало спохватываюсь я, — А тебе на работу не нужно? А то сидишь тут, нянчишься со мной...

— Олесь, не волнуйся, ты меня совсем не обременяешь. Все рабочие моменты, на сегодня, я уладил дистанционно. Мы же сейчас с тобой должны были первый шаг к большому спорту делать. Забыла? — подмигивает он мне, — А кроме того, у меня жена из поездки возвращается. Они с подругой в Греции отдыхали, должны были ещё несколько дней зажигать, но она решила вернуться раньше. Говорит, что соскучилась жутко... К пяти часам прилететь должна, так что после обеда буду готовиться. Запланировал кое-что дома. Будет море шаров, цветы, хороший ужин на двоих, расслабляющий массаж, живая музыка, вкуснейший торт, — рассказывает Игорь и добавляет смеясь, — Ну и я, конечно...

— «Медовик»? — спрашиваю немного невпопад и, видя растерянное лицо Игоря, добавляю, — Я про торт. А вообще твой план звучит очень здорово.

— Ааа! Неее. «Медовик» — это моя любовь. А Инге больше нравятся шоколадные.

— А вообще, у меня идея была прямо у трапа её встретить. Но передумал — она не любит такого. Обычно, если не вместе летим, оставляет машину на парковке. Предпочитает добираться самостоятельно, на своих колёсах. Ну вот такая маленькая причуда у неё. Я этого не очень понимаю, но если ей так комфортнее, то кто я такой, чтобы мешать? — улыбается Игорь, — Так что можешь меня поздравить: я — почти что, не брошенка.

— Поздравляю! — говорю искренне, но в мыслях невольно переключаюсь на собственную ситуацию, — Приятно, когда тебя так любят, что готовы бросить всё, прервать отдых по-первому зову сердца, только бы быть вместе. Она у тебя, наверняка, очень хорошая!

Становится немного грустно. Меня-то теперь любить, кроме сына и родителей, некому.

— Да, — утвердительно кивает Игорь, — Хорошая. Знаешь как мы с ней познакомились? Она меня, буквально, с того света своей заботой вытащила.

— Ничего себе! Расскажешь?

— Да там история не очень весёлая. Не хотел бы омрачать твоё утро...

— Моё утро сегодня омрачить ничто не сможет, — возражаю я, — Но если тебе больно об этом говорить, то не нужно...

— Да нет. Всё ок. Свою боль я уже исчерпал. Время лечит, Олеся... Время всё лечит.

Игорь пару минут молчит, а потом начинает свой рассказ

В тот год, когда я встретил свою будущую супругу, мне исполнилось двадцать три года и я только-только закончил университет. Но, прежде, чем я расскажу про Ингу, хотелось бы поведать тебе предысторию нашего с ней знакомства.

До определенной поры, а если точнее, то до четвертого курса, я был ещё тот фрукт: классический представитель «золотой молодёжи», мажор и тусовщик. Пока учился в школе, такого за собой не замечал, да и отец, человек серьезный и строгий, умел вовремя привести меня в чувства, а вот когда поступил в универ и съехал на арендованную родителями квартиру, тут-то всё и началось. Так крышу снесло, что мама не горюй!

Бесконечные вечеринки и ночные тусовки, алкоголь рекой, пьяные покатушки на авто (то, что тогда никого не сбил или сам не убился, до сих пор воспринимаю как чудо). Толпы друзей и подруг, причём и те и другие менялись с такой завидной частотой, что я и имён-то их запомнить не успевал. Было всё и много, разве что до наркотиков не дошёл. Но, скорее всего, этим бы всё и закончилось, если бы не встреча с Дашей.

Да-да, до знакомства с Ингой, в моей жизни был другой, очень важный для меня человек.

К Даше я подкатил в ночном клубе. Помню, завалился туда уже подвыпивший, в компании пьяных приятелей и каких-то случайных девок. А у Даши в тот день День рождения был, вот они с подружками его там и справляли. Я когда её увидел — запал прям. Сложно объяснить, что конкретно меня в ней привлекло. Она была очень симпатичная, но я тогда и не с такими красавицами мугил. Считал себя опытным «Казановой», закаленным от женских чар. А она, одним взглядом, улыбкой, всю мою броню в пыль разбила. Накрашена со вкусом, но неброско, личико сердечком, коса до пояса. Абсолютно не походила на всех тех, с кем мне до этого встречаться доводилось. Была в ней какая-то мягкость природная и чистота, что ли... Рядом с ней хотелось быть рыцарем, джентельменом, мужчиной, в лучшем понимании этого слова.

Ну вот, я её пару раз на танец пригласил, а потом решил к ним за столик присоседиться. Заказал в баре целую гору дорогуших коктейлей, чтобы девчонок поразить. На подружек это подействовало, а вот на Дашу нет, скорее наоборот даже. Короче, отшила она меня. Мягенько так, вежливо, но совершенно безапелляционно.

Это был серьезный удар по моему самолюбию. Я совсем тогда не привычен был к отказам. Расстроился очень, а приятели мои стебаться, поддразнивать стали. Ну вот тогда я психанул, всю свою честную компанию лесом послал и сел у бара, тоску и обиду заливать. Пил шот за шотом, стараясь даже не смотреть в сторону виновницы моих терзаний. Ну и упился до зелёных...

Очнулся на следующий день, на диване, в незнакомой квартире. Голова гудит, во рту помойка, в глотке сушняк, а главное — совершенно не помню, где я и как тут оказался. Подниматься начал, в глазах потемнело. Если бы не лежал, то точно грохнулся бы.

— А! Вот и проснулся наш спящий красавец! Ты, парень, давай сейчас аккуратненько — резко не вставай. У тебя интоксикация мощная. Пойдём-ка, покажу где ванная, умоешься и на кухню дуй. Будем с Дашулей тебя крепким чаем отпаивать.

Глаза поднимаю, а надо мной какой-то пожилой мужик склонился. На вид профессор-профессором, интеллигент кароче. Смотрит на меня, улыбается, в прищурах глаз озорные чертики пляшут.

Единственное, за что я ухватился, так это имя «Даша». Но вот не помню, чтобы я с ней вместе из клуба уходил, да и вообще, как уходил не помню. Неужели получилось снять? Но почему тогда к ней поехали, а не на мою квартиру?

— Что, приятель, вижу миллион вопросов тебя одолевает? Ну ты не спеши... Иди, приводи себя в порядок, а после мы пробелы твоей памяти закроем. Ждём тебя на кухне, она слева от выхода из квартиры — не промахнешься.

Когда зашёл в пропахшую ароматами свежей выпечки кухню, то первое, что бросилось в глаза — это Даша. Домашняя такая, тёплая, в светло-голубом ситцевом халатике и в переднике со смешной вышитой кошкой. Она как раз блюдо со свежими сосисками в тесте на стол ставила.

— Ну что, как ты? Есть сможешь? Садись за стол, чай как раз заварился. С папой, я так понимаю, ты уже познакомился? А меня-то хоть помнишь? — и улыбается так хитро, совсем по-отцовски.

Ну а дальше они мою амнезию лечить стали.

За Дашей такси подъехало. Она как раз на выход шла, когда заметила меня, спящего у барной стойки. В тот момент, какая-то леди, как раз пыталась облегчить содержимое моих карманов. Ну Даша её шуганула, попыталась меня разбудить, но там уже вариантов не было. Тогда она попросила охрану помочь ей довести её пьяного парня до такси. Они даме не отказали, упаковали меня в машину. А у дома нас Лев Михайлович (Дашин папа) встретил. Он-то меня и затащил на себе в квартиру, и спать на диван отправил. А Даша потом пол ночи с тазиком бегала, когда меня корёжить от выпитого начало.

— А вы всегда так незнакомцам помогаете? — прячу глаза, стыдно до жути, — Как не побоялись меня в дом запускать? Мало ли кто я...

— Ну и кто ты? — улыбается Лев Михайлович, — Да расслабься, парень! Я, знаешь ли нарколог со стажем. Мне, на своем веку, таких чудиков видеть приходилось — не каждому и в страшном сне приснится. Нюх у меня на людей. Профессиональная интуиция, назовём это так. И то, что краснеешь вон, как роза майская — это прямое доказательство, что я в тебе не ошибся. Все мы молодыми были... мдаааа... Но пить так завязывай. Это я тебе как врач говорю.

— Ну а Дашуля, так ей не впервой потеряшек домой таскать. Я привык уже, — силясь сдержать смех, продолжил Лев Михайлович, — Правда до этого только котята, да щенки были... двуногих ни разу не приводила. А тут — вот, вышла на новый уровень...

Они перемигиваются и смеются уже в голос, а мне, почему-то, ни разу не обидно. Хорошо так с ними, как будто бы я на своём месте, как будто бы так и нужно...

Игорь прерывает свой рассказ, подносит к губам брендованный стаканчик, хмурится.

— Лесь, хочешь ещё кофе? Моё как-то внезапно закончилось... Я, пожалуй, ещё возьму

— оно меня, как ни странно, успокаивает. Эмоции, чёт накатили. Не ожидал от себя...

Я соглашаюсь. Почему бы и нет?

Вернувшись с добавкой, он садится напротив и продолжает:

Как-то так получилось, что я очень быстро и естественно влился в семью Золоторёвых, стал её полноценным членом.

Папа Даши воспитывал дочку один. Дашина мама умерла при родах, когда той ещё и десяти лет не исполнилось. Маленькая новорожденная сестрёнка тоже не выжила. Потеряв «двух своих девочек» Лев Михайлович полностью посвятил себя оставшейся дочери. Он так и не женился — не пожелал приводить в дом мачеху. И, по его словам, ни разу об этом не пожалел. Он обожал свою дочь.

И я её тоже обожал.

Разгульный кутёж и вечеринки отошли в прошлое — она действовала на меня как наркотик. Ничего и никого другого не хотелось. Только она! Только с ней рядом!

Лев Михайлович в наши отношения не вмешивался. Лишь один раз, в тот вечер, когда она впервые предложила мне ночевать не на диване, а в её комнате, отозвал меня в сторону и тихо так сказал, глядя мне прямо в глаза:

— Игорь, я в ваши отношения лезть не буду. Понимаю, что вы с Дашей уже люди взрослые и не мне вам разрешать или запрещать что-то. И ты мне действительно очень нравишься. Но... Помнишь как у Экзюпери? «Вы в ответе за тех, кого приручили». Так вот, Игорь, ты сейчас её приручаешь... уже почти приручил. Подумай над этим. Если для тебя это всё не очень серьёзно, то, прошу, пожалей её и прекрати сейчас. Она тебя по-настоящему любит и, боюсь, не выдержит, если...

Прерываю его. Уверяю, что жить без неё не могу... Что ему не стоит волноваться... Что, если только она согласится, я готов жениться на ней хоть завтра.

И действительно делаю ей предложение. И она соглашается, но: «Не сейчас, позже... давай после получения дипломов. Вдруг ошибку совершаешь? Так у тебя, хотя бы, будет время во мне разочароваться...» — кокетничает, смеется.

Так жалею, что не настоял тогда! Может быть всё сложилось бы совсем иначе...

Наша с Дашей свадьба была запланирована на август, а в середине июля мы с моими родителями, младшей сестрой и Дашей, собрались провести две недели на Алтае. Отец выкупил на это время два коттеджа. Отдых на природе, шашлыки, горы, сплавы по реке — у нас было столько планов, но им так и не суждено было сбыться.

Папа решил ехать на машине. Ему нравился такой вид путешествий. Выехали мы в ночь. Отец хотел по-быстрому проскочит все оживлённые трассы. И всё было замечательно, пока на восьмидесятом километре от города в нашу машину не въехала фура. Позже мне рассказали, что водитель просто уснул за рулём. Помню, что вот мы едем, общаемся, а потом яркий свет фар в лобовик. Машина так резко вильнула со встречки, что у папы не было ни единого шанса увернуться.

В той аварии выжили лишь двое: виновник смертельного ДТП и я. Маму, отца, Дашу и

сестрёнку живыми я больше не увидел. Маше, моей сестре, было всего двенадцать лет...

Впрочем, мне повезло в том плане, что увидеть мертвыми мне их тоже не довелось. Меня доставили в больницу без сознания, всего переломанного, хирурги собирали меня буквально по-частям... Потом ещё месяц я провалялся в коме. За это время моих близких успели похоронить...

Когда пришёл в себя, то первым человеком которого я увидел, была Инга. Мой белокурый ангел.

Ты не подумай, что я так быстро отрекся от своей любви к Даше и переключился на первую, подвернувшуюся женщину. Нет. Это был долгий период осознания, принятия, смирения... И всё это время Инга была рядом. Ухаживала за мной, как за маленьким, выносила утки, обтирала моё тело мягкой влажной тряпицей, помогала кушать, чистить зубы, смазывала образовавшиеся за время неподвижности пролежни... Именно с её помощью я встал и сделал свои первые шаги...

Доктор рассказал мне, что пока я лежал в коме, Инга, каждую свободную минуту посвящала уходу за мной. Даже в выходные свои приходила. Так получилось, что кроме неё, да дежурной медсестры, в тот момент обо мне заботиться было некому. А она делала это совершенно бескорыстно, ничего не требуя взамен. Этим она напомнила мне мою погибшую невесту — у той тоже было доброе, сострадательное сердечко.

Лев Михайлович, узнав о смерти Даши, слёг с инфарктом. Ему прямо на опознании плохо стало. Откачали. Но бегать каждый день ко мне у него не было ни возможности, ни сил...

Знаешь, я очень боялся встречи с ним. Думал, что он будет винить меня в том, что вот я, переломанный, но живой, медленно, но верно идущий на поправку, а Даши больше нет...

Я себя в этом винил. Не знаю почему, но это было... А он винить не стал... Просто обнял меня и расплакался.

Веришь ли, я его даже не узнал сначала, когда он вошёл. Вместо пожилого, но цветущего мужчины, передо мною стоял маленький, сгорбленный старичок, с трясущимися руками и безжизненным взглядом.

Лишь когда, отревевшись, мы вспоминали ту, ещё живую Дашу, его глаза немного оживились, и я, пусть на секундочку, но успел увидеть прежнего Льва Михайловича. Увидеть в последний раз...

В ту же ночь у него случился второй инфаркт. Он был дома один, во-второй раз спасти его было некому.

О его смерти я узнал лишь после выписки из больницы. Попросил сотрудника папиного, а теперь уже моего бизнеса, съездить по указанному адресу, отвезти старику продукты, просто узнать, как он. Думал, может обидел чем... Квартиру открыла какая-то левая тётка и сообщила, что Лев Михайлович вот уже несколько недель как умер.

Видишь как всё на меня навалилось.

После моей выписки Инга уволилась из больницы и стала работать моей личной сиделкой. Никого другого я и рядом видеть не хотел.

Я ещё долго был весьма беспомощным. Были истерики, приступы ярости, были попытки наложить на себя руки. Я худел до скелета-подобного вида, потом резко набирал в весе, мышцы атрофировались и не желали работать должным образом. Тело ломало, сначала боль от переломов, а потом ломка от спрыгивания с обезболивающих.

Были моменты, когда я орал на Ингу, гнал её прочь, говорил, что ненавижу...

Она всё выдержала, не сдалась, не ушла. Именно она вытянула меня из этой черной беспросветной бездны, именно благодаря ей, я сейчас сижу здесь.

Примерно через год я сделал ей предложение и Инга его тут же приняла. Возможно, мой траур по Даше был недостаточно долгим, но... мне кажется, что она бы одобрила мой выбор.

Игорь смотрит на меня с печальной улыбкой, а я даже не знаю, что ему сказать. Его история поразила меня до глубины души. Меня разрывает от эмоций:

С одной стороны, хочется обнять его, утешить, показать, насколько я разделяю эту боль, насколько восхищаюсь тем, что он сохранил себя, не ожесточился, не очерствел.

С другой стороны, меня переполняет печаль из-за гибели его семьи, особенно меня трогает судьба его младшей сестренки и Даши.

Ну и наконец Инга — какая же она замечательная! Эталон самоотверженности и женской силы. Хотела бы я, хотя-бы немного, походить на неё!

— Спасибо, что позволила выговориться, — говорит Игорь, — Иногда так хочется выплеснуть всё, что накопилось внутри, проговорить вслух. Инге я про Дашу не могу, сама понимаешь... Сегодня, кстати, годовщина Дашиной смерти... их смерти...

Он отворачивается, сидит так минуту-другую, потом встряхивает головой и опять прячет боль за улыбку. Улыбка — его щит, понимаю я. И вовсе время не лечит. Или лечит, но как-то коряво, не совершенно... Иногда старые раны прорываются и начинают кровоточить, вне зависимости от желания их обладателя.

— Мне пора, Лесь, — произносит он, — Ты же придёшь послезавтра в клуб, верно?

— Да! Я точно приду! — тут же вспоминаю свой последний форс-мажор и добавляю, — Но, на всякий случай, дай мне свой номер телефона. Если ты, конечно, не против...

Возвращаюсь домой в раздумьях. История Игоря никак не выходит из головы.

У самой квартиры меня ожидает сюрприз: перед дверью, перекрывая проход, стоит огромная корзина пионов.

В прилагающейся записке: «Прекрасные цветы для самой прекрасной девушки. Прости меня! Люблю до безумия!» И подпись: «Глеб».

Некоторое время стою, тупо уставясь на его послание, а потом сминая проклятушую бумажку и засовываю её в карман. Дома отправлю в мусор.

Прикасаюсь к роскошному лиловому соцветию, глажу нежный бархат лепестков... Вздыхаю. Похоже, что пионы скоро перестанут быть моими любимыми цветами...

— Что же мне теперь с вами делать? Не выбрасывать же... Вы же не виноваты, что ваш даритель такой козёл!

Задумываюсь на секунду, окидываю взглядом цветочное великолепие, а потом подхватываю свой подарок за ручку и заносу в лифт.

У подъезда нахохлилась маленькая бабулька. Несмотря на летнее тепло, укуталась в несколько слоев одежды. На голове: плотный цветастый платок, повязанный особым, стариковским, способом. Сидит одиноко на скамейке, и озирает окрестности. Видимо, подружек ждёт. Ну, бабушка, будет тебе, чем товарок удивить!

— Женщина, простите, — окликаю я её.

Та оглядывается, смотрит вопросительно:

— Чем могу помочь, деточка?

— Это — Вам! — улыбаюсь и ставлю у её ног Глебов подарок.

— Мне? — удивляется бабушка, — Ой, красота какая!

И тут же, спохватившись, добавляет подозрительно:

— А почему — мне? Деточка, ты учти, с меня брать нечего...

— А мне многого и не надо. Просто хочу, чтобы этот букет хоть кому-то принёс радость. — успокаиваю я её.

Старушка протягивает руку, трогает скрюченной лапкой лепестковую нежность:

— Как в детство вернулась. Моя мама так их любила! Я маленькой в деревне жила. У нас весь палисадник такими засажен был... — расплывается в счастливой улыбке, — А потом, уже в городе, мне Вася такие дарил. Первый раз прямо с клумбы нарвал, чертяка. Знакомился так со мной. Вот я его отругала, ух! Но он не заробел... И на нашей свадьбе тоже пионы были. Эх... Спасибо тебе, хорошая! Ты мне не цветы, ты мне молодость мою подарила.

Она действительно словно немного молодеет на глазах. Смаргиваю внезапно подступившие слёзы:

— Это Вам спасибо! Доброго Вам дня! — киваю ей и быстро направляюсь к подъезду.

— И тебе, деточка, всего самого доброго! — несется мне вслед радостный, наполненный благодарностью, голос.

Дома принимаю расслабляющую ванну, обряжаюсь в уютную пижаму с единорогами и набираю маме. Пожалуй пора ей рассказать, что здесь у меня происходит.

— Мама! — радостно кричит Кирюша и полностью закрывает обзор, пытаюсь поцеловать экран телефона.

Смеюсь, сквозь слёзы умиления. Маленький мой, как же я по тебе скучаю!

Наговорившись с сыном; выплеснув на него бурный поток накопившейся тоски и нежности; выслушав, по-второму кругу, пересказ всех волнующих его событий (бабочка села прямо на нос... дедушка брал на рыбалку и они поймали боольшууую рыбку... собирали на пляже ракушки, и у него их теперь целое ведёрко...), говорю маме, что мне нужно поговорить с ней наедине. Дядя Паша понимающе кивает и уводит Кирюшу в сад.

— Мам, — не знаю с чего начать и решаю сразу рубить с плеча, — Я хочу... развестись с Глебом!

Я боялась, что мама воспримет моё решение в штыки, начнёт отговаривать, рассказывать, какой Глеб замечательный, что каждый может оступиться, напомнит про Кирюшу и всё в таком роде.

У неё очень хорошие отношения с зятем. Глеб ей нравится. Хотя кому он не нравится? Покажите мне такого уникама и я готова свою шляпку съесть! У меня, правда, нет шляпки... Но и людей, которых Глебу не удалось бы обаять, просто не существует в природе. Была правда Алина, но и она, до последнего момента, в нём души не чаяла.

Мама выслушивает меня относительно спокойно, а потом спрашивает:

— Олесья, ты на развод уже подала?

— Нет. До сегодняшнего дня только думала на эту тему. Но сейчас понимаю, что просто не смогу жить с ним дальше. Делать вид, что ничего не случилось. При мысли об исполнении супружеского долга, о том, что придётся с ним в одну постель ложиться... Мам, мне физически противно становится!

Мама понимающе кивает.

— Я решила, что завтра же пойду подавать на развод. Не знаю ещё, что для этого нужно, но думаю — на месте подскажут.

— Лесья, а с Глебом ты говорила на эту тему? — спрашивает мама.

Взвиваюсь, мне кажется, что вот сейчас и начнутся те самые советы из разряда «не горячиться»:

— Мам! Мне не о чем с ним говорить! Не желаю слушать его объяснения, не желаю тонуть в очередной порции его вранья! Хочу, чтобы он поскорее убрался из моей жизни. Пусть спит с кем хочет и когда хочет — меня это уже совсем не волнует. Ноги его больше в моём доме не будет!

— Олесья, не кипятись, я же не о том совсем. Ты приняла решение. И я твоё решение принимаю, каким бы оно не было. Ты уже взрослая девочка и сама знаешь, как тебе будет лучше. Но есть один момент: у вас с Глебом общий ребёнок. Если он станет оспаривать права на сына, то ваш развод может затянуться на очень долгое время. Второй нюанс — это квартира. Вот ты говоришь: «В моём доме»... по-справедливости-то — это действительно так. Но вот по закону...

— Мам, ты же знаешь, что Глеб ни копейки не вложил в покупку этой квартиры!

— Я-то знаю. А толку? Вы же её за наличные покупали... Помнишь, я убеждала тебя вносить оплату с твоего счёта? Но ты же категорически отказалась от такого варианта. И что получается? Я продала свою квартиру, отдала деньги тебе, а ты обналичила те средства, что Сашенька, при жизни, переводил на твой сберегательный счёт. Вы с Глебом ещё пол года жили на съёмном жильё, прежде, чем переехали и купили квартиру в большом городе...

— Мам, я такая дура! — выдыхаю я, понимая к чему она всё подводит, — Это Глеб меня убедил. Тяжёлая беременность, непрекращающийся токсикоз... Я же вообще тогда «никакая» была. Вот он и настоял на том, что будет сам заниматься нашим квартирным вопросом. Мол, если с моего личного счёта, то мне мотаться придётся, бумажки всякие подписывать и так далее... Не знаю, чем я думала! Сейчас понимаю, как это бредово звучит, но тогда... видимо моё состояние повлияло, отупела от беременности.

Устало закрываю глаза. Ещё ничего не началось, а я уже так вымоталась!

— Он тогда сам с риэлторами встречался. Мне только фотографии предлагаемого жилья показывал. По фото вместе и выбирали. А в день, когда сделка была, я уже в роддоме на сохранении лежала, Кирилл на следующий день появился... Так и вышло, что Глеб полностью вёл сделку и оплачивал всё сам, наличкой. У меня тогда и мысли обо всех юридических нюансах не возникало. Я даже представить не могла, что буду когда-нибудь разводиться с Глебом. Думала, что мы на всю жизнь вместе...

Закрываю лицо ладонями, тру уголки глаз. Что же я натворила!

— Мам, — в голове возникает одна идея, — А если ты и дядя Паша подтвердите, что деньги были не Глебовы, а наши?

— Лесь, во-первых: Подтвердить-то мы можем. Но что этим докажем? Будет его слово против наших, а мы, твои родственники, лица заинтересованные. Ну и, по закону, он имеет право на половину квартиры, за вычетом доли ребёнка. Договора же брачного у вас нет, — мама смотрит на меня с сочувствием, — Так что, лисёнок, тут тебе только с Глебом договариваться и уповать на его порядочность. Просить, чтобы дал согласие на развод, чтобы не выдвигал претензий на ребёнка и чтобы (это маловероятно, но всё же) отказался от притязаний на жилплощадь. Как-то так.

— Мам, я не думаю, что он согласится...

— Скорее всего нет. Но попробовать, всё же, стоит.

Понимаю, что она права. Что как бы мне не хотелось, но нужно сделать именно так, как она советует. Встретиться с Глебом лицом к лицу, обсудить всё. Желательно в людном месте, чтобы он хоть как-то себя контролировал. А то, мало ли... Как оказалось, мужа своего я знаю весьма и весьма плохо.

— И ещё, солнышко, — добавляет мама, — Тебе никуда ходить не обязательно. На развод ты вполне можешь подать онлайн. У Паши племяшка пол года назад разводилась, если хочешь, то могу уточнить у неё нюансы. Ну или сама в интернете подсказки поищи.

— Да, мам. Не надо Риту дёргать. Я сама посмотрю. Сама замуж выходила, сама и завершу этот брак.

«Брак». Какое забавное слово. И оно, как нельзя, подходит к моей нынешней ситуации. По-иному, нежели «брак», назвать мою семейную жизнь сейчас язык не поворачивается. Брак стопроцентный! Что есть, то есть...

Глеб

Она лежит, нежась в потоках желтоватого света, льющегося из огромного незашторенного окна. Жмурится как кошка, выгибается, выигрышно подставляя лучам самые аппетитные части своего тела. Умеет же!

Бесовка! Бесстыжая, развратная, готовая безотказно воплотить в жизнь любую фантазию.

Вчера, после встречи с Олесей, я вернулся в гостиницу злой как чёрт. Хотелось ломать и крушить, подчинять и причинять боль...

Именно тогда я, не выключая свет, припечатал её к холодной плоскости тёмного стекла. Почувствовал, как она напряглась, выгнулась. Услышал её стон, её горячечный, похотливый шёпот...

Ох, как же я ликовал, представляя, что все видят меня и эту холёную, изнеженную девицу. Видят, что я её хозяин и на что она готова ради меня пойти...

Да, это было чудесно! Если в прошлую ночь за нами кто-то действительно наблюдал, то, зуб даю, этот кто-то открыл для себя много нового и интересного. Уж я-то постарался максимально разнообразить наш видео-ряд.

Подтягиваю её к себе, ловлю губами её полные сочные губы.

— Нежно... — задыхаясь шепчет она.

— Нежно? — наигранно удивляюсь я, — Ну уж нет! Нежничать ты со своим будешь...

Кусаю её губы, шею. Пробегаюсь руками по стройному телу — касаюсь властно и нарочито грубо. Пусть знает, что я не слащавый тюфяк, типа её благоверного. Я бы не сдерживался совсем, но, в силу некоторых обстоятельств, приходится быть осторожным, чтобы не оставить никаких следов на её нежной, холёной коже...

Через некоторое время отрываемся друг от друга. Лежим уставшие, вспотевшие и обсуждаем план возвращения контроля над моей взбунтовавшейся женушкой.

— Как думаешь, она цветы уже получила? — интересуется моя любовница.

— Наверняка. Мне отчёт о доставке пришёл — по-любому должна уже была проснуться и высунуть нос из квартиры.

— Думаешь это сработает?

— Уверен. Она по этим дурацким пионам прётся прям. Так что непременно оценит. Это точно! Даже если сразу не капитулирует — всё равно расчувствуется, запомнит. У меня вчера с наскока не вышло, но, постепенно, я до неё доберусь. Даже не сомневайся в этом!

Телефон дилинькает, извещая о новом входящем сообщении. Смотрю на экран, читаю сообщение, быстро отвечаю на него и расплываюсь в торжествующей улыбке:

— А вот, собственно, и она, легка на помине. Предлагает встретиться сегодня в «Чашке-вилке». Да уж, не нашла лучше места, чем дешевая столовка! Ну да ладно. Важнее сам факт. — моя пассия отзывается звонким, залиvistым смехом, — Смейся-смейся, но это, между прочем, победа. Я даже немного удивлён. Не ожидал, что всё будет настолько легко.

— Поздравляю, дорогой! Ну значит сегодня мы оба будем при делах. Мой «муж-объелся груш» моего возвращения ждёт не дожидется. Чувствую, устроит сегодня что-нибудь эдакое. Может даже цапки какие-нибудь подарит. Хорошо бы брюлики... давно ему на это намекаю. — она мечтательно закатывает глаза, потом театрально хмурит брови и

добавляет, — Только смотри там: со своей не увлекайся сильно! Подозреваю, что недотроги тебя ещё как заводят! Уже ревную страшно.

— Да было бы кому заводить...

— Лицемер! Что ж ты с нею живёшь тогда, если она так тебе безразлична? Хоть фото её покажи. Интересно же, с кем я мужика делю.

— Солнышко, я с ней ровно по той же причине, что и ты со своим денежным мешочком. Она конечно не так богата как твой, но, между прочим, квартирка, в которой ты недавно гостила, покупалась полностью за её счёт. И, уж поверь, я постарался сделать так, чтобы, в случае чего, ощутимый кусочек оттуда и мне перепал. Ну и родаки у неё древние уже — не сегодня-завтра инфаркт или инсульт случиться может. А там, у отчима её ненаглядного, денежек и сбережений порядком. И так вышло, что этот олень завещание составил: если с ним чего-того, то всё моей дуре достаётся. Вот так вот...

Роюсь в телефоне в поисках хоть какого-то фото Олеси:

— Во, смотри! Вот моя мышака. Ну и к кому ты тут ревновать-то собралась?!

Подруга внимательно изучает фотку, морщится:

— Что ты мне заливаешь?! — надувает обижено губки, — Нормальная она у тебя. Не топчик конечно, но и не уродина полная.

— Как скажешь. — отбрасываю телефон в изножье кровати и притягиваю её к себе, — Но знаешь, меня такие благообразные никогда не привлекали... а вот ты — совсем другое дело. Иди сюда, сладкая. Впечатли меня. Сегодня мне предстоит «мириться» с этой молью. Хочу представлять тебя на её месте.

Глава 29

Обсудив всё с мамой, некоторое время набираюсь решимости, потом отправляю смс на номер Глеба:

«Глеб, здравствуй. Нам нужно срочно встретиться и поговорить. Сможешь подойти сегодня к шести вечера в «Чашку-вилку» которая на Ленина?»

Ответ приходит незамедлительно:

«Привет, Лесечка! Так рад, что ты мне написала. Скучаю по тебе, маленький. Конечно давай встретимся! Я только за. Радость моя, неужели ты могла подумать, что я упущу шанс тебя увидеть?!»

Морщусь. Противно от этой слащавости. Раньше подобное казалось таким естественным, но сейчас я абсолютно не верю в его искренность. Ни единому его слову не верю!

Набираю короткое:

«Тогда до встречи. Спасибо.» — включаю беззвучный режим и откладываю телефон в сторону.

Теперь нужно подумать, в чем пойти:

С одной стороны я хочу выглядеть довольно прилично, чтобы Глеб осознал, насколько для меня важен наш разговор.

С другой стороны — у него и мысли на тему чего-то романтического промелькнуть не должно.

Перебираю свой обновленный гардероб. Отсеиваю один вариант за другим: Джинсы — слишком неформально. Юбка — ну нет, у Глеба фетиш по юбкам. Платья — тоже не то, они как бы намекают на что-то большее, дают надежду на шанс всё исправить. Большинство блузок и футболок тоже забраковываю — то слишком короткие, то слишком глубокий вырез, то слишком сильно облегают фигуру...

Наконец останавливаюсь на легких бежевых брючках-трубах в продольную полоску. Подбираю к ним светлую блузку с высоким воротником-стойкой. Получилось довольно стильно, но слишком скучно для Глеба. Глядя на меня, он, определённо, должен сообразить, что я точно не с целью его завлечь наряжалась.

Волосы решаю собрать в высокий пучок на затылке.

Макияж накладываю неброский и максимально естественный: слегка припудриваюсь, подкрашиваю реснички и выравниваю линию бровей.

Обуваюсь в удобные сабо на платформе.

Придирчиво изучаю свое отражение в зеркале: нечего лишнего, никакой вульгарности или нарочитости. Остаюсь полностью довольна плодами своих трудов. Просто отлично! Пять тебе, Олеся! Нет, даже не пять — десять!

В «Чашку-вилку» прихожу немного загодя назначенного времени. Беру поднос и встаю в очередь на раздачу.

Кушать совсем не хочется — нервничаю. Но заказать что-то нужно. Пустой столик будет привлекать ненужное внимание сотрудников, а у меня разговор намечается серьезный. Не хочу, чтобы нам мешали.

В итоге, беру порцию овощного салатика, маленький бутербродик с красной рыбкой и компот из сухофруктов. Подумав, добавляю ещё стакан кипятка и два пакетика заварки —

буду успокаиваться крепким чаем. Кофеин не только на Игоря странно действует. Меня кофе и чай тоже уравнивают и немного расслабляют.

Расплатившись за свой заказ, выбираю самый дальний угловой столик у окна. Сажусь лицом ко входу — так приход Глеба точно не застанет меня врасплох.

Мой (пока ещё) муж появляется ровно в шесть и ни минутой позже. Пунктуален как никогда!

Входит в кафе, окидывает взглядом столики — меня ищет. Наконец замечает и расплывается в широкой улыбке. Поднимает в приветствии руку и направляется ко мне.

Одет он повседневно: синие джинсы, светлая футболка с принтом. Но даже в такой одежде он смотрится как какой-нибудь Голливудский актёр или модель, только что спустившаяся с подиума.

— Привет, солнышко! Чудесно выглядишь! — произносит Глеб и наклоняется через стол, пытаюсь поцеловать меня в щеку.

Резко отстраняюсь от его губ. Не хочу, чтобы он прикасался ко мне. При одной мысли об этом мерзко становится!

— Лесь, я опять тороплюсь? — удивленно и как-то обиженно спрашивает Глеб, — Радость моя, ну не мучай меня так! Скажи уже, я могу как-то исправить случившееся? Обещаю, что сделаю всё, о чём бы ты не попросила.

Он усаживается напротив меня. Сидит понуро — с лица слепок отвергнутого влюбленного впору делать. Ну не актёр ли?!

— Да, Глеб, у тебя есть возможность хоть как-то исправить моё отношение к тебе. Это не будут прежние чувства — убитого не воскресить, но... ты ещё можешь вернуть моё уважение.

Глеб напрягается, в его взгляде мелькает какая-то звериная настороженность. Смотрит на меня практически не моргая. Сейчас он похож на змею, сжавшуюся в пружину и готовую к броску. Мне становится неуютно под этим ледяным взглядом.

— Я не совсем тебя понимаю, Олесь. Зачем ты меня сюда позвала?

Вздыхаю. Ну вот оно — час икс пробил. Пора огласить ему моё решение, попросить принять его, и постараться решить все наши вопросы мирным путём.

— Глеб, завтра я подаю на развод. Мы больше не можем жить вместе.

— Что ты сказала? — Глеб наклоняется ближе, заглядывает мне в глаза, — Олесь, я не понимаю. Какой развод? О чём ты?!

— Какой развод? Да самый обыкновенный. Я буду жить с Кирюшей, ты будешь спокойно встречаться со своей белокурой красавицей. Никому не обидно, не больно, никто никому ничего не должен...

— Лесь, ты сейчас прикалываешься, да? Ментально меня отшлёпать стараешься? — голос Глеба наполнен едва сдерживаемым гневом, — Во-первых, я тебе уже говорил и ещё раз повторяю: тот раз, с этой девахой, был единичным случаем. Это новый зам шефа. У неё хобби странное есть — она мужиков коллекционирует...

Глеб, не спрашивая, хватает мой компот и осушает его практически залпом.

— Домогалась она меня на протяжении месяца. А на прошлой неделе приперла а стенке, угрожая, что либо я с ней ночь провожу, либо она сделает так, чтобы Георгич меня уволил, — он снижает тон, переходит практически на шёпот, — И она могла это сделать, Лесь! Ещё как могла! Помнишь Сашу Кондратова? Мы ещё на прошлом корпоративе с ним и его женой за одним столиком сидели. Так вот, эта гадина, новая замша, Сашку сожрала,

выжила с работы. Он до сих пор никуда устроиться не может. Благо жена у него тоже трудяга — деньги в семью приносит. Иначе не вывезли бы.

— А я, Лесь, я не мог позволить себе такой роскоши, не мог потерять единственный источник дохода. Мне же вас с Кирюшей кормить нужно, — Глеб трет руками виски и продолжает, — Вот и пришлось стать товаром на одну ночь. Да, продался! Да, изменил! Но, Лесь, хладнокровно проанализируй ситуацию и постарайся понять всё правильно. Ну что мне ещё оставалось делать?!

Смотрю на него внимательно. В этот момент он действительно кажется таким искренним, мне даже его немного жалко становится. Ну и кто же он: запутавшаяся жертва обстоятельств или циничный, беспринципный врун, каких ещё свет не видывал?

Кто же ты, Глеб? С кем я жила всё это время?

Смотрю на него и вспоминаю каждую мелочь, которую уловил и запечатлел мой разум «тогда». Морщусь и сбрасываю внезапное наваждение.

Нет уж, Глебушка, жертвы так не льнут к своему тирану и уж точно не лапают его на глазах у всей улицы.

— Глеб, по-твоему, я реально похожа на полную дуру? — спрашиваю его, сквозь накотившие слёзы обиды.

Он удивлённо моргает, замирает, а потом мгновенно меняется в лице. Нет там уже ни скорби, ни смущения, ни отчаяния. Только злоба — холодная, тёмная, яростная.

Неожиданно ловлю себя на мысли, что абсолютно верно выбрала место для нашей встречи. В укромной зоне ресторанных диванчиков мне было бы намного неуютнее, нежели тут.

— У тебя кто-то есть? — шипит Глеб, еле сдерживаясь, чтобы не повысить голос.

Чувствую, как клокочет его ярость. Чувствую, как закипаю сама.

— Послушай, Волк, — практически рычу, не в силах подавить эмоции, — Ты можешь, хотя бы для разнообразия, не врать, не играть и не увиливать? За эти дни, ты уже сделал максимум для того, чтобы стать для меня чужим человеком. Сохрани хотя бы осколки того светлого, что было между нами! Или вся твоя былая любовь ко мне — тоже ложь? А Кирилл? Ты ни разу даже не поинтересовался как он!

Замечаю, что на нас начинают посматривать, вздыхаю и продолжаю устало:

— Глеб, мне не нужны твои объяснения и оправдания. Я просто хочу, чтобы ты дал согласие на развод. Чтобы не претендовал на сына — позволь ему остаться со мной. Обещаю, что не буду препятствовать вашему общению. Ты сможешь видеться с ребёнком в любое время, когда сам того пожелаешь. Скорее всего Кириюшу и так оставят со мной, но я хочу избежать долгих прений, хочу оградить ребёнка от всего этого. Если ты согласишься, то для Кирилла всё останется как раньше, за исключением того, что папа с мамой будут жить не вместе. Но мы ему как-нибудь объясним это. Правда? Главное же: у Кира по-прежнему будут и папа, и мама.

Глеб хмурится и молчит. Упёрся взглядом в столешницу — мне даже его реакция не видна.

Приходится продолжать вслепую:

— Второй момент — это жильё... Я хочу попросить тебя, отказаться от притязаний на долю в собственности. Эта квартира приобреталась полностью на мамины и папины деньги, на те сбережения, что папа мне оставил. Но даже не смотря на это, я бы не стала тебя о таком просить, не будь у нас Кирилла. Я хочу, чтобы эта квартира целиком и полностью принадлежала нашему сыну. Чтобы он никак не зависел от наших с тобой взаимоотношений и планов. Ты вот решишь завтра с этой своей, или другой какой, сойтись — вам гнездышко срочно понадобится. Выплатить тебе такую сумму я просто не смогу. И что тогда? Квартиру на продажу? Как минимум, новый стресс для ребёнка. — взываю я к отцовским чувствам Глеба, — Подумай! Поступи правильно. Наш мальчик в твоих грехах не виноват! Муж из тебя вышел такой себе, но это не мешает тебе остаться хорошим, любящим отцом...

— А здорово ты всё придумала, Лесь, — хмыкает Глеб, — Идеально всё по полочкам разложила. Молодец! Только ещё про алименты упомянуть забыла. Это же тоже входит в

твой список обязанностей «хорошего отца»?

— Глеб, это твой ребёнок. Как бы у нас с тобой не сложилось, но он остаётся твоим сыном. Не забыл? И он любит тебя! А ты его любишь? Не ты ли говорил, что хочешь, чтобы он ни в чём не нуждался? Что готов перерабатывать, недосыпать, лишь бы обеспечить будущее Кира. Что-то поменялось? Ты теперь придерживаешься иной позиции? Одно слово об алиментах, причём произнесенное, заметь, не мной — напроць отбило твои родительские инстинкты?

Если честно, то до этого момента об алиментах я даже не думала. И я не уверена, что вообще буду на них подавать. Не хочу, чтобы Кирилл был чем-то обязан «нынешнему Глебу».

Мой муж оказался полон не самых приятных сюрпризов. Хочу ошибиться, но сейчас мне кажется, что, кроме себя, Глеб вообще никого любить не способен.

Но алименты — это хоть какой-то рычаг воздействия. То, что можно выставить в противовес моим требованиям.

— Волк, давай договоримся так: я не подаю на алименты, а ты соглашаешься на развод, не претендуешь на Кира и отказываешься от своей доли в недвижимости, в пользу сына, естественно. Согласен?

Он начинает смеяться, сначала тихо, потом громче, громче и громче... Его неудержимый гомерический хохот заставляет меня покраснеть от стыда. Теперь все взгляды посетителей устремлены в нашу сторону. Мне хочется сквозь землю провалиться и оказаться где-нибудь в другом месте. Где угодно, главное подальше от Глеба и его показной клоунады.

— Я так понимаю, что это означает «нет»? — спрашиваю я, поднимаясь из-за столика.

Он хватает меня за запястье, больно сжимает, подтягивает к себе. Понимаю, что вырваться не могу и подчиняюсь его силе.

Он шипит мне в ухо, ядовито, по-змеиному:

— Да, солнце моё, думаю, что ты всё поняла верно. Но, на всякий случай, объясню тебе поподробнее.

Первое: развод я тебе не дам.

Второе: я буду требовать, чтобы ребёнка оставили со мной. Ты не работаешь и просто не способна его содержать. Кроме того, у тебя же есть психологические проблемы. — он щерится и продолжает, — Помнишь свои ночные кошмары? Депрессию? Как ты кричала во сне и просыпалась в слезах среди ночи. Как боялась после захода солнца выходить из дома. А когда всё же преодолевала свой страх и выбиралась из уютной скорлупки, то держалась только хорошо освещённых улиц и людных мест. Помнишь, как вздрагивала и впадала в панический ступор при виде подвыпивших прохожих? Вот! И доктор, к которому мы обращались за помощью, тоже всё это помнит...

А одна только твоя аэрофобия чего стоит?! Ты — неуравновешенная. И кто знает, как тебя накроет в следующий раз?!

— Глеб, что ты несёшь?! — прерываю его оскорбительный словопоток, — Да, у меня были небольшие проблемы после того случая в юности. Кому, как ни тебе, знать, через что я тогда прошла! Да, я обращалась к специалисту. Но он помог мне прийти в норму за несколько сеансов. Мне даже медикаментозная помощь не потребовалась. И да, я боюсь летать, но это никак не отражается на жизни моего ребёнка. Людей с таким же страхом полно. Тебе не удастся записать меня в психички!

— Ну а я скажу, что после этого, в течении нескольких лет, твоё поведение вызывало у меня опасения. Что я убеждал тебя обратиться за повторной помощью к специалисту, но ты

упорно отказывалась. Что я не стал настаивать, так как безумно люблю тебя. Не мог устоять перед твоими мольбами оставить всё как есть. Каюсь! Но кто из нас не совершал ошибок ради любви?! Кароче, это всё лирика, но поверь, если дойдёт до развода, то я сделаю всё, чтобы этот развод затянулся на максимально долгий срок.

От его угроз и наглой лжи у меня дар речи отшибает. И пока я пытаюсь сообразить, что же ему ответить, он продолжает свой ядовитый монолог:

— Ну и третье: на квартиру я свои права заявлю. Даже не сомневайся! Пусть закон решает, имею я на неё право или нет.

Он приближает своё лицо к моему практически вплотную. Тембр его голоса меняется, наполняется медвяной патокой:

— Но ничего этого не будет. Ведь правда, Лесечка? Ты выдохнешь и выкинешь из головы эту блажь. Я понимаю, что ты обижена, я осознаю степень своей вины в этом, но... Малыш, сейчас ты действуешь неразумно. Просто идёшь на поводу эмоций. Но любые эмоции рано или поздно утихают. Настанет момент и ты всё поймешь и простишь меня. Ведь я по-прежнему люблю тебя и хочу прожить с тобой всю свою жизнь.

Мне хочется заплакать, закричать. Нет, даже завопить! Вложить в этот вопль всё, что накипело, наболело внутри. Но вместо этого я словно застываю, не могу издать ни звука. Просто смотрю на него и не понимаю, как мой чудесный, отважный и любящий прекрасный рыцарь мог, в одночасье, превратиться в это мерзкое и злобное чудовище.

— И ещё: очень надеюсь, что хахаля ты завести не успела. Узнаю — прибью гада. Зуб даю!

— Девушка, у Вас всё хорошо? — к нашему столику подходит пожилой охранник, вид у него немного обеспокоенный.

— Да, — заверяю я его, — У меня всё в порядке. Я как раз собиралась уходить.

Глеб касается губами моего запястья и разжимает хватку.

— Люблю тебя, солнышко! Прошу, подумай спокойно обо всём, что я тебе сейчас сказал. Надеюсь — ты примешь верное решение.

Я потираю саднящую руку. Вокруг запястья кожа покраснела и горит огнём. Скорее всего, на какое-то время, синяк останется мне напоминанием о сегодняшней встрече с мужем.

— Глеб, что бы ты ни делал, как бы мне не угрожал — я всё равно разведусь с тобой. Жалею только, что была настолько глупа и понадеялась на твою порядочность. Прощай, Глеб! Увидимся в суде.

Поворачиваюсь и иду к выходу, каждой клеточкой тела ощущая его тяжелый, пристальный взгляд.

Что ж, по крайней мере, я попыталась.

Утром, первым делом, открываю интернет и изучаю информацию по разводу: как составить и подать заявление, какие документы нужно к нему приложить, виды и размер госпошлин...

Через некоторое время голова начинает идти кругом. Вроде бы и ничего сложного, но информация новая, а в моём случае столько нюансов, что просто боюсь упустить что-нибудь важное.

Первым разочарованием становится то, что онлайн-заявление я подать не могу — нужна электронная подпись, а её у меня просто нет. Можно конечно подать заявку на её получение, но это займет какое-то время — проще самой в суд съездить. Решаю так и поступить. Выписываю информацию по госпошлинам, которые нужно оплатить. Тут ничего сложного — заскочу сегодня в банк или на почту.

А вот дальше: одно разочарование следует за другим. Понимаю, что если Глеб приведёт в исполнение свои угрозы, то мой развод может затянуться на очень долгое время...

Маме звоню ближе к вечеру. Вкратце пересказываю ей мою нынешнюю ситуацию.

— Мам, ну почему я такая дура?! Как я могла, всё это время, не замечать с каким человеком живу?! — расстроено завершаю я свой рассказ.

— Олеся, ты вовсе не дура. Ты просто влюблённая девочка. Любовь может дарить как беспредельную силу, так и слабость. Любовь порождает доверие, доверие делает человека простодушным. И тут уже всё зависит от того, в кого ты влюблена. Если твой избранник — человек достойный, то твоё чистосердечие лишь усиливает вашу связь. Вместе вы становитесь неподвластны любым невгодам. Если же твоим сердцем завладел подлец, то он обернёт твои чувства в свою пользу, исказит, измарает всё светлое и чистое. Мне жаль, что Глеб оказался этим самым вероломным мерзавцем. Но в том, что ты не заметила подвоха ранее — нет твоей вины. Мы с Пашей тоже считали его хорошим мальчиком, любящим мужем и заботливым семьянином. Он нас всех обвел вокруг пальца. Талантливый пройдоха, в этом ему не откажешь.

— Мам, я больше не влюбленная овечка. Он перечеркнул наше прошлое. Я даже не знаю, было ли это прошлое чем-то настоящим или он, все эти годы, просто ловко манипулировал моими чувствами. Он, как какая-то тварь из фантастического кошмара — приспособливается, мимикрирует, видоизменяется. Я просто не знаю, какая из его форм истинная. Он врёт так легко! Сочиняет правдоподобную ложь прямо на ходу, и делает это так убедительно, что очень сложно не верить ему, даже понимая, что он не произнес ни слова правды. У меня не осталось к нему любви, но появился страх. Мам, я действительно боюсь его! Боюсь, потому, что просто не знаю, на что он ещё способен.

Мама печально кивает.

— Леся, есть ещё кое-что про Глеба. Я тут вспомнила вчера, после нашего с тобой разговора, о том случае... Не была уверена, рассказывать или нет — история давно минувших дней, и тогда казалась мне ерундой, не заслуживающей упоминания. Да и Глеб просил не волновать тебя по-пустякам. Но сейчас... Я думаю, что тебе стоит об этом знать. И прости, что не рассказала тебе сразу, ещё тогда, накануне твоей свадьбы. Боюсь, как бы моё желание оградить тебя от ненужных проблем и переживаний, не принесло больше вреда, нежели пользы. Боюсь, что в том, с чем ты сейчас столкнулась, есть доля и моей вины...

— Мама, это что-то про Алину? — почему-то вспоминается отрѣкшаяся от меня подруга. Она же тогда пыталась мне что-то про Глеба сказать, но, в последний момент, передумала. А вдруг мой разрыв с ней — тоже его работа?

— Алина? Нет, Лесь, про Алину я ничего не знаю. Помню, вы с этой девочкой очень дружили, а потом ваши пути почему-то разошлись... Её же даже на свадьбе твоей не было. А ты ведь, кажется, хотела её в подружки невесты позвать... Но то, о чём я хочу тебе сказать, тоже связано с девушкой...

Мама замолкает, словно ещё сомневается в чём-то. Подстегиваю её, прошу продолжать.

— Хорошо, Олеся. Только не подумай, что я сейчас в отместку на твоего мужа наговариваю. Да и, возможно, он ни в чём, в той ситуации, и не был виноват. Мне кажется, что в то время он действительно был в тебя до безумия влюблён, — мама вздыхает и начинает свой рассказ, — Это произошло накануне твоей свадьбы. Помнишь, ты потерянная такая пару дней ходила? Вот Паша тогда подумал, что ты из-за предстоящей церемонии волнуешься и решил тебе девичник устроить. Чтобы расслабилась, отвлеклась немного, выдохнула. Вот и выкупил на сутки, вам с девчонками, большой номер в загородном спотеле.

Да, чётко помню тот случай:

Мама с отчимом приехали ко мне в гости, на две недели. Дядя Паша предложил нам «съездить на могилку к Саше, рассказать ему о предстоящей свадьбе дочери». И я была очень благодарна ему за эту идею. Я уже давненько не навещала папу и мне, отчего-то, было очень стыдно за это. Да, я понимала, что неживые обижаться не умеют, но дело в том, что, отчасти, он всегда оставался для меня живым. Даже Глеба я не любила так, как, в своё время, отца. Он был моим кумиром, моим защитником, готовым землю ради меня перевернуть. У нас было редкое единение душ — мы понимали друг-друга с полуслова, а порой, нам и слова-то были не нужны.

Глеб тогда приболел немного и с нами не поехал. А за несколько дней до этого я встречалась с Алиной...

Вот, видимо, и наложились на меня все эмоции вкупе. Действительно ходила слегка пришибленная, погруженная в свои мысли. Ну а дядя Паша мне настроение решил улучшить. Глеб тогда было возражать принялся, что, мол, девичник — эти архаизм, пережиток какой-то. Но возражал вяло, не очень настойчиво. В итоге, даже сам решил мини-мальчишник замутить — сходить с друзьями в пивной бар. Ну а я провела чудесный день в отеле с племянницами дяди Паши и моими универовскими приятельницами — получилось действительно здорово и весело.

— В тот вечер ты ночевала в отеле, Глеб ещё не вернулся с мальчишника, а Паша пошёл играть в преферанс со своими старинными приятелями.

Когда в дверь позвонили, я была дома одна. Подхожу, смотрю в глазок, а там девушка какая-то на пороге. Ну я поинтересовалась, что ей нужно, а она тебя спрашивает. Я и решила, что это подружка твоя. Открыла, объяснила, что тебя сегодня не будет.

— А Вы — мама Олеси? — поинтересовалась гостя.

Киваю утвердительно, а она мимо меня на кухню прямым ходом. Зашла, как к себе домой, уселась на стул.

— Можно мне тогда с Вами поговорить? Это очень срочно!

— Да о чём мне, милая, с тобой разговаривать? — спрашиваю я в растерянности.

— О Глебе и о его свадьбе с Олесей, — отвечает та.

Ну мне тогда так неприятно стало. Какое, думаю ей дело, до Глеба и вашей свадьбы?! Хотела её мягенько наружу спровадить, а она затараторила.

— Олеся не должна выходить за Глеба! Он — мой! Ясно? Мы встречаемся уже давно и любим друг-друга! А с Олесей Вашей он из жалости! Много раз её бросить хотел. Но она же

у Вас не от мира сего! Вот он и решил осторожно, постепенно, чтобы, чего доброго, руки на себя не наложила. Мне-то всё равно, что с Вашей Олеськой будет, а Глеб — он такой добрый, заботливый! Он самый лучший у меня! Понимаете?

— Ну и что же не бросил тогда? Почему замуж не тебя, а мою дочку берёт? — спрашиваю я, еле сдерживая желание выволочь её из квартиры за космы.

— А потому, что Ваша Олесечка подсуетилась. Дура-дурой, а обрюхатилась вовремя! — выплевывает мне в лицо девица, — А Глеб — он правильный! Он не может с ребёнком так! Вот и вынужден был со мной расстаться. Знаете, как он плакал? Если бы Вы только видели, насколько ему было больно жертвовать своей любовью ради этой змеи!

Только сейчас понимаю, что она не совсем трезвая. Оскорбления в адрес дочери приводят меня в ярость, но сдерживаюсь, хочу дослушать её историю.

— Ну вот, расстались вы, поплакали, а сюда-то ты зачем приперлась? Он же выбор свой сделал уже, верно?

— Это он просто не знает, что обстоятельства поменялись. — хитро щерится пьяная девица.

— Теперь ему и выбирать не придётся! Я тоже ребёночка жду. — она гладит себя по плоскому животу и бормочет, — Видишь, маленький, мама всё уже решила. Скоро наш папочка будет с нами. Мама оденет красивое белое платье, а потом... мы будем вместе всегда-всегда. Обещаю тебе, любимый!

— Слышишь, мамочка, — уже не выдерживаю я, — А что ж ты наакалась-то так? «Маленькому» навредить не боишься?

— Да пошла ты, старая карга! Будешь мне ещё указывать, что делать!

В этот момент и появился Глеб. Увидел эту деву и за локоточек её к выходу. Та ему про любовь, про «маленького», а он ей:

— Ир, хватит бред нести! Когда ты уже устанешь меня преследовать?! Я же тысячу раз тебе говорил, что не было между нами ничего и никогда не будет. Я Олесю люблю! А то, что ты однажды, ещё до того, как Олеся ответила мне взаимностью, на коленках у меня посидела и решила, что между нами может что-то быть в дальнейшем — это лишь твои больные, ничем не обоснованные, фантазии. Отвяжись, прошу! И не смей сюда больше приходить! Узнаю, что к Олесе со своим бредом пристаешь — напишу на тебя заявление в полицию. Будешь им потом свои сказки рассказывать. Поняла?

Девчонка не сопротивляется. Смотрит на него влюбленными коровьими глазами, кивает. Лишь когда он выставляет её за дверь, пищит в отчаянии:

— Глебушка, а как же маленький?!

— Какой, нафиг, «маленький»?! Проспись иди! И вообще — тебе лечиться нужно! Я бы на твоём месте подумал над этим. Больная!

Глеб с шумом захлопывает дверь. А потом мы сидим с ним на кухне и он рассказывает, объясняет... И я понимаю, что девочка просто безответно и безнадежно влюблена, вот и решила пойти на отчаянный шаг и разрушить вашу с Глебом свадьбу. Просто отвергнутая поклонница. Мелочь, не более.

— Олесь, если бы она ещё хоть раз объявилась, то я бы точно тебе сообщила про это. Но тогда посчитала, что выходки влюбленной девочки-фантазерки не стоят твоих нервов...

— Мам, — говорю я, сглатывая тугой комок во внезапно пересохшем горле, — Она и не могла объявиться ещё раз... В тот вечер Ира Котова выбросилась с подъездного балкона новостройки. Свечка такая на Кирова... Единственное двадцатиэтажное здание в Елане, ты

его должна знать... Вот с этого двадцатого и сиганула... — мне становится тяжело дышать, в глазах темнеет... в то время, когда я отмечала канун своей свадьбы, Ира стояла и смотрела в бездну. И я тоже к этому причастна. Пусть косвенно, но тем не менее, я тоже соучастник человека, который довел её до такого.

Тогда местные газеты и паблики просто разрывались от этой новости: молодая, перспективная художница, на первых месяцах беременности, без прощальной записки и объяснения...

И, возможно, я бы не запомнила это событие так надолго, но...

Ира Котова была моей сокурсницей и той самой девочкой-победительницей, которой выпала честь восседать на коленях Глеба в день его, так называемых «проводов». В тот день, когда я психанула и ушла из бара. В тот день, когда попала в страшную западню и уже не надеялась из неё выбраться. В тот день, когда Глеб меня спас...

Ночью мне снится Игорь. Что-то зачастил он в мои сны. Просыпаюсь утром с улыбкой — не помню подробностей, но ощущение, что пережила нечто безумно приятное. Нежность такая, истома сладкая...

Да что же это такое! Ну почему меня так к нему тянет-то?! Не правильно это. Он женат, да и я пока не свободна. А даже если бы и была свободной, что бы от этого поменялось?! Игорь просто друг — не больше... Но и не меньше! Я должна быть благодарна судьбе, за то, что она свела меня с таким замечательным человеком.

Ох! Сколько же времени сейчас? Я же в девять в «Фаворите» должна быть!

Забрасываю в рюкзак спортивку и купленный вчера купальник. Не знаю как нужно, но решаю, что переоденусь на месте. В «Фаворит» врываюсь ровно в девять. Игорь ждёт в лобби, увидев меня, идёт навстречу, лицо прямо-таки сияет в лучах ослепительной улыбки.

— Привет! А я вот боялся, что не придёшь. Рад, что не передумала! — согреваюсь под его обволакивающим взглядом.

Ночные видения ещё толком не выветрились из памяти и столкнувшись с реальным Игорем, те чувственные фантазии накладываются и усиливают эффект.

Вздрагиваю. Вот, опять! Ну почему он на меня так действует-то?!

— Привет! Хорошего же ты обо мне мнения! Я же сказала, что приду.

Идём к стойке админов, завершать регистрацию моей карты. Сегодня проблем с фото с моей стороны нет.

После, Игорь увлекает меня вглубь заведения. В зале с беговыми дорожками он подводит меня к спортивной подтянутой девушке.

— Вот, Олеся, познакомься — это Яна. Она мне очень помогла, в своё время. Замечательный тренер. От души рекомендую.

— Здравствуйте, Олеся, — Яна протягивает мне руку. Пожимаю её, знакомимся.

— Лесь, ну ты тут осваивайся. Яна тебе поможет. А я пока пробежусь по своей программе. — Игорь кивает Яне и продолжает, — Только потом сразу не сбегай. Если в спа не пересечёмся, то давай состыкуемся в лобби, у фито-бара. Хорошо?

— Ага, — соглашаюсь я.

Он уходит, а я поступаю в полное распоряжение теперь уже моего фитнес-инструктора.

Через два часа, уставшая от непривычной нагрузки и разомлевшая от радостей спа, выползаю в лобби.

Мой друг уже там, сидит у фито-бара, потягивает что-то из высокого пластикового стакана.

— Какое-то супер-средство? — уточняю я, — Ну-ка, колись! Выпью эту жидкость и стройнее на пару кило стану?

Он смеётся. Искренне, не наигранно.

— Не, Олеся. Разве что на пару тройку сотен рублей.

— Ух, мошенники! И зачем тогда продают такое, раз оно бесполезное совсем?

— Ну, не такое уж и бесполезное. Люди разные. У довольно многих самовнушение так работает, что они реально с этой витаминизированной смеси худеть начинают. Ну и, кроме того, как уже упомянул — этот коктейль насыщен разными полезными витаминками.

Киваю понимающе. Убедил, кэп!

— Лесь, а пойдём посидим где-нибудь. Ты не против? Не торопиться? У меня до встречи, по работе, полтора часа, а ехать в офис минут двадцать максимум. Выдвинусь сейчас — буду там от безделья маяться... Выручишь?

Он ещё спрашивает! Разве я могу ему отказать?! А, кроме того, идти домой совсем не хочется. С некоторых пор, мой дом из надежного, уютного гнездышка превратился в оплот боли и скорбных воспоминаний.

В этот раз мы отправились в смузи-бар «Аполлон». Не знаю, в каком канцерогенном сне владельцу пришла в голову идея назвать его именно так, но смузи тут готовят действительно классные.

— Олесья, — через какое-то время говорит Игорь, — Прости, что лезу не в своё дело, но что у тебя с рукой?

Опускаю глаза и понимаю, о чем он. Вокруг моего запястья, лиловет насыщенная полоса, с явными отпечатками пальцев того, кто эту красоту мне оставил. Утром это безобразие было не так заметно, видимо, после сауны синяк проявился сильнее.

Сначала было думаю мягко уйти от ответа. Но Игорь выглядит действительно озабоченным. И почему я должна врать тому единственному человеку рядом, который на самом деле за меня переживает?!

— Это... это сделал мой муж.

— Муж? Я думал, что у вас с ним всё хорошо. Ты же так к нему спешила, переживала за него. Как же, в ответ на любовь, могло появиться такое? — он кивает на мою ссадину, — А в понедельник у тебя не аллергия была, верно? Просто ты, накануне, много плакала? И было это уже после того, как ты вернулась из театра...

Игорь хмурится, наклоняется ко мне, успокаивающе накрывает мою руку своей рукой.

— Олесья, твой муж тебя бьёт? Не стесняйся, говори как есть. Со мною ты можешь поделиться. Мы же друзья. Помнишь?

Киваю. Потом, вздохнув, рассказываю ему всё:

Про то, как застучала мужа с любовницей. Про потоки лжи, которые получила вместо раскаяния и извинений. Про то, что поняла, что он крутит с этой дамой за моей спиной уже довольно давно. Про его попытки шантажа: клевету, угрозы, перекрытие моего доступа к счетам...

— Он не бьет меня, в прямом смысле слова, но... может быть мне было бы менее больно, подними он на меня руку. Нет, я не о том, что простила бы рукоприкладство! Просто... мне кажется, что избиение души — это не менее страшно, чем физическое воздействие. — потираю запястье и продолжаю, — Любые ссадины заживают. А вот внутреннее... я не уверена.

Игорь слушает меня, не перебивая. Потом кивает и спрашивает:

— Олесья, что ты собираешься теперь делать?

— Становиться взрослой. Как этого и хотел Глеб. Вчера я оплатила все пошлины, написала заявление, сняла копии с документов. Поеду сегодня подавать на развод. Будь, что будет, но жить с ним вместе я больше не желаю.

— Понятно, — говорит он, — Олесья, но ты точно хорошо обо всём подумала? Нет шансов на то, что ты с Глебом помиришься, простишь его и изменишь своё решение?

— Нет! За эти несколько дней, для меня, он превратился в абсолютно незнакомого, чужого человека. Более того: теперь я как-то и не верю, что он вообще когда-либо нас с сыном любил...

— Так, тогда смотри. Я тебе сейчас номер один дам — это телефон моего семейного юриста. Набери ей завтра. Я её сегодня в курс дела введу и она будет ждать твоего звонка, так что звони ей без стеснений. Скажешь, что ты Олеся от Игоря — она всё поймёт, — Игорь сбрасывает мне смс с контактами юриста, — Она — профессионал своего дела и хороший, надёжный человек. Так что её помощь тебе точно лишней не будет. Просто я по разводам не специалист — никогда разводится не доводилось... какой-то дельный совет дать не смогу. Но на Елену Петровну ты можешь полностью положиться. Кроме того, если доверишь её представлять тебя в суде, то она полностью возьмёт весь процесс на себя и тебе не придётся мотаться на слушания, да и с мужем лишний раз контактировать не будешь.

— Игорь, спасибо тебе огромное! Ты — мой добрый ангел! — говорю я с благодарностью.

— Да брось ты! Мне не сложно. Кроме того, зачем же ещё нужны друзья? — подмигивает он.

— Ладно, Лесечка, мне бежать пора. Работа ждать не будет, — разводит руками Игорь, встаёт, а потом наклоняется ко мне и неожиданно целует в щеку. — Не грусти! Всё будет хорошо, вот увидишь!

Прощаюсь, провожаю его взглядом, потом подношу руку к месту его поцелуя. Бесстрастного, дружеского, но... в тот момент, когда его губы коснулись моей кожи — я чуть не вскрикнула, настолько отозвалось моё тело на эту невинную ласку. Меня как электрическим разрядом пронзило, кажется, что все волосам на коже встали дыбом, россыпь приятных мурашек прокатилась по телу ... Надеюсь, что Игорь не заметил моей реакции. Не хотелось бы, чтобы он во мне разочаровался.

Задумчиво поглаживаю пальцами место поцелуя. Что же со мной творится?! Неужели меня угораздило влюбиться в женатого мужчину?! И, если это действительно так, то чем же я тогда лучше любовницы Глеба?!

Прошло две недели, с того момента, как я рассказала Игорю про свою ситуацию с Глебом.

Это было относительно спокойное и плодотворное время:

Я встретила с семейным адвокатом Игоря. Елена Петровна, действительно, показалась мне очень приятным и корректным человеком. Она внимательно выслушала мою историю и согласилась полностью взять на себя отстаивание моих интересов в бракоразводном процессе.

— Сколько я буду Вам должна? — поинтересовалась я, ожидая содрогнуться от озвученной суммы.

И действительно содрогнулась, когда та объявила, что платить мне ничего не нужно. Что Игорь все её услуги и возможные издержки уже покрыл. От меня потребовалось лишь написать доверенность на то, что Елена Петровна может вести все судебные дела от моего имени и подписать договор, в котором, в графе оплата услуг, значилась странная нулевая сумма.

Позже, я просила Игоря сказать сколько он потратил на юриста. Объяснила, что хочу перевести ему нужную сумму, что мне не удобно принимать от него материальную помощь. Мол, он и так меня очень поддерживает и я не хочу, чтобы он на меня ещё и тратился.

— Брось, Олесь, не придумывай! У тебя сейчас такая ситуация, что каждая копейка на счету. Вот когда разбогатеешь, то, так и быть, я соглашусь на благодарственный ужин в ресторане, за твой счёт — рассмеялся он, — А сейчас, я просто рад, что хоть как-то могу тебе помочь. Ты хорошая девушка и не заслужила всего, что на тебя навалилось.

Никакие мои возражения не смогли сломить его сопротивления. В итоге я сдалась, поклявшись себе, что сразу же, как только мои дразги утрясются, я непременно приглашу Игоря и его жену в самый лучший ресторан города.

У нас с Игорем возникла устойчивая традиция, своего рода ритуал: после спорт-клуба мы ненадолго забежали в смузи-бар «Аполлон». Общались, болтали ни о чем, делились впечатлениями о прочитанных книгах, о фильмах, которые смотрим, обсуждали какие-то житейские мелочи. Я рассказала Игорю, что рисую небольшие сюжеты, а потом преобразую их в схемы для вышивания. Именно благодаря его совету, я зарегистрировала ИП и стала активно развивать свой маленький бизнес. Моя группа неожиданно стала стремительно развиваться. Схемы весьма неплохо продавались. Понимая, что чудес в природе не бывает, я подозревала, что это мой друг организовал мне какой-то мощный рекламный движ, но доказать ничего не могла — он отнекивался и упорно всё отрицал.

Глеб все эти дни о себе знать не давал. Как в воду канул: ни смс, ни звонков. Цветочных сюрпризов от него тоже больше не было. Я надеялась, что он понял безрезультатность своих потуг и наконец-то оставил меня в покое.

Правда порой у меня возникало какое-то странное ощущение, будто бы за мной кто-то наблюдает. Иногда прям спиной ощущала чей-то взгляд, но оглядываясь, не обнаруживала ничего подозрительного. Паранойя? Вот жеж! Только этого мне ещё не хватало!

Мама и отчим поддерживали меня во всём, но мою идею прилететь в Сочи к Дню рождения Кирюши отвергли категорически.

— Леся, это даже не обсуждается. — мягким, но не терпящим возражений тоном сказал

дядя Паша, — У тебя сейчас сложный период, а последний перелёт дался тебе дорогой ценой. К чему тебе сейчас лишние потрясения? Мы с Галей поговорили, обсудили всё: мы прилетим сами. Отпразднуем именины Кирюши, погостим у тебя немного, а потом вернемся домой. И внук, если ты не возражаешь, тоже вернётся в Сочи. Поживёт у нас какое-то время, пока ты свои дела не утрясёшь более-менее, ну а там видно будет.

Я скучала по сыну и перспектива опять с ним расстаться мне категорически не нравилась. Сердце разрывалось от одной мысли о том, что мне опять предстоит бросить моего мальчика, что я снова причиню ему боль. Не отразится ли это на нём в дальнейшем? Детские травмы — самые опасные и коварные...

Но что я могла ещё сделать? Отказать родителям и объявить, что сын останется со мной? А Глеб? Вдруг он попытается меня уколоть через ребёнка? На что он способен пойти, чтобы удержать или отомстить?

Нет! Всё-таки родители правы. Для нас для всех будет лучше, если Кириллу не придётся быть участником всей этой грязной каши, которую заварил его «любящий» папочка.

Подумав и взвесив все за и против, я с болью в сердце согласилась с предложением дяди Паши. Иного выхода у меня просто не было.

До приезда родных оставались считанные дни. Я летала как на крыльях, предвкушая радость скорой встречи с моими дорогими и любимыми. Сегодня, позанимавшись, мы состыковались с Игорем и отправились по своему обычному маршруту.

В «Аполлоне» был аншлаг. То ли все внезапно решили переключиться на здоровый образ жизни, то ли летняя жара располагала к чему-то более лёгкому и прохладному, но свободным оставался лишь один столик в самом углу уличной веранды. Да и тот был ущербным: с одной стороны столика тянулась покрытая мягкой накладкой, скамейка. С другой стороны место пустовало. Там должны были располагаться стулья, но их позаимствовала весёлая стайка ребят за соседним столиком.

— Ну, делись позитивом! Ты прям светишься вся. Что-то хорошее случилось? — спросил Игорь, присаживаясь рядом со мной.

— Ну пока ещё не случилось, но вот-вот. Через пару дней приезжают мои родители с Кирюшей. Я так рада! Не просто рада, нет — я счастлива!

— Заметно, — улыбается он, — Соскучилась по сыну?

— Ещё как! Я же, до этого, никогда его не оставляла. А тут вот пришлось бросить, да ещё так надолго. Чувствовала себя, всё это время, последней сволочью. Прямо душа была не на месте. А знаешь, что я сделаю в первую очередь? Обниму его, крепко-крепко, подхватю на руки, зарююсь лицом в волосы, чтобы почувствовать, впитать его запах... А потом буду целовать, целовать, целовать... Он у меня такой чудесный, ты даже не представляешь насколько!.. Ой! — прерываюсь в смущении, — Прости, что я тебя своими мамашиними фантазиями грузю. Обычно так не делаю — понимаю, что не всем интересно про чужих детей слушать. Но сейчас вот что-то занесло на эмоциях...

— Нет-нет, Олеся, всё хорошо. Я нормально к этому. Люблю детей. Мы с Ингой давн своих хотим, пытаемся, но пока безуспешно. — Игорь печально вздыхает.

— У неё проблемы? — осторожно интересуюсь я.

Он отрицательно качает головой:

— Не у неё. У меня... Она насторожилась, что долго не беременеет и обратилась к специалисту. К хорошему доктору, её старому другу ещё со студенческих времён. Ну он и отправил Ингу на полное обследование. По результатам все показатели в норме — хоть

завтра мамой становиться. Ну тогда и до меня очередь дошла. Я упирался какое-то время. Сама понимаешь, каково мужчине принять даже вероятность того, что ты какой-то не полноценный... Но потом сдался. Дело и правда оказалось во мне. — Видя моё озабоченное лицо, добавляет, — Нет, не всё так безнадежно! Сказали, что шансы пока есть. Вот: диеты, спорт, отказ от алкоголя... Может быть всё ещё и получится, кто знает. Просто давит то, что не могу дать своей женщине счастье быть матерью. Да и страшно иногда, от мысли о будущем... ЭКО она категорически отвергает.

Видя неподдельную грусть Игоря, поддаюсь секундному порыву и обнимаю его.

— Ну ты что! Не расстраивайся! Всё хорошо у вас будет, я уверена!

— Ах ты дрянь! — раздаётся рядом разгневанный, полный ненависти голос, — А хорошо же ты, жёнушка устроилась! Не хочешь познакомить меня со своим хахалем?

Вздрагиваю от неожиданности, поднимаю глаза. Рядом с нашим столиком стоит Глеб. Бледный от ярости, губы напряженно сжаты в тонкую линию, глаза мечут молнии.

Мне становится до ужаса страшно. Отдергиваю руку от Игоря, начинаю подниматься, одновременно пытаюсь что-то сказать, как-то прояснить ситуацию. Не знаю, почему мне вздумалось перед ним оправдываться, возможно сработал эффект внезапности, да и от самих его обвинений, хоть они и не обоснованы, становится как-то гадко.

— Глеб... — начинаю я.

И в этот момент он наклоняется и отвечает мне звонкую пощёчину.

Всё происходит настолько быстро, что я не сразу осознаю, как это всё случилось. Вот я поднимаюсь с места, пытаюсь что-то сказать, а в следующую секунду щеку пронзает обжигающая боль, голова дергается в сторону и я тяжело оседаю на лавку. Картинка перед глазами плывёт — понимаю, что плачу. Часто моргаю, пытаюсь вернуть резкость зрения.

Глеб стоит напротив, белый как мел. Его глаза широко открыты, в них читается отчаяние и какой-то животный ужас. Сейчас он одновременно похож на загнанного в угол зверька и на до смерти перепуганного ребёнка. По подбородку Глеба стекает тоненькая струйка крови. Понимаю, что он настолько не контролировал себя, что просто прокусил губу.

— Олесья... прости... — шепчет он.

И в этот момент Игорь соскакивает с места и добавляет в палитру ещё красного. Он бьёт Глеба, а тот даже не пытается отразить удар или прикрыться. Вижу, как мой муж падает на пол, потом поднимается на колени и закрывает лицо ладонями. Алые капельки брызжут на его белоснежную футболку. Не знала, что кровь на белой ткани выглядит такой яркой. Какой дикий контраст! Чувствую, что теряю связь с реальностью. В ушах шумит, то ли от пощёчины, то ли от пережитого шока.

— Никогда! Слышишь, урод?! Никогда не смей поднимать на неё руку! — рычит на него Игорь, — Если узнаю, что ты ещё хотя бы раз её тронул — клянусь, я тебя урою!

Игоря трясёт, он сам на себя не похож. Никогда не видела его таким. Осознаю, что сейчас он вполне способен «уруть». Мускулы на его руках вздулись, кулаки крепко сжаты. Быстро поднимаюсь, подскакиваю к нему, касаюсь напрягшегося плеча.

Почувствовав моё прикосновение он немного расслабляется. Оборачивается, смотрит в лицо:

— Олесья, ты как? Очень больно? — осторожно прикасается подушечками пальцев к месту удара.

Странно: щека вроде бы онемела, но боль ощущаю остро. Невольно вздрагиваю и слегка отстраняюсь от этих легких прикосновений. И тут же замечаю в глазах Игоря вновь разгорающуюся ярость. Он гладит меня по здоровой щеке, кивает и начинает поворачиваться к Глебу.

Торопливо хватаю его за руку:

— Игорь, я в порядке. Не надо! Не бей его больше... — мне страшно. Боюсь, что если не остановлю его сейчас, то случится что-нибудь непоправимое.

— Тыыыы... — шипит Глеб в сторону Игоря, — Думаешь, я не понимаю, что ты затеял? Друг, ага, как же! Пользуешься моментом, да? Зря я Олесю ударил — она-то просто дурочка наивная, не понимает ничего. А вот ты — ты как паук плетешь вокруг неё свою паутину. Всё рассчитал, да? Ну так обломайся! Она моя жена! Слышишь?! Ищи развлечения в другом месте. Не смей лезть в нашу семью!

Сильнее сжимаю руку Игоря. Хочу удержать, не дать поддаться на провокацию. Он понимает моё желание, чувствую как выдыхает, успокаивается.

— Леся, пусть бьёт, — Глеб, не вставая с колен, подползает ко мне, замирает у самых ног, смотрит снизу вверх просительным собачьим взглядом, — Только прости меня! Не могу без тебя жить! Я ошибся, но даже преступники получают шанс на искупление и прощение!

Неужели мне ты в этом откажешь?! Я ведь правда тебя люблю! И я знаю, что ты меня тоже любишь... Ведь любишь же?

Роюсь в своих ощущениях: стыд, боль, страх... жалость. Не от слова жалеть (не нахожу в себе сил сочувствовать тому, кто только что меня прилюдно ударил, опозорил, измарал в грязи), просто он сейчас действительно настолько жалок, что мне становится противно. А вот того чувства, о котором он говорит, не испытываю. Совсем!

Отступаю на шаг, не давая ему к себе прикоснуться:

— Нет!

— Нет?

— Нет, Глеб. У меня к тебе любви не осталось. Была, да вся вышла. И это не моя вина. Просто ты очень постарался, чтобы всё сложилось именно так, — закрываю глаза и выдыхаю, — Оставь меня в покое. Я не передумаю. Между нами всё кончено!

— Ребят, давайте-ка на выход. Покиньте заведение и выясняйте свои отношения в другом месте. Иначе сейчас полицию вызовем — вклинивается в разговор подошедший менеджер.

Озираюсь по сторонам — все лица повёрнуты к нам: испуганные, удивленные, насмешливые, заинтересованные... Ощущаю себя звездой какого-то скандального теле-шоу. Да, похоже в «Аполлоне» я была сегодня в последний раз...

— Выведите пока этого, — кивает Игорь в сторону Глеба, — Мы с девушкой выйдем следом.

— Что, зассал, герой? — смеётся Глеб, — За юбку прячешься?

— Глеб, не усложняй. Уходи! Я не хочу тебя сейчас видеть. — выдавливаю я.

— Вот значит как? Ну как пожелаете, моя госпожа! — он поднимается на ноги, склоняется в шутовском поклоне, морщится и, не говоря больше не слова, направляется к выходу.

— Простите за этот инцидент. Нам, правда, очень жаль, что так вышло. Я хочу хоть как-то компенсировать доставленные Вам неудобства, — Игорь протягивает менеджеру пятитысячную купюру, — Позвольте нам задержаться ещё ненадолго до приезда такси?

Уход Глеба и вид красно-коричневой купюры смягчают непреклонность сотрудника заведения.

— Хорошо, — говорит он, — Только, если вам не сложно, давайте вы подождете такси в моём кабинете. А то мало ли, вдруг ваш друг решит вернуться...

Такси прибывает минут через десять. Выдыхаю с облегчением — стыдно так, что сквозь землю провалиться хочется.

Игорь попросил в баре пакет со льдом, вот сижу теперь, морожу и без того онемевшую щёку. На лице красуется красный отпечаток Глебовой пятерни. Как-то не верится, что этот след успеет сойти до приезда моих родителей и сына. Но Игорь сказал приложить лёд, вот и прикладываю.

— Ну всё, Олесь, можешь убирать компресс, — говорит Игорь, — Сейчас перепрыгнем в мою машину и забежим потом в аптеку. Куплю тебе хорошую мазь. Должна помочь очень быстро от этой красоты избавиться.

Грустно киваю, в душе не веря в то, что такое возможно.

— Не переживай! Все хорошо будет, вот увидишь. Но в больницу заскочить нужно. Попросим их зафиксировать телесные повреждения.

— Зачем? — удивляюсь я, — Игорь, я не хочу писать на него заявление. Всё равно никто ничего не сделает — только посмеются. Мне и на сегодня позора уже хватило.

— Я с этим не согласен, но решать конечно тебе. Однако, в травмпункт мы забежим. Даже не спорь!

— И ещё, — безапелляционно продолжает он, — Сегодня ты поедешь ко мне. Погостишь у нас с Ингой до приезда твоих родных. Даже не вздумай возражать! Твой муж, явно, не умеет себя контролировать. Он сейчас во взвинченном состоянии и может выкинуть всё, что угодно. Не хочу, чтобы ты, в такой период, оставалась без присмотра.

— Игорь, я не могу так... — пытаюсь возразить, но он упрямо мотает головой и не желает выслушивать мои доводы.

— Не спорь! Сейчас доберемся до моей машины, потом в аптеку и сразу к тебе. Соберешь необходимые вещи и едем знакомиться с Ингой. Не переживай, жена у меня добрая и понимающая. Думаю, что вы с ней быстро найдете общий язык.

— Да мне правда неудобно вам мешать...

— Ты нам абсолютно не помешаешь. Поживёшь в гостевом домике — там все удобства, начиная от кухни и заканчивая ванной, даже закрытый задний дворик есть. Так что если мы тебе наскучим, то ты всегда сможешь уединиться.

— Спасибо! Даже не знаю, за какие такие заслуги меня наградили встречей с тобой! Ты постоянно, вновь и вновь, меня выручаешь. Если бы не ты, я даже не знаю, как бы справилась со всем этим. И справилась ли бы?

Меня переполняют противоречивые эмоции: нежность, благодарность, боль, сомнения, горе, радость — всё сплелось в один плотный, наэлектризованный клубок. Чувствую, что опять начинаю плакать. Бесконтрольно, беззвучно. Слезы просто бегут и я ничего не могу с этим поделать.

— Ну что ты, Лесь? Ну-ка, не раскисай! Да, мерзко, больно, но это ещё не повод убиваться весь оставшийся день. Было бы из-за кого! — Игорь нежно гладит меня по голове, успокаивает, — Кроме того, сегодня тебя ждёт и много приятного. Заскочим по-дороге в магазин, возьмём хорошего вина, мяса, других мелочей — устроим вечером чудесный ужин. А перед этим, освоишься на новом месте, поплаваешь в бассейне. Я ещё не говорил, что у меня дома есть бассейн? В джакузи и сауну тебе сегодня никак, — он кивает на мою

многострадальную щёку, — Но мы и без этого найдём, чем тебя занять. Скучно не будет. Обещаю.

К коттеджному посёлку Игоря подъезжаем уже ближе к пяти. И это мы ещё в травмпункте быстро проскочить умудрились — попали удачно между наплывами людей.

Игорь притормаживает рядом с большим, красивым домом, расположившимся за высоким каменным забором. Со стороны это здание кажется мне дворцом: огромные витражные окна; стены, облицованные каменной кладкой и увитые декоративным плющом; замысловатые башенки, увенчанные кованными флюгерами в виде сказочных Пегасов и единорогов. Не дом, а самый, что ни на есть, замок — мечта любой принцессы.

— Так! Ты только не подумай, чего, — смеётся Игорь, — Это жилище папа строил, когда моей сестрёнке было пять лет. Она тогда просто болела всякой фэнтезийной ерундой. Ну а папа «болел» Машей. Мне кажется, что меня он так никогда не любил. Они с ней большими друзьями были... Вот... Ну а когда уже мне этот дом достался, то я сначала думал его продать, но быстро понял, что не смогу... Так-то сейчас больше современный минимализм в моде, а вот мне приходится жить в сказочном фейском домике...

— Чудесный домик! — заверяю я.

— Инге тоже он сразу понравился, — улыбается Игорь, — Правда внутри она его всё-таки осовременила.

Из вместительного гаража на три машины попадаем в просторный холл самого здания. Внутренний интерьер никак не перекликается с внешней сказочностью, разве что окна... а так — всё очень дорого, современно, но как-то безлико, на мой взгляд. Подавляю лёгкое разочарование — я, почему-то, ожидала продолжения сказки.

Игорь в очередной раз пытается дозвониться жене. Подносит телефон к уху и тут же нажимает отбой. По лицу видно, что он слегка расстроен.

— По-прежнему недоступна? — спрашиваю я.

— Ага, — откликается он, — И машины её в гараже нет. Видимо, по каким-то своим девичьим делам, в город укатила. Может подружки в спа зазвали...

— Хочешь кофе? Давай придумаю что-нить пожевать, а то до ужина ещё не близко.

Отрицательно качаю головой. Кушать мне сейчас совсем не хочется, а вот в сон клонит страшно. День был насыщенным, в том числе и не самыми приятными событиями. А вечером ещё предстоит ужин с Игорем и Ингой. Поспать часок, мне сейчас ой как не помешает.

— Игорь, если ты не против, я хотела бы отдохнуть немного. Ощущаю себя выжатой, как лимон...

— Да, конечно! Что-то я об этом не подумал... Пошли, провожу тебя в твои апартаменты. — кивает он, подхватывая пакет с моими вещами.

Гостевой домик «домиком» назвать язык не поворачивается — это полноценный коттедж: просторный зал, три спальни, современная кухня, ванная комната с душем и большой гидра-массажной ванной...

Помня о намечающихся вечерних посиделках, буквально запинываю себя в душ, быстренько моюсь и плетусь в спальню. Выставляю будильник, отмеряя себе пару часов сна, падаю в пуховые объятые постели и тут же отключаюсь.

Пробуждаюсь за пять минут до пробудки, ощущая себя обновлённой и бодрой, как будто бы всю ночь проспала.

К ужину решаю одеться просто, без пафоса. Краситься тоже не буду. Просто не хочу,

чтобы Инга напрягалась. Мало ли...

Одеваю джинсовые шорты и свободную футболку с ненавязчивым принтом. Волосы заплетаю в простую косу. Разглядываю своё лицо в зеркале и радуюсь тому, что след от пощёчины посветлел и практически не виден. То ли удар был не настолько сильным, как мне показалось, то ли ледяной компресс помог, то ли мазь от синяков творит чудеса, но если так пойдёт и дальше, то скоро все видимые признаки моего сегодняшнего позора окончательно исчезнут.

Через пару минут после окончания моих нехитрых сборов звонит Игорь:

— Надеюсь, я тебя не разбудил? Инга приехала. Ты готова порадовать нас своим обществом?

— Ага, уже оделась. Куда мне идти?

— Подожди минуточку, сейчас подбегу к тебе, только мясо переверну. Я быстро! — говорит Игорь и отключается.

Бросаю ещё один взгляд на своё отражение, выдыхаю — выгляжу более чем скромно. Надеюсь, что Инга ничего плохого не подумает. Всё-таки не каждая жена способна нормально отнестись к тому, что у её мужа есть приятель женского пола. Ну ничего, познакомимся, пообщаемся и она наверняка поймёт, что нас с Игорем связывает исключительно дружба.

Скорее бы увидеть её! Игорь столько хорошего про неё рассказывал. Уверена, что в реальности она ещё более замечательная, нежели образ, нарисованный моим воображением.

— Беседка за домом, — говорит мой спутник и увлекает меня за собой.

Мы проходим под роскошной, увитой цветущим вьюнком, аркой и направляемся вглубь сада. Вдоль извивающейся дорожки из самого настоящего жёлтого кирпича, примостились изящные фонари и фигурки замысловато стриженного декоративного кустарника. Пышное цветение роз наполняет воздух тонким, пьянящим ароматом. Над клумбами и кустами танцуют разноцветные бабочки. Фонари ещё не горят, но я уже предвкушаю, как будет выглядеть всё это великолепие ночью.

— Вау! Как в сказку попала! — восторженно выдыхаю я, чувствуя себя маленькой Элли идущей в Изумрудный город.

— Рад, что тебе понравился сад. По-секрету — это моё самое любимое место в доме. Я тут обычно релаксирую после работы. Только тссс, а то узнает кто, что взрослый мужик по цветочкам тащится — на смех поднимут, — смеётся Игорь.

Улыбаюсь его смущению. Люблю людей, способных видеть прекрасное и умеющих наслаждаться этой красотой.

Подходим к просторной беседке. Тут романтика сказки плавно перетекает в современный комфорт. У дальней стены расположилась мангальная зона: дровяной и газовый гриль, тандыр, холодильник для вина, раковина и ещё какие-то, на первый взгляд не понятные, приблуды.

Вдоль мраморной барной стойки примостились высокие устойчивые стулья. Слева от входа — длинный обеденный стол, сервированный столовыми приборами. С другой стороны — полукруг мягких бежевых диванов...

Внимательно оглядываю помещение, но жены Игоря не наблюдаю.

— Не переживай, Инга просто ещё наряжается. Скоро должна подойти, — поймав мой растерянный взгляд, поясняет Игорь, после чего подходит к кухонной зоне, проверяет мясо, достаёт из холодильника бутылку вина и подхватывает с барной стойки три точёных фужера, — Так, сейчас ждём нашу неспешную даму и сразу за стол. Всё почти уже готово.

Он выдвигает один из ящиков, роется в нём, что-то ищет.

— Вот же! Штопора нет, — вздыхает разочаровано, а потом поворачивается ко мне, — Лесь, прости что прошу, но ты не можешь штопор из дома принести? Он на кухне в верхнем выдвижном ящике, рядом с духовкой. Инге звонить бесполезно — она, когда красится, телефон отключает... Выручи, если не сложно, а то я мясо оставить не могу — боюсь пересушить. Сбегаешь?

— Конечно! — соглашаюсь я, радуясь, что хоть чем-то могу быть ему полезной.

Где кухня я знаю — проходили мимо, когда приехали. Захожу в дом, быстро нахожу то, за чем пришла и уже собираюсь возвращаться к Игорю, когда за спиной раздаётся мелодичное:

— Привет! Ты, я так понимаю, наша сегодняшняя гостья?

Вздрагиваю от неожиданности. Ковровое покрытие поглотило звук приближающихся шагов и я просто не заметила, что уже не одна в комнате.

Оборачиваюсь и упираюсь взглядом в роскошную, длинноногую, фигуристую блондинку. Серебристый шёлк вечернего платья выигрышно подчёркивает нежный бархат её

чуть загорелой, персиковой кожи. Глубокое декольте удлиненного лифа выглядит дерзко и сексуально. На груди, между сверкающими полосками ткани, примостилось изящное и уже знакомое мне украшение — месяц, усыпанный россыпью бриллиантовой пудры, точёная фигурка кошки, сжимающая в когтях чьё-то неосторожное сердце... изумрудные глаза сверкают холодной угрозой.

Застываю в шоке. Штопор выскальзывает из моих, внезапно ослабевших, пальцев и со звоном падает на пол.

Прямо в паре метров от меня стоит Инга — жена Игоря, а по-совместительству и любовница моего мужа Глеба.

Инга отступает на пару шагов и сканирует меня шупом пронзительных зелёных глаз. В какой-то момент мне кажется, что я улавливаю в её взгляде злость и узнавание. Неужели Глеб показывал ей моё фото? Но уже в следующую секунду её лицо расслабляется. Она одевает маску радушия, нежный голосок звучит ровно и как-то дежурно:

— Ты и есть Олеся? А я — Инга, как ты наверное уже догадалась. Игорь же про меня рассказывал? Будем знакомы.

Я совершенно не понимаю, как мне себя вести. Первый порыв — броситься на эту мерзавку, сделать ей больно, отомстить этой гадине за всё горе и унижение, через которое мне пришлось из-за неё пройти.

Делаю шаг в её сторону, нервы сжаты в тугую пружину — сейчас или ударю её, или сама ударюсь в истерику.

— Девочки, вы уже познакомились? — весело восклицает появившийся на пороге Игорь, — Пойдёмте скорее! Всё готово.

— Да, мой тигр, уже идём, — белобрысая опускается на корточки и поднимает оброненный мною штопор, — Я тут твою гостью напугала немного... Но я не нарочно, честное слово!

— Олеся, надеюсь, что ты не в обиде, за это маленькое недоразумение, — лучезарно улыбается она.

Игорь обнимает жену за талию и вопросительно смотрит на меня:

— Олесь, ты как? Всё хорошо? Что-то ты бледная какая-то.

Мне хочется закричать. Вывалить на него всё, что знаю. Рассказать, какая змея прильнула сейчас к его груди.

— Игорь, я... — начинаю и обрываю себя на полуслове. Не могу вот так резко, сразу.

Вглядываюсь в его счастливое лицо и представляю, как выражение радости сменяется удивлением, шоком, неверием, гневом, горем...

Гонцу, приносящему дурную весть, оказывается, так же больно, как и тому, кто её получает.

Игорь хотел поддержать меня, старался, готовил этот чёртов ужин, предвкушал наше с Ингой знакомство, приятный вечер в компании приятельницы и любимой женщины...

Разве он заслужил узнать о её измене вот так?! Чего я добьюсь, вылив на него сейчас всю эту грязь? Сделаю больно белобрысой? Но разве её боль стоит хотя бы частички той, что получит он? Что изменится, если я подарю ему этот последний спокойный вечер? Он повеселится, хорошо выспится, а у меня будет время всё обдумать и понять, как лучше его подготовить к известию о том, что его белокурый ангел и есть та самая девица, с которой я застучала своего мужа.

— Игорь, я... мне нужно умыться. Всё нормально, просто я действительно слегка испугалась. Нервы...

— Хорошо, Лесь, мы тогда тебя в беседке подождём. Я пока овощи нарежу. — говорит Игорь, — Не теряйся слишком надолго, а то мясо остынет.

В ванной открываю холодную воду, набираю леденящую колкость в ладони, погружаю в неё разгоряченное лицо. Становится немного легче.

— Да! — решаю я, — Про Ингу расскажу ему завтра. Если не поверит, то покажу эти

омерзительные фотографии, которые сделала, прячась в домике на детской площадке. Он, скорее всего рассердится и вряд ли мы сможем и дальше быть друзьями, но, именно ради этой дружбы, я должна выдержать сегодняшнее застолье, всё продумать и поступить правильно.

Ужин проходит как в полусне. Через силу заставляю себя улыбаться, отвечать на какие-то дежурные вопросы, слушать пространные бредни Инги про курорты, спа, дорогие авто и новинки моды...

Мясо, приготовленное Игорем, выше всяких похвал, но мне еда в горло не лезет — кое-как нахожу в себе силы проглотить пару кусочков. Инга тоже практически не притрагивается к еде. Зато на вино буквально набрасывается. Осушает один бокал за другим. Успевает выпить два, в то время как мы с Игорем лишь слегка пригубляем из своих.

— Солнце, может притормозишь немного, а то боюсь, что мы тебя теряем, — шутливо журит он жену, но я замечаю в его взгляде лёгкую тревогу.

Видимо её поведение кажется ему неестественным и он не понимает, чем это вызвано.

— Ой, да не будь ты таким занудой! Мы же не в пансионе для благородных девиц! — Инга наполняет ещё один бокал, смеётся пронзительным, визгливым смехом.

— Олеся, а ты чего такая кислая? Тебе не нравится у нас? Или, быть может, я тебе по душе не пришлась? — щерится она, — Ну это ничего, я привыкла, что так действую на девочек. Многие, знаешь ли, завидовать начинают...

— Инга, прекрати! Что с тобой творится вообще? — вспыхивает мой друг.

— А что прекратить-то? Игорёш, мир девочек такой, знаешь ли. Каждая второсортная самка готова красивой девушке в горло впитаться... Ведь правда, Олеся? — шипит она в мою сторону, потом достаёт и открывает ещё одну бутылку.

— Что приуныли? Видели бы вы сейчас свои кислые мины! Мне тут интересный вечер обещали, а я, как будто бы, в монастырь или в дом престарелых попала. — она садится на диван, тянется к кофейному столику, хватая пульт и выкручивает музыку до предела, — Давайте веселиться уже!

— Игорь, я пожалуй пойду. Голова болит страшно. Лягу пораньше.

Мне больно его бросать, но я просто уже не могу находиться в компании этой стервы. Хочется сорваться и бежать прочь, подальше от общества этой избалованной мерзавки.

— Подожди, я тебя провожу, — кивает он.

— Что, уже уходите? А как же я? Игорь, неужели ты оставишь свою жену в одиночестве? — Инга пытается подняться с дивана, но оступает и плюхается обратно.

— Ну и валите! Зануды! — обижено бурчит она, — Переживу как-нибудь.

Я поворачиваюсь и молча направляюсь в сторону гостевого домика. Слышу, что Игорь что-то успокаивающе говорит Инге, а потом устремляется вслед за мной.

— Олеся, прости пожалуйста за вот это вот всё... Я сам в шоке. Чего-чего, а такого точно не ожидал. — извиняется он, — Инга — она не такая, правда. Ума не приложу, что на неё нашло... Не сердись на неё, ей и так завтра будет очень стыдно за своё сегодняшнее поведение.

Боже мой, знал бы он, что ждёт его завтра! Останавливаясь и поддавшись внутреннему порыву беру его за руку. Заглядываю в печальные серые глаза, пытаюсь успокоить.

— Не переживай! Правда! Всё было очень вкусным и я в порядке, просто действительно очень устала. Хочу сегодня лечь спать пораньше...

— О чём это вы там секретничаете? — в начале тропинки появляется Инга и

направляется к нам. По шаткой походке понимаю, что она очень пьяна.

— О боги! — выдыхает Игорь оборачиваясь в её сторону, потом смотрит на меня. Вижу в его глазах неподдельную боль, — Олеся, мне нужно сейчас помочь ей. Сама видишь...

— Иди, — говорю я, выпуская его руку, — Не волнуйся, я дойду сама, код от замка помню, так что тебе не о чем беспокоиться.

— Прости ещё раз, — кивает он и бежит навстречу белобрысой.

Смотрю ещё секунду ему в след, потом срываюсь и быстрой походкой устремляюсь в сторону своего нынешнего ночлега. На душе так паршиво, что словами не передать. Безумный день, перешедший в безумный вечер. И завтра будет не легче. Через несколько шагов перехожу на бег. Врываюсь в своё убежище и только там даю волю бушевающим меня чувствам. Реву в голос и никак не могу остановиться.

Что же это такое?! За что мне это всё?!

Инга

Сбрасываю с плеч скользкую нежность шелкового халатика.

Нет, всё-таки иметь свой бассейн — это здорово! Обожаю плавать гольшом. В купальнике такой кайф не ловлю — не те ощущения.

Раньше, до того, как счастливый случай свёл меня с Игорем, я себе такое позволить только в саунах и могла. Но какая сауна может сравниться с твоим собственным бассейном?! В саунах приходилось ужиматься: выкроишь на себя минутку и вот уже опять нужно бежать, ублажать очередного толстосума.

Сколько же этих гадов через меня прошло, уже и не вспомнить!

Два года тщетных метаний, попыток заарканить очередного престарелого жирдяя. Вдруг да повезёт пристроиться, стать постоянной любовницей, выбиться в люди?

Чтобы не было больше этой поганой работы, этих побудок в пять утра, ночных дежурств, выноса вонючих уток, зловония больной ущербной плоти... Брррр! Даже вспоминать те времена страшно.

Да, я мечтала вырваться из всего этого. И не просто мечтала, а с упорством шла к своей цели.

Влилась в определенные круги, получила возможность беспрепятственно проникать в закрытые зоны дорогих клубов и баров...

Нет, я не была шлюхой! За свои услуги денег не брала, метила выше. Верила, что смогу пристроиться к какому-нибудь папику в «постоянные»...

Убила на это два года! И кто бы мог подумать, что именно ненавистная работа поможет-таки наладить мою жизнь. Да ещё как наладить! В итоге, стала не любовницей старпёра, а законной женой богатого молодого буратинки.

Правда буратинка сначала был слегка сломаным. Привезли его после страшной аварии — всё семейство на тот свет отправилось. У меня прям как чуйка сработала, уверенность какая-то была, что этот кент не из простых. Вот и пошла ва-банк: где с помощью взяток, где посредством других услуг, но добилась перевода в его отделение и чтобы, кроме меня, из молодых к нему никого не подпускали.

Первый месяц он провалялся в коме. Я уже даже опасаться начала, что так и не очнётся. Но нет, пронесло — пришёл в себя голубчик. Ну а дальше всё было делом техники. В душу у него пролезла, привязала к себе: такую добрую самаритянку разыграла — ух! До сих пор себе аплодирую.

Ну и когда он из больнички выписался и позвал меня к себе работать — сразу поняла, что дело в шляпе. Вытянула-таки Инга свой джекпот.

Правда пришлось ещё чутка попотеть: этот олень всё никак в себя прийти не мог — депрессия у него, видишь ли. Как же любят эти богатенькие неженки во всякие депрессии впадать! Ну вот, что он по этой своей Даше так убивался? Ну была девка, устраивала и? Померла же уже. Чё за блажь по мертвячке сохнуть?!

А уж пытаться руки на себя наложить из-за всякой ерунды — это вообще выше моего понимания. Три раза его откачивала. Выл в голос: мама, папа, Маша, Даша... Тьфу! Тряпка!

Родители всё равно уже почти стариками были. Сестра? Ну жалко чутка, да. Но это пока маленькая жалко, а выросла бы и начались бы терки за наследство и прочее...

Про Дашу эту вообще молчу. Мой олень на полном серьёзе во всю эту любовную чушь поверил? Ах, красавица, так профессионально сработала, охомутив этого барана! Ну да ей проще было — там папочка ещё окучивать мажорчика помогал.

А вот я — всё сама! Так что эта трупачка мне и в подметки не годилась. Так-то!

Игорёша траур целый год держал. Возможно и дольше бы всё это продлилось, но я вовремя сообразила, что пора форсировать события, иначе так до старости и проживу у него в обслуге.

Плацдарм я подготовила заранее: нежные улыбки, томные взгляды, печальные вздохи — разыгрывала из себя невинную влюблённую дурочку. Ну а за пол года до нашей свадьбы у нас первый секс случился. Хах, да я его тогда практически изнасиловала! Жеесть. Хотя в процессе он втянулся — головка-то бо-бо на всяких романтических бреднях, а тело не обманешь — оно молодое, ему баба нужна, а не вздохи под луной.

Ну он, ничё так, вполне себе оказался. Я завелась даже. После обрюзгших вонючих дедов молодая упругость возбуждала. Ну и природой он был не обделён, да и опыт, явно, имел хороший — мог ублажить женщину по-высшему разряду...

Ещё пол года «дани памяти» и я стала-таки его законной женой. В наследство вот только мой муженёк вступить успел раньше. Тут уже ничего поделывать нельзя было, но в качестве свадебного подарка я отмутила себе хороший городской пентхаус — с паршивой овцы хоть шерсти клок, и то ладно.

Наплававшись в бассейне, иду в хаммам. Ложусь на теплую мраморную поверхность, нежусь в клубах плотного молочного тумана. Как же хорошо!

Глажу себя по распаренному, покрытому бисером капелек, телу.

Ух, какая! Сама от себя кайфую!

Просто идеальная фигура: титьки, бёдра — всё как надо, осиная талия, плоский животик... мрррр.

И этот идиот мне о какой-то беременности заясняет?! Ага, ща, с разбегу! Бегу и тапочки теряю! Неужели он всерьез верит, что я мечтаю променять это идеальное тело на какого-то выродка?

Вообще детей не хочу! Может быть потом... если в этом необходимость срочная появится. Но сейчас — точно себя калечить не собираюсь. Обломайся муженёк! Будь благодарен тому, что имеешь!

После сауны добираюсь до спальни, умасливаю тело нежными, ароматическими кремами.

Ну и разморило! Не поспать ли часок?

Звонок Глеба вырывает меня из сладкой, расслабленной дрёмы.

— Инга, ты где? Приезжай в отель. У меня для тебя есть небольшой подарок. — коротко бросает Глеб и отключается.

Блин, двигаться не хочется. Но мысль о горячем любовнике неожиданно распаляет воображение. Возможно его ласки — это именно то, что мне сейчас нужно.

Через сорок минут останавливаю машину на задней парковке отеля. Ключ-карта от номера у меня есть. Захожу в плотную темноту, тянусь к выключателю, но свет зажечь не успеваю. Кто-то хватает меня за руку, и до боли заводит её назад. Прижимается к моей спине, обжигает шею горячим дыханием.

— Ну что, сладенькая, поиграем?

Он сегодня властен и груб. И жаден: набрасывается на меня, как голодный тигр на

добычу. На какую-то секунду забываю, что это всего лишь игра, и мне становится по-настоящему страшно. Блею овечкой, моля о пощаде. Но тщетно — он берёт всё и ещё сверх меры...

Дааа, ради этого, определённо, стоило выбраться из супружеской койки!

Вспотевшие, насытившиеся, лежим на широком пуховом лежбище. Глеб раздвинул шторы и теперь я могу насладиться видом его обнаженного тела.

— Что это? — спрашиваю, прикасаясь к разбитой и припухшей губе, — Кто это тебя так?

Он морщится и рассказывает мне о своей сегодняшней неудачной слезке за благоверной. Меня это всё не очень интересует, но любовника обижать не хочется. Ценю его. Из всех моих предыдущих — это самый интересный экземпляр. Уже больше года с ним и пока не наскучил.

— Бедняаяжка, — выдыхаю сочувственно, — Мне тааак жаль! Убила бы эту тварь и дружка её недоделанного!

Глеб улыбается, целует меня нежно:

— Не расстраивайся, лапонька — они ещё очень пожалеют о сегодняшнем! Обещаю!

Его рука оглаживает мои бёдра, пробирается всё глубже и глубже... Закрываю глаза, сдерживая сладострастный стон. Да он сегодня в ударе прям!

— А это тебе, моя кошечка. Надень. Хочу, чтобы ты была в этом, когда я...

Он выуживает из-под подушки красивую бархатную коробочку в форме сердца и протягивает её мне.

Открываю и взвизгиваю от восторга.

Какая красота! Надеваю, глажу роскошную вещичку. Ну Глеб, ну угодил так угодил!

— Нравится? — улыбается он и, не дожидаясь ответа, накрывает мой рот глубоким, страстным поцелуем.

С воодушевлением откликаюсь на его ласку. Немного выбивает из колеи надпись внутри футляра. «Любимой»? Неужели втрескался, бедняжка? Ну уж тут прости, милый: любовь — это не ко мне. Но, пожалуй, этот мальчик задержится подле меня ещё на какое-то время. Хорошо с ним, умеет качественно даму развлечь.

Игорь

Не знаю, как так вышло, что абсолютно незнакомый человек так быстро стал для меня своим, близким.

В тот день, в самолёте, все как-то само-собой получилось. Когда узнал, что одной из пассажирок плохо стало, не задумываясь предложил переместить её на соседнее, более удобное, кресло. Не из-за того, что женщина, не из-за того, что молодая и симпатичная — я и не знал тогда, как она выглядит и сколько ей лет — меня это вообще не интересовало. Просто человек попал в беду, а я мог, хоть как-то, ему помочь, вот и всё.

Послушав тех, кто, на момент обморока, был поблизости с ней, мы со стюардами пришли к выводу, что тут имеет место быть сильная аэрофобия. Перенервничал человек. Неприятно, но не смертельно — скоро должна прийти в себя.

Маша, моя сестра, тоже очень боялась летать, поэтому я знал, как себя вести в случаях подобных панических атак. Когда девушка очнулась, то постарался максимально отвлечь и успокоить её. Объяснять про безопасность полёта, в такой ситуации, бесполезно — человек уже накручен, увещания пользы не принесут, только взбудоражат ещё сильнее. Лучшее, что можно сделать — это постараться разговорить бедолагу. В момент разговора и дыхание выравнивается и мозг, поневоле, с панических мыслей на другое переключается. Поэтому я напоил девчонку ледяной водой и постарался завязать диалог. Поначалу старался, а потом сам не заметил, как увлёкся беседой. Уже и не помню, когда последний раз вот так просто и легко с кем-то общался.

Когда посадку объявили, даже расстроился слегка. Решил Олеся как-то отблагодарить за приятно проведенное время. Предложил подвезти до дома. Когда высадил и уехал, ещё долго в душе ощущение света и тепла сохранялось.

А потом — эта неожиданная встреча в театре. Я же и не планировал туда в тот день идти, билет в последний момент приобрёл. Даже опешил слегка, когда её увидел. Ну и подумал, что может быть знак это, может быть небеса мне, в её лице, друга посылают. А Олеся как раз в фитнес-клуб записаться собиралась, ну я и рассказал ей про «Фаворит» и предложил там пересечься. С одной стороны, точно знал, что мои фитнес-клубы, действительно, лучшие в регионе, так что, рекомендовать их было не стыдно. С другой стороны, решил: если придёт, то значит точно судьба.

И она пришла... Пришла, несмотря на плохое самочувствие, несмотря на то, что уже определилась, что не сможет себе позволить занятия в «Фаворите». Это, наверное, порядочностью называется, когда человек, даже в ущерб себе, ценит чужое время и просто не может отмахнуться от данного кому-то обещания.

Я был уверен, что дорогой подарок она от меня не примет — по ней видно было, что не из таких. Поэтому и пошёл на хитрость: позвонил девчонкам на ресепшен и дал кое-какие распоряжения. Потом уже, обдумав, действительно запустил акцию. Решил, что раз так получилось, то пусть. Интересный маркетинговый ход вышел, но это не главное. У моих годовщина близилась — это на меня давило сильно, вот и подумал: пусть будет своего рода дань памяти.

Уже через несколько дней мне стало казаться, как будто бы Олеся я вечность знаю. И я чувствовал, что ей со мной тоже было комфортно.

А после она рассказала мне про измену мужа. У меня в голове до сих пор не укладывается, как он мог гулять от такой как она. Чего ему не хватало? Да и вообще: не приемлю «хождений на сторону». В моём понимании, мало что может быть более омерзительным, чем предательство доверившегося тебе человека. Возможно это я какой-то неправильный, но даже в самый разгульный период моей жизни, меня никогда не тянуло заводить отношения сразу с несколькими женщинами.

Понимая, что ситуация у Леси не простая, я направил её к своему адвокату. Строго-настрога запретил Елене Петровне озвучивать Олесе стоимость данной услуги. Юристка не спорила, не хотела терять постоянного клиента.

Когда сегодня в кафе появился разъяренный Глеб, я не удивился. Не скажу, что ожидал чего-то такого, но вполне понимал эту, направленную на меня, ярость. В его глазах я, действительно, выглядел соперником — он же ничего обо мне не знал. Да и судил, исходя из собственного опыта — тому, кто воспринимает женщину лишь как сексуальный объект, сложно поверить в бескорыстную разнополую дружбу. Возможно у него сработал инстинкт собственника, а может быть он действительно, по-своему, её любил. В любом случае, я был готов к тому, что он полезет на меня с кулаками. Но он поступил иначе... И я слишком поздно понял, что он собирается сделать.

В тот момент, когда он ударил Олесю, я ощутил в себе такую ярость, будто планка упала. Бросился, чтобы уничтожить, раздавить этого гада. Ударил, разбил его морду в кровь, но никакого облегчения не ощутил. Хотелось продолжать, хотелось преподать ему такой урок, чтобы этот говнюк на всю жизнь запомнил, что ждёт подонка, посмеявшего поднявшего руку на женщину. Меня трясло, ярость не давала мыслить разумно. Не знаю, чем бы всё это закончилось, если бы не Леся. Одним прикосновением успокоила, отвела чернильный морок всепоглощающей злобы.

Выдохнул, но понимал, что оставлять её одну нельзя. Не был уверен, что этот подлец, в отместку, на ней не отыграется. Предложил пожить какое-то время у нас с Ингой. Благо мои жилищные условия позволяют целую роту гостей принимать, что уж говорить об одной несчастной девочке.

Олеся категорически отказалась заявлять в полицию на Глеба. Побоялась, что её всерьез не воспримут. Я понял, что переубеждать сейчас бесполезно и просто настоял зафиксировать побои в травмпункте. Ещё в кафе, втихаря обменялся контактами с менеджером, тот подтвердил, что, в случае чего, согласен выступить свидетелем. Так что, если Олеся передумает, то все доказательства против Глеба у неё уже есть.

Я искренне радовался, что сегодня Олеся и Инга наконец-то встретятся. Меня как-то подспудно напрягало, что они всё ещё не знакомы лично. Нет, я не скрывал от супруги, что сдружился со своей случайной самолетной попутчицей, рассказал ей про наше знакомство в полёте и про последующую встречу в театре. Инга прореагировала нормально и даже предложила как-нибудь пригласить Олесю к нам в гости, но я всё равно опасался, что ей может быть как-то неприятно в душе. Хотел, чтобы она увидела мою подругу, пообщалась с ней и сама убедилась, что в моих с Олесей отношениях нет ничего, кроме дружбы.

И вот они встретились... Не знаю, что нашло на Ингу. Ничем, кроме ревности, я объяснить её поведение не могу. Она весь вечер вела себя крайне агрессивно, пила как не в себя. Мне было очень больно видеть её такой, наблюдать её душевные страдания. Если бы я знал, что наша с Олесей дружба причинит моей жене такую боль, я бы не стал так сближаться с этой замечательной девушкой. Просто помог бы инкогнито и всё на этом. А я

повёл себя как конченный эгоист! Мне было так легко с Олесей, что я не взял в расчёт чувства другой достойной женщины. Решил, что раз с моей стороны ничего предосудительного нет, то и переживать на счёт ревности не стоит. Думал только о себе, не понимая, что мои действия могут так ранить мою супругу. Какой же я дурак!

И перед Олесей неудобно. Она-то такого отношения точно не заслужила. Если Инге и стоит на кого-то злиться, то только на своего глупого болвана-муженька. Объясню завтра всё Инге. И перед Олесей ещё раз извинюсь за нас обоих.

Подхожу к Инге. Её качает, она еле держится на ногах. Осторожно обнимаю её за талию, поддерживаю, чтобы не упала.

— Что вы там разговаривали? — выдыхает она. Огромные изумрудные глаза искрятся подозрением и праведным гневом.

Инга

Когда Игорь уходит провожать эту моль, я спохватываюсь и иду вслед за ними. Нельзя их сейчас оставлять вместе. Эта овца точно меня узнала. И мне не нужно, чтобы она, раньше времени, успела разболтать всё моему рогоносцу. Нет! Сначала я должна подготовиться: либо надавить, либо откупиться от этой дряни, либо сделать так, чтобы он ей просто не поверил.

Как же я напугалась, когда увидела эту амёбу на своей кухне. Думала уже, что всё, пиши пропало. Но потом взяла себя в руки. Неужели какая-то серая мышь сможет разрушить то, к чему я так долго и упорно шла? Ну уж нет! Не по зубам я тебе, милая! Обломаешься!

Мне на руку играет то, что эта Леся не в курсе, что я знаю, как выглядит жена Глеба. Значит она точно не ожидает никаких резких движений с моей стороны. И это просто замечательно!

За ужином я конечно немного сорвалась, чёртово вино подвело, но это поправимо. Вряд ли эта дура догадалась, что её физиономия мне знакома.

Так, сейчас главное разобщить силы противников и обработать каждого из них по отдельности.

— О чём это вы там секретничаете? — кричу я, стараясь выглядеть более пьяной, чем есть на самом деле.

Сработало. Муженёк смотрит в мою сторону и быстро прощается со своей гореподружкой.

Так, сейчас нужно увести его в дом, подальше от чужих ушей и глаз. А уж там я ему такой концерт отыграю — ещё прощение у меня вымалывать будет.

Игорь

Вижу, как сейчас плохо Инге. Игнорирую злость в её взгляде и голосе — заслужил. Пусть невольно, но сам подвёл всё именно к этому. Да, не виноват, но объяснять ей всё это прям здесь не хочу.

— Солнышко, давай пойдём в дом. Ты устала, тебе лечь нужно.

Ожидаю сопротивления, но она неожиданно легко уступает. Кивает мне, закрывает глаза, оседает в моих руках. Подхватываю её на руки и несу в помещение.

Едва захожу в нашу комнату, как она приходит в себя, начинает вырываться.

— Говори, что у тебя с этой Олесей?

— Инга, успокойся. Ты всё неверно поняла. Мы с Олесей просто друзья.

— Ага, как же! За дуру меня держите? Я же видела, как эта вертихвостка на тебя смотрит! — кричит Инга и начинает плакать.

— Лапонька, ты не права. Она просто мой друг. Зря ты на неё сердишься. Себя накрутила и её, ни за что, обидела. У Олеси сейчас сложный жизненный период, ей нельзя быть одной, вот я и пригласил её погостить у нас. Ты же сама просила, чтобы я тебя с нею познакомил. — пытаюсь успокоить я жену.

— Она, она, она! Бооже, Игорь, ты сам себя слышишь?! Втюрился в эту тварь, что ли?

Вздрагиваю от её слов, как от удара. Да почему я оправдываюсь-то, как будто действительно совершил что-то плохое?! Хорошего же она обо мне мнения, раз считает, что я способен не просто опуститься до измены, так ещё и любовницу в дом к жене притащить.

— Ты ошибаешься... — выдыхаю устало и немного обиженно.

Инга внимательно вглядывается мне в лицо. Сейчас мне кажется, что она не на столько пьяна, как мне почудилось несколько минут назад.

— Тиигр, прости, что накричала на тебя, — неожиданно мягко мурлычет Инга, прижимается ко мне, забирается руками под футболку, — Просто я люблю тебя очень. А эта девица — она не так проста как тебе кажется. У меня нюх на таких особей. Она же намеренно к тебе приклеилась. Наверняка узнала, что ты при деньгах, вот и решила пристроиться покомфортнее. Ты правда не видишь, что она тобою пользуется? Не замечаешь, как она на тебя смотрит? И это не любовь, Игорь, нет! Она просто нашла себе золотой кошелёчек и собирается по-полной его распотрошить.

— Для тебя я — просто «золотой кошелёчек»?

— Ну вот зачем ты так?! Я же не про себя говорю! Я-то тебя обожаю! Ты же мой тигренок любимый. Я про эту козу... — пальцы Инги бабочками порхают по моей обнаженной груди, потом перемещаются ниже, пробегаются по кубикам пресса, — Ты просто у меня очень добрый, доверчивый. Даже странно, учитывая твоё-то положение. Но видимо бизнес не всегда и не всех закаляет...

Она расстегивает пуговку на моих джинсах и начинает возиться с замком. В данную минуту я должен сгорать от желания, но мне её, почему-то, совсем не хочется. Вообще ничего не хочется, кроме как лечь и заснуть, и чтобы этот чертов день остался в прошлом.

— Ииигорь, повееерь мне, я знаю о чём говорю, видела уже такие ситуации у подружек. — она жарко дышит мне в лицо и меня начинает мутить от этого кисловато-винного дыхания, — Знаешь, что будет дальше? Скоро она начнёт тебя против меня настраивать. Будет всякие гадости говорить. Попытаётся наш брак разрушить. Такие змеи всегда вглубь проникают, а потом разрушают всё изнутри.

— Но тебе повезло, что я у тебя такая умняшечка, — кокетливо улыбаясь продолжает Инга, — Я-то её план сразу раскусила! Ну, скажи, она уже про меня какую-нибудь гадость наплела?

— Инга, прекрати! Олеся ничего плохого о тебе не говорила и я уверен, что говорить не собиралась. Она очень хорошо к тебе относится, восхищается тобой. Ну зачем ты так?

— Глупенький! Вот увидишь, скоро она перейдёт в наступление. Ну да к черту её! Ей со мной не справиться! Иди ко мне, мой сладкий, — маленькая ручка справляется с молнией и скользит глубже, ощупывает, замирает, — Ты совсем меня не хочешь?

— Нет, — отвечаю я и тут же понимаю, как грубо это прозвучало, но уже не могу забрать назад сказанное, да и не хочу, наверное, — Дело не в тебе... Просто я очень устал. День выдался тяжелым. Давай просто ляжем спать.

— Устал?! День тяжёлый?! Вот как? — Инга взвивается разъяренной змейкой, — Ну так я тебе ещё немного сложности добавлю! Сейчас я вызываю такси, а ты идёшь к этой дряни и сообщаем, что ей здесь больше не рады. Пусть собирает свои вещички и немедленно убирается! И чтобы я больше не слышала, что ты с ней общаешься! Выбирай: или уйдёт она, или уеду я.

Чувствую, как начинает болеть голова. На душе мерзко и пусто.

— Никто никуда не уедет. Сейчас мы все ложимся спать. Обсудим всё завтра, на трезвую голову.

— Ну и катись тогда к ней! Пошёл вон из моей комнаты! Не хочу тебя видеть и спать с тобой не собираюсь. Аривидерчи!

Она толкает меня в грудь, падает на постель и зарывается лицом в подушку. Слышу приглушенные всхлипы. Подхожу, укрываю её одеялом. Задвигаю плотные портьеры на окнах, тушу настенное бра.

— Хорошо, Инга. Не переживай, к Олесе я и не думал идти. Уберу сейчас последствия нашего застолья и лягу в гостевой спальне. Завтра поговорим. Спокойной ночи.

Не дождавшись ответа, иду на улицу. В беседке чищу гриль, выбрасываю остатки еды и недопитое вино, загружаю посуду в посудомойку, подметаю, протираю... Действую бездумно, на автомате. На душе гадко. В голове пусто — ни единой мысли. Останавливаюсь только тогда, когда беседка начинает буквально сверкать от чистоты. Сколько я тут провозился? На улице уже окончательно стемнело. Сад, в отсветах фонарей и гирлянд, кажется по-настоящему сказочным. Воздух наполнен ароматом листвы, ночных цветов, неясными шорохами и пением притаившихся в кустах сверчков. Но даже это волшебство оказывается неспособным улучшить моё настроение.

Вернувшись домой, чищу зубы и, прежде чем лечь спать, решаю проверить, как там Инга.

Заглядываю в комнату. Темно, ничего не вижу. Достая телефон, подсвечиваю: в спальне, кроме меня, никого. Постель пуста, скомканное одеяло валяется сбоку кровати, Инги нигде нет.

Обхожу весь дом, проверяю другие спальни, ваннные комнаты — безрезультатно. На секунду впадаю в ступор. Неужели уехала? А потом меня озаряет: есть ещё одно место, где я до сих пор не искал.

Выбегаю на улицу и несусь к гостевому домику. Вижу свет в его окнах. Боооже, Инга, только не натвори чего! Подбегая, замечаю, что дверь в коттедж распахнута настежь. Уже собираюсь закричать, позвать Ингу, Олесю, но, за секунду до этого, до меня долетает разгневанный голос моей жены. И то, что я слышу, заставляет меня остановиться, замереть на пороге. Стою оглушенный, раздавленный, и, словно со стороны, наблюдаю, как разбивается вдребезги вся моя жизнь.

Проревевшись, умываюсь и ложусь в постель. Ворочаюсь с боку на бок и понимаю, что уснуть в ближайшее время у меня не получится. Непрошенные мысли лезут в голову, будоражат сознание, не давая погрузиться в сон. Обидно за себя. Жалко Игоря. С ужасом представляю, что завтра утром мне придётся открыть ему нелицеприятную правду про этих мерзавцев. Как же мне это сделать? Как начать, зная какую боль причинят ему мои слова?

Пытаясь переключиться, начинаю считать воображаемых пушистиков: раз овечка, два овечка, три овечка... а вот эта на тебя, Лесь, похожа. Такая же глупая, беспомощная, не способная отразить атаку зубастого хищника. Стоит и ждёт обречённо, пока всё само-собой разрешится. Совсем как ты, Олеся, совсем как ты...

От этого сравнения становится тошно. Встряхиваю головой: нет, я не такая! Я пытаюсь. Просто привыкла жить в иллюзорной безопасности своего маленького болотца. А теперь, попав в бурную реку, по инерции плыву по течению. Но пора уже откинуть детский инфантилизм, перестать быть жертвой. Эти двое должны получить то, что они заслужили!

Иду на кухню и завариваю чашку крепкого чая. Сейчас посижу и посоображаю, как действовать дальше. Жену Игоря завтра ожидает большой сюрприз. И Глеба тоже.

Как же я сейчас рада, что Игорь настоял на том, чтобы я зафиксировала побои. Сразу же как смогу, отправлюсь в полицию и напишу заявление на Глеба. Посадить его конечно не посадят — травма не тяжёлая, но дело завести должны. Думаю, что это может пригодиться мне в суде. Лишним уж точно не будет.

Размеренный ход моих мыслей нарушает пиликание кодового замка и звук распахиваемой двери. И в ту же секунду в комнату влетает Инга.

— Ну что, Олеся, вот мы и одни, — шипит она, направляясь в мою сторону, — Ты сиди, сиди — не вставай! Да не бойся. Я просто поговорить пришла.

Бояться? Нет, Инга, я своё отбоялась. Хватит с меня!

Киваю ей на стул, по другую сторону стола. Она щерится в хищном оскале, но на предложенное место садится.

— Знаешь, о чём речь пойдёт?

— Догадываюсь. Ты, видимо, хочешь, чтобы я не рассказывала Игорю про твои шашни с моим мужем?

— Молодец, догадливая. И, я надеюсь, что у тебя хватает ума, чтобы понять, что, рассказав ему обо мне и Глебе, ты абсолютно ничего не добьёшься. Подожди-подожди, не перебивай, — изумрудные глаза наполнены злобой и раздражением, — Ты что же думаешь, что я позволю тебе так просто взять и разрушить то, к чему я так долго и упорно шла?! Да знаешь ли ты, сколько сил и времени я убила на заарканивание этого богатенького придурка?! Ты, хоть на секундочку, представляешь, как противно заботиться о переломанном калеке, таскать из-под него утки, помогать ему вставать, ходить... выполнять его надоедливые просьбы, выслушивать это бесконечное нытьё: Даша, Даша, Даша... Оооо, да мне убить его хотелось, когда он заводил эту заунывную шарманку! Но ничего, сдерживалась, улыбалась, изображала из себя «сестру милосердия».

Мне отвратительна эта женщина, но я хочу выслушать весь этот грязный поток, льющийся из её рта. С каждым новым словом во мне крепнет злость и уверенность, что, рассказав обо всём Игорю, я поступлю правильно. Инга уже убедила меня в том, что мужа

она совсем не любит и не ценит. Если бы во мне и теплились какие-то сомнения, то сейчас от них бы не осталось и следа.

— А потом, я ещё пол года пыталась этого идиота в постель затащить! И ещё пол года ждала, когда же его дебильный траур закончится. А сейчас, ты заявила на все готовое и думаешь, что тебе это на блюдечке поднесут? Запала на моего мужика? Решила к нему в штаны залезть? Может вздумала отомстить мне таким образом? Или на деньги моего оленя позарилась? — Инга заводится, повышает голос, практически кричит.

— Скажи, как давно ты спишь с Глебом? Подвеску, что на твоей шее, он же тебе подарил? И случилось это уже после того раза, когда я вас застукала. Значит у вас и после этого что-то было?

— После этого? Что-то?! Да мы и не думали прекращать, дорогая моя! Он со мной уже больше года, на регулярной основе, и я планирую, и в дальнейшем, пользоваться его услугами.

— А Игорь как же? Почему ты с ним так поступаешь?

— Почему? Да потому, что могу! Хочу, пока молодая, получить всё и по-полной. Чтобы в старости было о чём вспоминать. А твой Глеб — он не первый и уж точно не последний, но, определённо, один из лучших. Ты уж не обессуди, подруга, но какое-то время я его ещё попользую, а потом можешь забирать его обратно. — Инга улыбается и обдаёт меня новой волной мерзости, — А если хочешь, то можем втроём зажигать. Всё-таки не чужие люди. Твой Глеб — мужик что надо — его и на нас двоих вполне хватит. А я втроём уже давненько не пробовала. Хоть юность вспомню...

Морщусь. Противно до тошноты.

— Ну не хочешь — как хочешь. Моё дело предложить... Но вернемся к нашим баранам, вернее к барану. Давай так: ты мне даёшь номер счёта, а я перевожу на него энную сумму за твоё молчание. С Глебом тоже поспособствую — убежу его дать согласие на развод и не претендовать на ребёнка. С квартирным вопросом сложнее, но, обещаю, сделаю, что смогу. А могу я, Лесь, очень многое. Так что, скорее всего, и квартирка тебе полностью отойдёт. Ну как? Согласна?

— Нет, — отвечаю я, твёрдо глядя ей в глаза, — Завтра Игорь узнает на каком чудовище он женат. Вы с Глебом — омерзительны и стоите друг друга.

— Так значит? Не хочешь по-хорошему? Ну тогда смотри: твоё слово против моего. Я уже Игорёшу немного обработала и останавливаться на достигнутом не собираюсь. Сделаю так, что он не только не поверит тебе, так ещё и возненавидит всем сердцем. А Глебу я, пожалуй, хорошего адвоката найму. Его юрист тоже неплох, но с элитным не сравнится. Останешься ты, Лесенька, и без мужа, и без друга, и без квартиры. Даже ребёнка у тебя заберут. Как перспективы? Нравятся?

— Ты меня не запугаешь. Я не позволю тебе и дальше издеваться над моим другом. Делай, что хочешь, но утром Игорь о твоей измене узнает. И доказательство у меня есть, — сама этого не замечая, бесконтрольно смотрю в сторону своего телефона.

Инга отслеживает мой взгляд и резким движением хватает лежащий на столе мобильник.

— Ну ты и дура, Олеся! Полная дура! — смеётся она, бросает телефон на пол и заносит над ним ногу, — Были доказательства и сплыли...

— Не думаю, что они мне потребуются, — раздаётся из темноты дверного проёма знакомый, но какой-то безжизненный голос, — Ты мне уже всё сама вполне доходчиво

Объяснила...

Игорь идёт к застывшей в ужасе Инге.

Он бледен как стена, но внешне абсолютно спокоен. На меня он не смотрит. Достает из кармана телефон, что-то пишет.

— Игорь, что ты делаешь? — оживает его жена, — Игорь, ответь! Тигрёнок, не горячись! Всё, что я сказала — это неправда. Я специально! Я просто хотела посмотреть, как прореагирует эта...

Инга кивает в мою сторону и судорожно хватается за Игоря.

— Посмотрела? — спрашивает он бесцветным голосом и стряхивает её руку со своего запястья, — Не мешайся, пожалуйста. Тааак... Всё — можешь идти и начинать паковать свои вещички.

— В каком смысле «паковать»? Игорь, давай поговорим спокойно. Я всё смогу объяснить, обещаю! — белобрысая поскуливает, её голос наполняется паникой.

— Я вызвал для тебя такси. Машина приедет через тридцать минут. У тебя как раз есть время собрать чемоданы. Я бы, на твоём месте, не тратил драгоценные минуты впустую. Барахла у тебя в избытке — можешь и не успеть.

— Какое такси?! Зачем?! — взвизгивает Инга, — Ты не можешь так со мной! Куда я пойду среди ночи?

— Я ввёл адрес твоей городской квартиры. А там смотри — делай, что хочешь. Можешь к любовнику поехать, можешь ко всем чертям пойти. Это меня совсем уже не волнует. Одно я знаю точно: в этом доме ты не останешься. Завтра я связываюсь с юристом и подаю на развод. А теперь — пошла вон отсюда!

Он поднимает глаза и, впервые за эти минуты, смотрит на меня.

— Олеся, прости, за это вторжение. Если не сложно, то подожди меня здесь, пожалуйста.

— Игорь... мне очень жаль... — выдавливаю из себя, поднимаясь со стула. Всё произошло так быстро, что я пока просто не в состоянии подобрать нужные слова.

— Стерва! Жаль ей, видите ли! — верещит Инга и бросается в мою сторону.

Игорь перехватывает её за локоть, дёргает на себя.

— Очень тебя прошу не усугублять, — произносит он ледяным голосом, — Пойдём. Тебе пора собираться.

— Я никуда не поеду! — вопит та, — Это эта мерзавка сейчас срулит отсюда. Из-за неё всё! Я твоя жена! Не забыл?

— Пока ещё жена... Но скоро мы это исправим. Не вынуждай меня силой запихивать тебя в машину. — говорит он ледяным голосом и тянет её в сторону выхода.

Инга сопротивляется, пытается вырваться. Потом, видимо поняв всю безрезультатность своего поведения, высоко вскидывает голову и цедит сквозь зубы:

— Отпусти! Сама пойду.

Он кивает, разжимает пальцы. С гордо поднятой головой белобрысая направляется к дверям, на пороге оборачивается, обдав меня холодной волной полного ненависти взгляда:

— А с тобой, Лесечка, я ещё не закончила! — угрожающе шипит змея и растворяется в темноте дверного проема.

— Лесь, я сейчас вернусь. Только помогу ей собраться и выход найти... — Игорь по-

своему истолковывает мой встревоженный взгляд и добавляет, — Не волнуйся: глупостей не натворю — я с женщинами не воюю. Даже с такими как она...

Чувствую, как подкашиваются ноги. Тяжело оседаю на стул, закрываю руками полыхающее лицо, пытаюсь хоть немного привести в порядок какофонию сверлящих мозг мыслей.

Хочется сорваться и побежать следом за Игорем. Но сдерживаю себя — он просил подождать. Думаю, что мне не стоит сейчас мешать ему, влезать в их семейный разговор. Пусть сам решает, как поступать в данную минуту.

Встаю и поднимаю с пола свой многострадальный мобильник. На стекле дисплея большая трещина, но, несмотря на мои ожидания, экран послушно отзывается на нажатие кнопки.

Время словно бы замирает. Не находя себе места нервно меряю шагами комнату. Не помогает. Ну где же он? Сколько минут прошло? Почему так долго? А вдруг эта гадина ещё что-нибудь выкинула? От такой как она можно чего угодно ожидать.

Выхожу на улицу, смотрю в сторону большого дома. Вижу, как тухнет свет в окнах второго этажа. Прислушиваюсь — ни звука. Только шорох листьев, да надоедливое пение сверчков.

Не знаю сколько так стою. Ночная прохлада немного остужает шквал эмоций. Начинаю зябнуть, но не могу заставить себя вернуться в дом. Наконец на тропинке появляется Игорь. Подходит ко мне, обнимает за плечи.

— Олесь, ты давно здесь? Замёрзла совсем. Пойдём внутрь...

— Я сейчас навязчивым буду, — говорит он мне, когда мы заходим в дом, — Но ты не против, если я сегодня останусь у тебя? лягу в одной из спален. Не могу находиться там, — кивает он в сторону главного дома, — Давит всё. А здесь Инга ни разу не ночевала... Я тебе не сильно помешаю?

— Да, конечно оставайся! Совсем не помешаешь.

Как же я его понимаю! В первые дни мне тоже было тяжело находиться одной в квартире. Всё время везде мерещилось присутствие Глеба...

Игорь идёт к мини-бару, достаёт бутылку Hennessy, тянется за бокалом.

— Олесь, ты будешь? — спрашивает он.

— Нет, спасибо. Я не очень люблю крепко-алкогольные напитки...

— Я тоже не фанат. — вздыхает он, — Но вот сейчас это мне совсем не помешает...

— Не возражаешь? — он садится на диван, ставит бутылку на широкий деревянный подлокотник, задумчиво вертит бокал в руке, отпивает глоток, морщится, смотрит в одну точку — лицо бесстрастное, взгляд мёртвый, остекленевший какой-то, — Ты не мучай себя — иди спать. Постараюсь сильно не шуметь.

— Игорь, — робко спрашиваю я, — Можно я с тобой немного посижу? Не смогу заснуть сейчас.

Он кивает, в два глотка осушает содержимое стакана, наливает ещё.

Секунду раздумываю, потом иду на кухню. Вернувшись, протягиваю Игорю свой бокал:

— Мне тоже...

— Ты уверена? — спрашивает он.

— Абсолютно! — подтверждаю я и опускаюсь в стоящее рядом кресло.

Какое-то время мы сидим молча, а потом он начинает говорить. Почти не смотрит на меня, словно сам себе что-то объясняет. Холодная злость постепенно сменяется

неприкрытой болью. Он говорит, говорит, говорит... делится своими ощущениями. Слушаю его не перебивая, понимая как ему сейчас необходимо выговориться. Игорь останавливается лишь тогда, когда в бутылке ничего не остаётся. Поднимается, чтобы пойти за добавкой и чуть не падает.

— Ничего себе я наакался, — говорит он удивлённо. Трёт руками лицо, встряхивает головой, — Блин, пожалуй этому столику уже хватит. Я наверное спать, иначе продолжу, и утром мне будет перед тобой безумно стыдно.

Спокойной ночи, Олесь.

Он поворачивается, делает шаг, его слегка ведёт в сторону.

— Игорь, стой, я тебе помогу, — подскакиваю к нему, приобнимаю за талию, подставляю плечо, — Обопрись на меня. Давай, вот так, шаг, ещё шаг. Осторожно, не торопись.

Медленно, но верно добираемся до одной из спален. Сдёргиваю покрывало. Игорь тяжело опускается на постель, откидывается поперёк кровати и закрывает глаза. Как же я не заметила, что он настолько опьянел. Ох, Олесь, хорошая же из тебя подружка вышла! Ну и что теперь?

Вздыхаю, потом наклоняюсь над ним и помогаю снять футболку и джинсы.

Краснею при мысли о том, как это выглядит со стороны: я в полутёмной спальне с молодым мужчиной, который мне нравится, но не является моим мужем... Мы одни и я раздеваю его в постели. Скажи мне кто-то о подобном ещё вчера и я бы рассмеялась ему в лицо. Смущаюсь и стараюсь лишний раз не касаться его обнаженной кожи. Подталкиваю, уговариваю перевернуться, лечь правильно. Он, не открывает глаз, но послушно выполняет мою просьбу: переворачивается, опускается головой на подушку.

— Ну вот, теперь ты со мною, как с инвалидом нянчишься... — еле слышно бормочет Игорь и на секунду его лицо озаряет знакомая озорная улыбка, — Дежавю...

Потом он переворачивается на бок, ко мне лицом, и тут же засыпает. Поправляю одеяло. Смотрю на него — сейчас он выглядит таким юным, беззащитным и... красивым. Как сказочный заколдованный принц. Неожиданно испытываю прилив неконтролируемой нежности — наклоняюсь и чуть касаюсь губами его щеки.

— Спокойной ночи тебе, хороший. Самых приятных снов!

Просыпаюсь от осторожного стука в дверь.

— Лееесь, доброе утро! Пора вставать, — долетает до меня голос Игоря, — Я звонил Елене Петровне. Через полтора часа она будет ждать нас в офисе. У неё и для тебя новости какие-то есть. Так что, умывайся, одевайся и бегом завтракать.

— Спасибо, Игорь. Дай мне пару минуток, сейчас выйду, — откликаюсь я.

Иду в прилегающую ванную комнату и быстро привожу себя в порядок. Потом одеваюсь и выхожу в столовую.

Игорь колдует на кухне. До меня долетает дурманящий аромат свежесваренного кофе и аппетитный запах яичницы с беконом.

— Как раз вовремя, — улыбается он, протягивая мне глубокую кофейную чашку с ароматным напитком, — Надеюсь, что ты любишь лате.

— Обожаю! — отвечаю я, делаю глоток, жмурюсь от удовольствия, — Потрясающе вкусно!

— Отлично! — радуется Игорь и ставит на стол две тарелки с поджаренными яйцами и золотистой горкой хрустящего бекона, — А это я тут покашеварил немного. Приятного аппетита, Лесь.

Поблагодарив, с жадностью набрасываюсь на свою порцию вкусняшек. Ем и исподволь вглядываюсь в его лицо. Вчера столько всего случилось. Хочу быть в курсе его состояния, понимать, насколько он хорошо справляется. Увиденное меня обнадеживает: то ли наши ночные посидели ему помогли, то ли он очень хорошо умеет прятать негативные эмоции, но выглядит он, в общем-то, как обычно. Гладко выбритый, улыбчивый, бодрый. Если бы я лично не стала свидетелем и непосредственным участником произошедшего, то ни за что бы не поверила, что накануне этот парень пережил серьезную семейную драму, искал спасение в алкоголе, доведя себя до полубессознательного состояния и уснул лишь в третьем часу ночи.

В кабинет юриста мы входим точно в назначенное время. Елена Петровна здоровается с нами, а потом обращается к Игорю.

— Игорь Сергеевич, Вы не могли бы ненадолго оставить нас с Олесей Александровной наедине? У меня есть кое-что по её делу. — юристка вздыхает и разводит руками, — Конфиденциальность, сами понимаете... А, после этого, мы Вашим вопросом займемся.

— Без проблем. — понимающе кивает мой друг и начинает подниматься со стула.

— Елена Петровна, а можно Игорь останется? — поспешно спрашиваю я. Чувствую как краснею и быстро добавляю, — Он — мой лучший друг. У меня от него нет секретов...

Юристка, сохраняя невозмутимость, поворачивается к Игорю:

— Ну раз мой клиент не против, то действуйте по-своему усмотрению. Я не возражаю.

Игорь внимательно смотрит на меня. Отвечаю ему умоляющим взглядом. Он еле заметно кивает, улыбается и опускается на своё место.

— Олеся Александровна, вчера было первое заседание по Вашему разводу. Ваш муж, Глеб, присутствовал на заседании лично. Он категорически отказывается давать своё согласие на развод. Попросил у судьи три месяца на примирение с заявителем. Говорит, что уверен, что Вы действуете импульсивно и скоро измените своё решение. Так же, в случае если примирение не состоится, он заявляет свои права на ребёнка и на пятьдесят процентов

вашего общего имущества. — Елена Петровна поправляет очки и продолжает, — В общем, сейчас наши дела обстоят следующим образом: его ходатайство о трёх месяцах применения судья удовлетворил. Через три месяца будет повторное слушание, если к тому времени ваши с мужем позиции не поменяются, то суд поручит органам соц опеки провести ряд мероприятий, направленных на обеспечение интересов ребёнка. Выяснить, с кем из родителей вашему сыну будет комфортнее остаться. Этот этап может занять, в среднем, от одного до трёх-четырёх месяцев.

Ужасаюсь, подсчитывая в уме озвученные сроки:

— Боооже! Так долго?!

— И это ещё не всё. Не забываем, что Глеб так же претендует и на раздел имущества. Эта часть процесса тоже займёт какое-то время. — говорит юристка, с нотками сочувствия в голосе, — Олеся Александровна, хочу Вам сказать, что я практически полностью уверена в том, что мы сможем отстоять Ваши права. Но... Вы должны понимать, что времени это займёт не мало. По-моим прикидкам, при отсутствии каких-либо форс-мажоров и непредвиденных обстоятельств, ваш бракоразводный процесс продлится около года. Но мы должны учитывать и то, что Ваш муж делает абсолютно всё, чтобы максимально усложнить и растянуть во времени данную процедуру. Поэтому, я бы сразу настраивалась на то, что в год мы можем не уложиться.

Сказать, что я в шоке — не сказать ничего.

— А нельзя как-то всё это ускорить? Мне не нужны эти три «примирительных» месяца! Я могу любую бумажку подписать — подтвердить, что твёрдо решила расстаться с этим человеком и своего решения не поменяю.

— К сожалению, это так не работает, — сокрушенно вздыхает мой адвокат, — Три месяца — это обычная практика...

— Елена Петровна, — подаёт голос Игорь, — А если, допустим, Олеся предоставит суду доказательства того, что её муж на неё напал, прилюдно ударил. Что он оказывает на неё давление, запугивает, вынуждая отказаться от развода. Это может помочь?

— Да, конечно. — кивает мой адвокат, — В нашем деле нам это определённо пригодиться. Вы уже написали заявление в полицию?

— Как раз сегодня собирались этим заняться. Правда, Лесь? — говорит Игорь с лукавой улыбкой.

Киваю. Подтверждаю его слова. Тем более, что я и сама хотела сделать это сегодня.

Объяснив всё мне, юристка переходит к делу Игоря. Тот заявляет, что не возражает против моего присутствия. Адвокат смотрит на меня вопросительно, а я не знаю как мне поступить. С одной стороны, возможно ему нужна моя поддержка, но с другой: боюсь, что его предложение — просто ответный знак вежливости. Боюсь невольно смутить его своим присутствием, всё-таки это очень личный и болезненный вопрос, мало ли.

В этот момент мой телефон начинает вибрировать в руке. Бросаю взгляд на дисплей: мама.

Извиняюсь, выхожу в приемную и беру трубку. Мамочка сообщает мне, что они купили билеты и прилетают в город сегодняшней ночью. Общаемся с ней минут двадцать. Хочу встретить их в аэропорту, но мама против этого возражает. Говорит, что доберутся сами. В конце-концов соглашаюсь с её желанием. Ну что ж, будет время подготовиться к их приезду.

Я так взволнованна: безумно рада тому, что скоро увижу родных, смогу обнять сына, но, вместе с тем, меня гложет то, что мне придётся бросить Игоря одного в такой сложной и

неприятной для него ситуации. Понимаю, что поддержка и дружеское внимание ему сейчас просто необходимы. Но и мой мальчик наверняка ждёт встречи с мамой и ему я сейчас тоже очень нужна.

— Олесь, что-то случилось? — спрашивает вышедший в приёмную Игорь. Вид у него встревоженный.

Запинаясь, объясняю про предстоящий приезд родственников. Он внимательно слушает, кивает:

— Рад, что скоро твои родные будет рядом. Давай тогда так: сейчас мы едем в полицию, подаём заявление, а потом съездим за твоими вещами. И да, запиши, на всякий случай, код от калитки, вдруг тебе понадобится срочно приехать, а меня, из-за работы, может не быть дома. Хочу, чтобы ты знала, что двери моего гостевого домика всегда открыты для тебя и твоей семьи. Хорошо?

Соглашаюсь. Он бодрится, но я замечаю грусть в его глазах. Сердце разрывается на части. Одна его половина рвётся к сыну, а другая не хочет покидать Игоря. Но, что ещё я могу сделать?! Несмотря на всю сложность, выбор очевиден.

Я так ждала приезда любимых, но почему же мне сейчас так больно?!

Я не видела Игоря в течении нескольких дней. Звонила ему, узнавала как он, предлагала посидеть в кафе, даже в гости звала, но он, неизменно, отказывался. Говорил, что у него всё нормально, просил, чтобы я не волновалась и спокойно наслаждалась общением с ребёнком.

Меня одолевало беспокойство — я не могла понять, почему он так резко отдалился.

Может быть опасается помешать моему воссоединению с семьёй? Или же переживает из-за своего предстоящего развода, из-за всего, что наговорила Инга, и просто стремится побыть один? А что, если ему наскучило возиться со мной? Ну в самом деле! Ему и так тяжело, а тут ещё я со своими мамскими кудахтаньями, траблами с мужем и прочей ерундой... Возобновится ли наше общение? И что мне делать сейчас? Оставить всё как есть и просто положиться на его решение? А, что если ему дружеская поддержка нужна и он просто стесняется меня беспокоить, не хочет навязываться?

В День рождения Кирюши Игорь позвонил мне сам:

— Привет, Олесь! Поздравляю с именинами сына! Я тут взял на себя смелость и торту ему заказал... Скоро доставить должны. Ты не возражаешь?

— Медовик? — улыбаюсь, слыша его голос. Так радостно на душе — словами не передать.

— Неее, бисквитный. Блиин, надеюсь у Кирилла аллергии на клубнику нет? Я чёт затупил спросить...

— Не, не переживай, — успокаиваю я, — Он у меня вообще не аллергик.

— Уф! Успокоила. Просто я не очень профи по детям... И, это... там подарок ещё небольшой будет. Только не отказывайся — это же не для тебя, хочу пацану приятное сделать. — Игорь замолкает. Чувствую, что хочет что-то сказать, подбирает слова.

— Лесь, — наконец произносит он, — Ты не против сходить со мной завтра в одно уютное местечко?

— Без проблем, — не понимаю, почему он так взволнован. Может быть случилось чего, за то время, пока мы не виделись? — Называй место и время. С радостью с тобой встречу! Только чур — каждый сам за себя платит.

— Ммм... ну на этот счёт обещаю подумать, — слышу его улыбку по голосу, — Давай тогда я за тобой заеду в семь вечера. Тебе удобно будет?

— Да, конечно. Спасибо за поздравление, Игорь. До завтра!

— До завтра, Лесь. И хорошо вам сегодня отпраздновать! — говорит он и отключается.

Смотрю ещё минуту на мобильник, наслаждаясь ощущением тепла и света. Как же я рада, что у нас опять всё по-старому! Только сейчас понимаю, насколько же мне его не хватало.

Звонок в дверь вторгается в мои радужные мысли.

— Лееессь! — кричит из коридора мама, — Тут нам торт привезли и...

— Мафыыынааа!!! — слышу восторженный вопль сына.

Выскакиваю в прихожую. На пороге мама, с кондитерской коробкой в руках. Незнакомый мужчина затаскивает в двери большой, упакованный в подарочную пленку, радиоуправляемый автомобиль — на таких в «Галерее» родители малышей катают.

— Олесья Александровна, — басит он, — Это Вам от Игоря Сергеевича.

Ставит объёмный кулёк на пол.

— Ух ты, Лесь, это ж Феррари, — смеётся подошедший дядя Паша, — И кто ж тебе, дочка, такую бибику подарил?

— Это не мне... — теряюсь от смущения, тараторю, — Дядь Паш, хватит дразниться! Это Кирюше подарок от Игоря.

— От Игоря? — улыбается отчим, — Хорошее имя. А когда ты нас со своим парнем познакомишь?

— Пап, какой парень?! Я замужем! И Игорь — он не мой мужчина! Он — мой лучший и единственный друг! — взвиваюсь я.

— Гаааль, слышала? Лесья меня отцом назвала! Дождался-таки радости на старости лет! — отчим смеётся и обнимает маму. А потом, видя моё смятение, добавляет, — Лесь, ты не сердись на меня. Мне и правда очень приятно, что ты так оговорилась. Я же тебя, как дочку родную люблю, ты же знаешь. У меня, кроме тебя, Кирюши и Гали и нет никого. Вы — мои самые родные и любимые. Но я на место Саши не претендую. Его тебе никто не заменит. И я благодарен ему, за то, что вот ты у меня есть — пусть не кровная, но такая родная доченька.

— Мафыгына!!! — пищит Кирюша и нарезает круги вокруг игрушки.

— Я это, пойду тогда, да? — подаёт голос басовитый дядька.

— Дурдом. — вздыхаю я, сую в руки мужчины чаевые и извиняюсь за наш балаган.

— Да у вас ещё спокойно. Вот мои трое — это что-то! — благодушно басит мужик и удаляется восвояси.

— Дядь Паш, я тебя тоже очень люблю! Ты мне как папа, правда! Вы с мамочкой мои самые-самые! — говорю я, обнимая маму и отчима. Чувствую, как на глаза накатывают слёзы. Ничего не могу поделать с этой эмоциональностью. Ну и ладно! Какая есть. — Но только не надо так про Игоря... между нами нет ничего, кроме дружбы. И по-другому и быть не может!

— Нам многое кажется невероятным, пока не становится сбывшимся... Но... если ты говоришь, что друг, значит — друг. — дядя Паша успокаивающе гладит меня по спине, — Ну хватит, чего расстроилась-то? Праздник же, как-никак.

— Хочу ехать на мафыне. — подаёт голос мой, притихший было, сын.

Мы смеемся, а потом дядя Паша распаковывает Кирюшино первое авто и заявляет, что они идут кататься на детскую площадку. Мама решает присоединиться к ним.

Провожая эту дружную тройцу, отправляю торт в холодильник и начинаю рубить салаты. Сейчас вернутся, покушаем торт и повезём Кира в цирк — он там, до этого, ни разу не был, но вот тут наслушался от деда чудесатых историй и стал проситься. Вот мы и исполняем прихоть именинника.

Сидим и кушаем нежную сладость, когда раздаётся звонок в дверь. Гостей мы не ожидаем. Иду проверить кто там, смотрю в глазок и сердце ухает вниз — Глеб. Явился не запылится. Понимаю, что проигнорировать его приход не удастся — он просто так не отступит.

— Глеб, спасибо, что наконец вспомнил о сыне, но ты не вовремя. Мы сейчас уходим. — шепчу ему, открывая дверь.

Он смотрит на меня таким взглядом, что мне хочется превратиться в маленькую улиточку, забраться в скорлупу — спрятаться, не видеть, ни слышать.

— Олесья, я имею право поздравить сына, — говорит он.

— Пааапочка! — Из кухни выбегает Кирюша, верещит восторженно, радостно кидается

к мужу, утыкается носом в его колени. Потом задирает мордашку и доверительно сообщает, — Пааап, смотри какую мне мыфыну подарили!

Глеб, улыбаясь гладит его по голове. В его поведении нет ни капли агрессии, но мне вдруг становится очень страшно. Хочу вырвать сына из его лап, унести подальше, спрятать...

— А кто подарил тебе эту машинку подарил? Дедушка?

— Нет! Игорь. Деда сказал, что это мамин... — Кирилл останавливается на секунду подбирая слова, — Палень.

— Парень? Ну это хорошо. Мама у нас — молодец просто! — голос Глеба сочится ядом, но сын не замечает подвоха. Он рад видеть отца, он соскучился и не понимает, почему папа теперь не с нами.

— Это тебе, — говорит Глеб и вручает сыну коробку с игрушечной железной дорогой, — С твоим новым авто это не сравнится, конечно, но главное же не подарок, а внимание, да?

Сын абсолютно не понимающий сарказма, с радостью соглашается. Ему не важно, что говорит отец — главное он здесь, рядом.

— Кирюш, иди поиграй. Посмотри, что папа подарил, а баба тебе с этим поможет. — дядя Паша подходит ко мне и встаёт рядом.

Когда сын и мама уходят в детскую, он приближается к Глебу, хватая его за грудки и произносит тихим, звенящим сталью голосом:

— Ну-ка пошёл отсюда, гавнюк! Сейчас между нами внук стоит, иначе бы я тебя давно с лестницы спустил. Но не думай, что сможешь спрятаться за ребёнком! Ещё раз приблизишься к моей дочке и, клянусь, за последствия я не отвечаю.

Глеб кивает, но смотрит лишь на меня:

— Лесь, наверное я правда пойду. Сына позови.

Дядя Паша выпускает футболку Глеба, и с брезгливостью оттирает руки.

Зову Кирюшу, говорю, что папа уже уходит. Сын расстроен, прижимается к отцу, в глазах мелькает обида и слёзы.

— Ну-ну, герой, не расстраивайся! — Глеб наклоняется и целует Кира в носик.

— Мне и правда бежать нужно. Ещё раз с праздником, именинник! Люблю тебя! Давай, дуй скорее к бабушке, помоги запустить поезд.

Сын соглашается, улыбается счастливой улыбкой и уносится в детскую.

— Лесь, тебя я тоже очень люблю! Можешь мне не верить, но это правда. И вот доказательство моих чувств. — полностью игнорируя присутствие дяди Паши, говорит Глеб и протягивает мне большой белый конверт, — Посмотри, если будет желание, а потом передай это своему адвокату. Я скоро уезжаю. Получил предложение поработать в Европе. Но, знай: если бы ты вдруг решила меня простить, дала бы мне всего лишь один шанс всё исправить, то я с радостью поехал бы туда вместе с тобой и Киrom.

— Счастливого пути! — говорю я сухо.

Он кивает, выходит в коридор, поднимает руку в прощальном жесте. Захлопываю дверь, не дожидаясь его окончательного ухода.

Засовываю конверт в свою сумку, решая распаковать позже. Сегодня, как никак, День рождения Кира и я не хочу лишней раз расстраиваться и портить ребёнку праздник. Ничего доброго это письмо точно не содержит — зная Глеба, уверена, что это какая-то очередная каверза, призванная ещё больше усложнить мне жизнь...

В назначенный день встречи Игорь заезжает за мной на такси.

— Привет, Лесь. Чудесно выглядишь!

Безумно рада ему, но мне кажется, что за то время, что мы не виделись, Игорь немного осунулся и побледнел.

Приветствую его, решительно отгоняя нехорошие мысли.

Машинально поправляю одежду. Лёгкая шелковистая ткань ласково касается пальцев. Когда впервые примерила это платье — просто влюбилась. Насыщенный синий цвет, перетекает в фиолетовые всполохи, асимметричная свободная юбка, струящимся водопадом спадает вниз, до середины голени, образуя некое подобие чудесного, экзотического цветка. Платье идеально сидит на мне — лиф облегает тело практически как вторая кожа, тонкие бретельки придают силуэту дополнительную хрупкость и женственность. Единственное, что меня немного смущает, так это глубина выреза... Нет, в нём нет ничего вульгарного, но сейчас я уже не уверена, что на дружеской встрече даже такая сексуальность сочтётся уместной. Что если Игорь решит, что я его соблазнить пытаюсь? Ох! Надо было надеть штаны и закрытую блузку.

Поднимаю глаза и ловлю на себе лучащийся, полный восхищения, взгляд.

— Ты просто прекрасна! Блин, мне теперь даже немного стыдно за свой прикид, — извиняющимся голосом говорит он.

Пробегаюсь быстрым взглядом по его фигуре. На нём простые голубые джинсы. Чёрная футболка без принта оттеняет природную мужественность. Ему так идёт эта нарочито неброская одежда — она выгодно подчёркивает широкую грудь, рельеф кубиков на прессе, стройные ноги, сильные, мускулистые руки... Неожиданно вспоминаю, как раздевала его в тот вечер... Моё сердце даёт сбой, замирает на секунду, а потом срывается и пускается вскачь. От набежавших эмоций дух перехватывает. Да что же с тобой такое, Олеся!

Приказываю себе успокоиться и быстро забираюсь в распахнутые двери машины:

— Куда поедем? — пытаюсь скрыть внезапно нахлынувшее волнение.

— На твой выбор. Я зарезервировал столики в двух местах — не был уверен, что тебе ближе. Можно в «Сибирскую тройку» — там довольно пафосно, но очень вышколенный персонал, приятная музыка, изысканная и вкусная кухня. Второй вариант — «Хромая собака». Неплохое местечко, с более неформальной, непринужденной атмосферой. В «Собаке» театральные бомонд тусить любит. Сегодня там выступление стендаперов, а после какая-то местная группа играет. Кухня у них неплохая, но с «Сибирской тройкой» не сравнится, конечно. — рассказывает Игорь и смотрит на меня вопросительно, ожидая моего вердикта.

— Давай в «Собаку» — ни на секунду не задумываясь отвечаю я.

Зал «Собаки» погружен в уютный полумрак. Мы сидим за столиком в нише, удобно откинувшись на спинку мягкого диванчика. Вечер прошёл просто великолепно. Выступление комиков порадовало — кажется, что я никогда столько не смеялась. Игорь заказал две бутылки красного и вот сейчас мы допиваем остатки ароматной рубиновой жидкости, наслаждаясь непринужденной беседой и спокойной, расслабляющей музыкой «Горького шоколада». Мне хочется, чтобы этот вечер длился вечно! Но всё хорошее рано или поздно заканчивается.

Такси останавливается у моего дома, Игорь просит водителя подождать и говорит, что хочет проводить меня до самых дверей квартиры:

— Знаешь, мне так спокойнее будет. — поясняет он.

Я и не возражаю — лишняя минута с ним мне в радость.

Когда мы выходим из лифта, наконец-таки решаюсь задать тот вопрос, что мучил меня на протяжении всех этих дней:

— Ты так внезапно исчез тогда. Я не знала, что и подумать. Переживала за тебя, но боялась быть слишком надоедливой... Ты же не в обиде на меня за ту ситуацию с Ингой? Или, может быть, я веду себя слишком навязчиво, эгоистично? Если что-то не так, то скажи. Я пойму...

Он поворачивается ко мне. Чувствую, что тону, растворяюсь в его глазах. Серый безбрежный океан ласкает, манит, гипнотизирует.

— Нет, Олеся, мне не за что на тебя обижаться. Просто я немного запутался и мне нужно было побыть одному, спокойно обдумать всё... понять, как же быть дальше.

— Обдумал? — спрашиваю первое, что приходит в голову. Мысли сбиваются, не могу сосредоточиться на чём-либо, кроме колдовского притяжения туманно-серых глубин. Неужели я настолько опьянела?! Видимо кому-то срочно нужно под душ и баиньки...

— Обдумал. — отвечает Игорь, берёт моё лицо в ладони, смотрит прямо в глаза, замирает, а потом наклоняется и прикивает к моим губам в трепетном нежном поцелуе.

От этих нежных касаний меня как электрическим разрядом пронзает. На секунду теряю контроль над собственным телом, мыслями, действиями. Безотчётно отвечаю на ласку его губ, пью их сладость. Ощущаю, как подкашиваются ноги и всем телом прислоняюсь к нему, содрогаясь от силы внезапного желания. Он обнимает, прижимает меня к себе, одной рукой гладит мою спину, другой зарывается в волосы и целует, целует, целует... Окружающий мир перестаёт существовать — только он — его руки, губы, запах.

А потом... в голове раздаётся историчный крик Инги: «Запала на моего мужика? Решила к нему в штаны залезть?»

— Боооже!!! Что я делаю! — острая ледяная игла прошивает мой разум, — Веду себя сейчас как последняя подстилка! В чём не права эта дрянь?! Ведь получается, что я соблазнила женатого мужчину... Чем я лучше Глеба, если, будучи ещё замужней женщиной, позволяю себе подобное?!

Упираюсь ладонями в его грудь, отталкиваю, разрываю сладостное кольцо объятий.

Больно! Больно так, что словами передать не получится. Но если я продолжу, то просто окончательно оскверню всё то светлое, что есть между мной этим мужчиной.

— Игорь, не надо! — выдыхаю сквозь подступившие слёзы, — Я не могу так... Прости!

Он смотрит на меня растерянным, опьяненным желанием взглядом. Потом дергается как от удара. Вижу, как потухает огонь в его глазах, оставляя лишь холодный, безжизненный пепел.

— Нет, Олеся, тебе не за что извиняться. Это я всё неправильно понял... напридумывал себе чёрт знает чего. Сам сочинил, сам поверил, сам обманулся, — он говорит спокойным ровным голосом, но мне было бы куда легче, если бы он закричал на меня, обругал, высказал всё, что думает, — Прости за испорченный вечер, за вот это всё...

— Игорь... — начинаю я.

— Нет-нет, Лесь, не нужно объяснений. Я не маленький, всё понимаю, — говорит он с печальной улыбкой, — Прости ещё раз. Ты замечательная, а из меня такой себе друг

вышел... Доброй тебе ночи!

Сдерживая рыдания захожу в квартиру. Мои спят. Неудивительно — на часах уже двенадцать. Тихонечко раздеваюсь и плетусь в ванную, а потом ещё долго ворочаюсь в постели, не в силах уснуть. Мысли вновь и вновь возвращаются к Игорю. Вспоминаю нац поцелуй, его горячие руки на своей спине, его нежные, но требовательные губы, пьянящий запах его кожи. Тело невольно откликается, низ живота сводит в ноющем сладком напряжении. Мысленным взором погружаюсь в глубину его серых глаз, подернутых поволокой желания, тону в них и не хочу выныривать. А потом вспоминаю, как они полыхнули вспышкой боли и помертвели. И эту боль причинила ему я...

Беспокоюсь за него, с дрожью в сердце набираю знакомый номер. Хочу услышать его голос, объясниться, сказать, что дело не в нём, что при других обстоятельствах всё бы сложилось иначе...

Игорь не берет трубку. И когда я уже было готова сорваться и ехать к нему, приходит короткое смс: «Олеся, я дома. Собираюсь ложиться спать. Доброй тебе ночи!»

Нажимаю на кнопку вызова и слышу дежурное: «абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети». Игорь отключил телефон. Что ж, поделом, Олеся, ты это заслужила...

Утро наступает слишком рано, проспав не более четырёх часов чувствую себя настоящей развалиной. Да ещё и нервное перенапряжение даёт о себе знать. Голова раскалывается, под глазами синюшные круги, хочется послать всё к чертям и опять уйти в сон без сновидений, чтобы не вспоминать, не чувствовать, не думать.

Но у меня сегодня назначена встреча с моим адвокатом. Хочу передать ей конверт, который мне вручил Глеб. До сих пор не знаю, что в нём — никак не наберусь смелости заглянуть внутрь. Порывалась несколько раз, но, в итоге, решила, что распечатаю его в присутствии своего законного представителя. На всякий случай...

Пока еду к юристу, несколько раз набираю номер Игоря. Понимаю, что, возможно, он будет не рад моему звонку, но мне просто необходимо услышать его голос, удостовериться, что с ним всё в порядке. Дозвониться не могу — всё время натыкаюсь на автоответчик.

В кабинете юриста дергаюсь как на иголках. Передаю ей конверт, говорю, что Глеб просил ознакомить её с его содержимым. Елена Петровна кивает, вскрывает письмо и погружается в его изучение.

— Ну что ж, Олеся Александровна, не знаю как Вам это удалось, но хочу Вас порадовать: Ваш муж написал согласие на развод. Также он отказывается от претензий на имущество и ребёнка.

Сижусь огорошенная, онемевшая, сбитая с толку. Не могу поверить в то, что только что услышала.

— Елена Петровна, а Вы уверены?

— Смотрите сами, — говорит она, — Тут копии всех документов, которые он отправил в суд. Так что, если он в ближайшее время своего решения не поменяет, то в довольно скоро Вы станете абсолютно свободным человеком.

Беру бумажки, листаю, вчитываюсь в нехитрый текст. Руки трясутся. Вижу, но не могу поверить, что Глеб способен на такой благородный поступок. В чём подвох? Он же ещё несколько дней назад клялся, что сделает всё, чтобы максимально испортить мою жизнь.

— И да, вот это я не вскрывала, тут подписано, что это лично для Вас. — юристка подаёт мне сложенный в квадратик листок.

Убираю бумажку в сумку, решаю изучить её позже, без лишних свидетелей. Боюсь, что сейчас просто не справлюсь с эмоциями. Нужно успокоиться сначала.

Через час, сидя в кофейне, набираюсь смелости и открываю записку мужа.

«Здравствуй, лисёнок!

Прости меня за всё то горе, что я успел тебе причинить. У меня никогда не было цели стать источником твоей боли. Все мои действия — это лишь попытка удержать, не дать уйти, попытка сделать так, чтобы всё было как раньше, до той, самой трагической, ошибки в моей жизни. Но я понял, что так лишь ещё больше отдаляю, отталкиваю тебя. Я понял, что ради своих чувств к тебе и Кириюше, должен смириться с твоим решением, каким бы оно не было. Поэтому я больше не буду препятствовать твоим желаниям.

В конверте, что я тебе передал, копии всего, что я отправил в суд. Думаю, что теперь ты не долго пробудешь моей женой, что скоро я стану для тебя абсолютно чужим, посторонним человеком. Мне больно это принимать, но ещё больнее противиться твоей воле и знать, что ты страдаешь по моей вине.

У меня есть одна небольшая просьба: Я буду благодарен, если ты не станешь препятствовать моему дальнейшему общению с сыном. Не переживай, я не буду тревожить вас слишком часто, тем более, что через несколько дней я, на неопределенное время, уезжаю в другую страну. Попрощайся за меня с Кирием, объясни ему всё, скажи, что папа его очень любит и постоянно думает о нём.

И помни: я любил, люблю и всегда буду любить тебя. Ты — самое дорогое и светлое, что было в моей жизни. Я люблю тебя с того момента, как увидел впервые и буду любить до самой своей смерти. Не смею надеяться, но если ты когда-нибудь передумаешь, если решишь вернуться, то я буду самым счастливым человеком на Земле. Мне очень тебя не хватает.

Ещё раз прости за всё!

Глеб.»

На секунду моё сердце сжимается от жалости. А после я вспоминаю рассказ мамы, вспоминаю Глеба обжимающегося с Ингой, вспоминаю слова белобрысой и кулон на её шее, вспоминаю ярко-синие, горящие злобой глаза, вспоминаю его угрозы, унижение и боль от удара. Сажу минутку, а потом разрываю записку в мелкие клочки и бросаю в стакан с недопитым кофе.

Нет, Глеб, прошлого не вернуть. Невозможно зайти в одну реку дважды. Невозможно построить счастье на лжи и боли. Между нами всё кончено! И я искренне этому рада!

Игорь

Вспоминаю, как стоял под прикрытием уличной темноты и слушал откровения той, которую считал самым близким мне человеком, любящей и верной женой. Не мог поверить, что все эти мерзости говорит та самая женщина, которой я был безоговорочно предан, с кем был готов прожить всю оставшуюся жизнь. Слышал неприкрытую брезгливость в её голосе, когда она вспоминала то время, когда я приходил в себя после страшной аварии, в один миг лишившей меня всех, кого я так безмерно любил. Слышал все насмешки, уколы и издёвки. Слышал интонации самодовольства, возбуждения и радости, когда речь зашла о её любовнике.

О любовнике? Нет, по её словам было понятно, что Глеб — далеко не первый, с кем она крутила за моей спиной. Когда это началось? Сколько продолжалось? Неужели она была мне неверна с первого дня нашей совместной жизни?! Я и помыслить не мог какое чудовище скрывается за этой невинной ангельской внешностью.

Когда она попыталась разбить Лесин телефон, когда я услышал её угрозы, то понял, что пора начинать действовать. Выдохнул, сдержался, чтобы не ударить, не раздавить эту пакость на месте. Вышвырнул её из своего дома, пообещав себе, что сделаю всё, чтобы ни единого напоминания об этой дряни в моей жизни не осталось.

Было больно и тошно. Спровадив Ингу, понял, что ни секунды не могу находиться в большом доме. Каждая вещь, каждая купленная ею безделушка, казалось, смеялась мне в лицо, напоминая о вероломстве и предательстве жены.

Пошёл тогда к Лесе, узнать как она. Увидел её, стоящую на крыльце, замерзшую, встревоженную, но терпеливо ожидающую моего возвращения и сердце на секунду ёкнуло, сбой дало. Захотелось обнять, прижать её к себе, чтобы уже никогда не отпускать. У меня такое чувство, до этого момента, лишь к одному человеку возникало...

Воспоминание о Даше окончательно выбило из колеи, обострило удар, взбаламутило боль, осевшую в глубине души. Напился я тогда до полубессознательного состояния. Спасибо Лесе за то, что осталась со мной, выслушала весь льющийся из меня яд. Дала выплеснуть злость и обиду, выговориться. Если бы не это — с ума бы сошёл, наверное.

Не помню как добрёл до постели, как раздевался, как ложился в кровать. Лишь одно осталось в памяти: Даша склоняется надо мной, касается лёгким поцелуем моей щеки, шепчет что-то такое тёплое, доброе, от чего мне становится так легко и светло. Не могу разобрать слов, но ментально забываю про все свои горести и засыпаю, чувствуя себя любимым и нужным.

Даша? Или всё-таки Леся? Как так вышло, что образы этих двух девушек слились в ту ночь воедино?

На следующий день решаю не откладывать свои дела в долгий ящик. Звоню Елене Петровне и назначаю срочную встречу. Юристка не возражает — дорожит нашим контрактом. Я клиент не хлопотный: дело Леси и мой грядущий развод — единственное, чем ей пришлось заниматься для меня за последние два года. А оплачиваю я её работу ежемесячно и, согласно договору, деньги там падают не маленькие. В нашем контракте есть одно условие: она вольна вести свободную юридическую практику, но мои интересы всегда должны стоять в приоритете.

Выслушав мой рассказ, адвокатша заверяет, что проблем с разводом возникнуть не должно. Даже если Инга не согласится, на эту процедуру уйдёт не более пары месяцев. Киваю. А мысли вновь и вновь возвращаются к другому.

— Елена Петровна, то, что Вы сказали Олесе, Ваш прогноз относительно её дела — это не сгущение красок?

— Я вообще дела своих клиентов с другими не обсуждаю, но раз уж Олеся Александровна решила посвятить Вас в суть её ситуации, то скажу так: то, что я ей обрисовала, не сгущение, а скорее оптимистический взгляд на вещи. Мне тут птички нашептали, что судья уже буквально очарована Глебом. Да, мы можем запросить замену судьи, но это лишь ещё более растянет во времени весь процесс. Он — парень хитрый. И точно знает, что ему нужно. Более, чем уверена, что на ребёнка ему начхать, но попробуй-ка убеди в этом судью и органы соц. опеки... Лучшее, что можно тут сделать: либо набраться терпения, либо попытаться как-то с ним договориться.

Благодарю её за откровенность, прощаюсь, выхожу в приемную и вижу встревоженное лицо Леси. С облегчением выдыхаю, когда она сообщает о неожиданном приезде родных. Я уже было испугался...

После посещения юридической конторы, сопровождаю Лесю в отделение полиции. Она подаёт заявление на Глеба. Выступаю свидетелем. Передаю сотруднику номера телефонов других очевидцев: администратора и студентов, сидевших за соседним столиком — хорошо, что позаботился на этот счёт вовремя.

Вечером подвожу Лесю к её дому. А вернувшись к себе, впервые, в полной мере, постигаю всю глубину пустоты, обрушившейся на меня. Бесконечные минуты растягиваются в часы, часы перетекают в сутки. Не могу работать, не могу думать. Сообщаю своим, что я в отпуске, прошу не беспокоить. Леся звонит периодически. Чувствую, что волнуется, переживает. Пытаюсь не выдавать ей обуревающие меня мысли. Мысли о ней...

Странно, но об Инге я уже практически не вспоминаю.

Боль и обида от пережитого унижения остались, но сама эта женщина в секунду стала мне чужой, безразличной. Был бы счастлив никогда больше её не видеть. Скучать уж точно не буду.

А вот Леся... Её образ преследует меня и днём и ночью. Ловлю себя на том, что по привычке готовлю на двоих, но представляю в этот момент не Ингу, а эту милую и добрую девочку. Вспоминаю наши встречи в кофейне и в смузи-баре, наши непринужденные беседы, то ощущение лёгкости и тепла, которым наполнялся при одном взгляде на неё. Пытаюсь отогнать наваждение, но получается так себе. Днём хоть немного могу это контролировать, а вот ночью... Она приходит в мои сны. И эти сны поражают своей откровенностью. Во сне она не друг, а желанная, любимая, моя. Моя женщина!

Через пару дней мне начинает казаться, что у нас действительно может что-то получиться, что замечал в её взгляде нечто ответное.

А что если я ей тоже не безразличен?

Чёрт! Да я, похоже, втрескался по уши! Влюбился в эту девушку, как какой-то прыщавый подросток.

Осознание даётся не просто. До этого момента мне казалось, что после Даши я не способен чувствовать нечего подобного ни к одной другой женщине. Да, я хорошо относился к Инге, заботился о ней, был ей верен. Наверное даже любил её по-своему. Но там была иная любовь, построенная на признательности, выросшая из чувства безмерной благодарности —

блеклое подобие того, что я испытывал к Даше. И я искренне верил, что иначе и быть не может. А потом встретил Лесю и сам не заметил, как дружеский порыв перерос в нечто большее — мощное, всепоглощающее, неподдающееся контролю или доводам разума.

И что же мне сейчас делать? Оставить всё как есть просто не получится. Я должен объясниться с ней, рассказать о своих чувствах. Если она ответит взаимностью, то я буду самым счастливым человеком во всём мире. Если нет... не хочу даже думать... Но пусть лучше «нет», чем эта иссушающая неопределенность.

Но сначала решаю попытаться всё уладить с Глебом. Не хочу, чтобы этот мужик стоял между мной и Олесей. Даже сейчас, зная, что они не вместе, ревную её к этому лощеному мерзавцу. Как бы то ни было — он её законный супруг. И, судя по всему, решил и в дальнейшем сохранить этот статус. Но дело не только в моей ревности или в желании устранить конкурента — я не хочу, чтобы этот гнусный тип и дальше отравлял жизнь дорого мне человека. Хочу решить её траблы до того, как расскажу ей о своих чувствах. Если она оттолкнёт меня, не захочет более видеть, то я, хотя бы, буду уверен, что у неё всё хорошо.

Звоню старому другу отца и пробиваю телефон Глеба. Папа в своё время Фархаду очень помог и я надеюсь, что он, в память об отце, не откажет мне в столь маленькой услуге. Не ошибаюсь — через пол часа вбиваю в телефон номер Лесиного мужа. Отправляю ему сообщение, с предложением встретиться и кое-что обсудить. Называю место и время. Обещаю, что моё предложение его точно заинтересует. Вижу, что сообщение он прочитал. Жду. Минут десять ничего не происходит, а потом приходит короткое «ок». Удовлетворенно выдыхаю. Ну вот, пол дела, считай, сделано. Смотрю на часы. Так, надо поторопиться, перед Глебом у меня randevu с ещё одной змеёй.

Игорь

Глеб приходит в кофейню без опозданий. Смотрит на меня угрюмо, озирается по сторонам — не доверяет, подвох ищет.

— Не переживай, я безоружный, — усмехаюсь сквозь зубы и киваю на стул по другую сторону стола, — Значит так, долго наслаждаться твоим обществом у меня желания нет, так что давай сразу к делу. Моё предложение заключается в следующем: ты подтверждаешь в суде своё согласие на развод, отказываешься от притязаний на ребёнка и от своего права на совместную собственность.

Он пытается что-то сказать, но я решительно пресекаю эту попытку:

— Закрой рот и слушай внимательно! Дважды повторять я не буду. Так вот, ты делаешь то, что я тебе сказал, а в ответ я перевожу тебе энную сумму. Поверь, денег там будет намного больше, чем ты сможешь поиметь с продажи вашей квартиры. Ты забираешь эти бабки и оставляешь Олесю в покое. Обязуешься исчезнуть из её жизни, без угроз, скандалов, нервяка и всего прочего. Это первый вариант. Есть и второй, но там твои перспективы не столь радужны. Если ты не принимаешь моё предложение, то я подключаю все свои связи и не успокоюсь, пока полностью не уничтожу тебя. Ты не получишь от Олеси ни копейки. Я привлеку все свои ресурсы, чтобы отследить и доказать, что в покупку вашей квартиры ты не вложил ни гроша, что ты мошенник и мерзкий аферист, на протяжении многих лет изменяющий своей жене. Мои юристы предоставят самую убедительную и достоверную информацию о том, что твои притязания на ребёнка, не более, чем подлая манипуляция, попытка запугать Олесю, заставить её отказаться от развода. — смотрю ему прямо в глаза, пытаюсь понять, не ошибся ли. Вдруг он действительно любит свою семью, вдруг Инга была лишь страшной и позорной ошибкой.

— Хорошо, — откликается Глеб, практически не раздумывая, — Если честно, то мне самому уже надоели эти танцы с бубном. Щенок мне не нужен... Я ещё для себя пожить хочу, не гробя жизнь на выращивание потомства.

Морщусь брезгливо, но не прерываю этого самодовольного индюка. Мне сейчас нельзя поддаваться эмоциям — на кону свобода Олеси.

— Да и женушка меня уже порядком напрягать начала. Вот честно, мужик, ну что ты в ней разглядел такого?! Твоя вон — на порядок попородистее будет. Ты чел только не кипятись! И уж не сомневайся, я-то в сортах баб разбираюсь неплохо. — ржёт Глеб, а потом уточняет, — И это: откуда мне знать, что ты меня не кинешь, после того как я доки в суд отправлю? Почему я тебе верить должен?

— Ну наверное потому, что меня тошнит от одного вида твоей морды. И я бы очень хотел никогда больше не иметь удовольствия её лицезреть. А ещё, я хочу, чтобы Олеся как можно быстрее отделалась от такого дерьма, как ты. Она хорошая, добрая девушка и заслуживает лучшего. Свою часть сделки я выполню, на этот счёт не беспокойся. Можешь у любовницы своей поинтересоваться — она подтвердит, что я всегда держу данное слово. Собственно с ней у меня сегодня тоже беседа состоялась. И Инга с радостью согласилась на те условия, что я ей предложил. А эта женщина своего не упустит, уж это-то ты должен знать. К ни го ед . нет

Он кивает, протягивает мне руку для рукопожатия. Встаю, полностью игнорируя его

жест.

— Вот и замечательно! Рад, что мы друг друга поняли. Мой юрист свяжется с тобой, будь готов предоставить ему реквизиты для денежного перевода. И, надеюсь, что ты понимаешь, что Олесе о нашей сделке знать не обязательно. Не хочу, чтобы она чувствовала себя хоть в чём-то мне обязанной.

Выполнив задуманное, возвращаюсь домой уже под вечер. Решаю лечь спать в гостевом домике — в большом находиться нет никакого желания. Обещаю себе, что в самое ближайшее время займусь сменой внутреннего интерьера: или верну всё, как было при папе, или придумаю что-нибудь новое. Главное, чтобы не так, как сейчас, чтобы и намёка на блондинистую змею тут не осталось.

Утром набираю в офис на телефон своего зама:

— Дим, привет, не в службу, а в дружбу, отправь там кого-нибудь из своих с заданием. Мне нужно, чтобы человек заскочил в пару мест. Надо забрать торт из кондитерки и игрушку из «Детского мира». У сына моей подруги День рождения сегодня, вот я сюрприз подготовил, но так вышло, что лично поздравить именинника у меня не получается. Пусть отвезет подарки, скажет, что от меня. Да, да, спасибо. Скажи, что я его хлопоты оплачу. Ага! Пиши адрес.

Никак не могу решиться на звонок Олесе. Сомневаюсь, правильно ли поступаю, не тороплю ли события. Может быть стоит ещё немного подождать, присмотреться? Вдруг я ей интересен лишь в роли друга? Как она отреагирует на моё признание? Не совершаю ли я ошибку, желая рассказать ей в своих чувствах?

Сомнения гложут, грызут сердце, но я понимаю, что и затягивать больше не в силах. Мне нужна эта женщина! Она мне жизненно необходима! Я чувствую, что она и есть та самая, единственная, с кем я хочу связать свою жизнь, с кем могу быть по-настоящему счастлив. Не хочу притворяться, что ничего кроме дружбы к ней не испытываю, не хочу обманывать её доверие. Если мои надежды беспочвенны и не имеют смысла, то я, хотя бы, узнаю об этом сразу. Это как пластырь с раны оторвать — резко, не оттягивая неизбежное.

— Будь, что будет! — говорю себе и набираю её номер.

Предлагаю ей встретиться завтра вечером и она моё предложение принимает. Нотки радости в её голосе действуют на меня подобно целебному бальзаму. Обнадёживают, вселяют уверенность, наполняют душу светом, вытесняя все страхи и сомнения.

Игорь

Кажется, что за время нашей разлуки она стала ещё красивее. У меня буквально дух захватывает, когда она появляется из подъезда и направляется к машине. Как же ей к лицу это синее, воздушное платье — в нём она похожа на маленькую, хрупкую фею. Если бы не стук каблучков, я бы решил, что Леся не идёт, а парит над землёй. Не могу сдержать вздох восхищения, но волна страха обжигает сознание: что, если это последний вечер, который я с ней проведу? Что, если завтра она скажет мне, что больше не желает меня видеть?

Предлагаю ей решать, где мы проведем сегодняшний вечер.

Радуюсь, когда Олеся останавливает свой выбор на «Хромой собаке». Думаю, что в полутёмном зале ресторана мне будет проще рассказать ей о своих чувствах...

Но когда мы оказываемся на месте — даю слабинку. Не могу решиться. Боюсь увидеть разочарование в её взгляде, не хочу испортить ей настроение.

Она слушает выступление комиков, смеётся заливисто, заразительно. Не в силах удержаться подхватываю её смех, выдыхаю немного, но не нахожу повода перевести разговор в нужное русло. В итоге, решаю, что возможно это и к лучшему. Продумаю с чего начать и обязательно во всём ей признаюсь, но не сейчас, не сегодня... хочу запомнить этот вечер вот таким — непринужденным и счастливым.

Когда такси тормозит у её дома, прошу водителя подождать, пока я провожу свою спутницу до дверей квартиры. Мужик попался понимающий, не спорит, обещает, что дождет моего возвращения. Надо будет ему ощутимый чай оставить — пусть хорошему человеку приятно будет.

Лифт едет слишком быстро. С грустью понимаю, что наше свидание подходит к своему логическому завершению. Всё получилось не совсем так, как я планировал изначально, но я искренне рад, что смог провести этот вечер с ней. «Свидание» — смакую это слово, наслаждаюсь его звучанием. Пусть Олеся и не подозревает об этом, но это действительно было одно из лучших свиданий в моей жизни.

Когда мы выходим на её этаже, Олеся останавливается, поворачивается ко мне и спрашивает, где я пропадал всё это время, почему исчез, не обижаюсь ли на неё. И в этот миг я вдруг понимаю, что вот он, тот самый момент, когда можно открыться, попробовать объяснить свои чувства, рассказать, что все эти дни думал лишь о ней; что осознал насколько она мне дорога; что просто не могу жить без неё; что отдал бы всё, что имею, за право любить, за возможность быть с нею рядом.

Она поднимает на меня свои бездонные глаза и мне чудится, что я вижу в них ответное тепло и нечто такое, отчего у меня крышу сносит. Не могу больше сдерживаться и очертя голову следую отчаянному неконтролируемому порыву. Касаюсь губами её губ, ласкаю их осторожно, нежно, упиваюсь их пьянящей сладостью. Со страхом ожидаю, что оттолкнёт, но просто не могу остановиться. Она подаётся на встречу, прижимается ко мне своим трепещущим телом, отвечает на мой поцелуй. Отдаюсь страсти безраздельно. Всё вокруг становится не важным, не имеющим смысла, кроме этих губ, тепла этого тела, кроме всепоглощающего огненного желания. Забываю, что мы стоим в подъезде, что нас могут увидеть. Мне всё равно. Я хочу, чтобы весь мир знал, как я люблю эту женщину. Хочу, чтобы она была моей, только моей и ничьей больше. А потом чувствую как она вздрагивает,

отстраняется, прерывает сладкое наваждение.

— Игорь, не надо! Я не могу так... Прости!

Смысл сказанного не сразу доходит до моего разгоряченного сознания. Смотрю в эти огромные, наполненные слезами глаза, и словно обрушиваюсь с небес на твёрдую, каменистую твердь. Дыхание вышибает. С трудом выдавливаю слова извинения, прощаюсь.

Запрыгнув на задние сидение такси, откидываюсь на спинку, закрываю лицо руками. В груди всё горит и пылает — так больно мне не было очень и очень давно. Даже предательство Инги такого эффекта не произвело. А тут... наверное умереть было бы легче.

Таксист молодец, не задаёт лишних вопросов, не навязывает беседу, даже музыку приглушил. Лишь иногда ловлю в зеркале заднего вида его сочувствующий взгляд. Подрулив к моему дому, мужик откашливается и интересуется, в порядке ли я.

— Да, все норм, — выдавливаю успокаивающую улыбку, ставлю в приложении максимальную оценку и перевожу ему пять косарей на чай. Должно же хоть кому-нибудь сегодня повезти, — Спасибо, мужик! Удачи тебе.

Опустошенный, выжатый, захожу в свой темный дом. Хочется волком выть или расплакаться, как в детстве, но похоже, что я уже очень давно разучился плакать...

Загружаю алкоголем бар, мысленно благодаря всех богов за Ингину любовь к виски. Сейчас мне её запасливость определённо пригодится. Разобравшись со спиртным, бросаю взгляд на экран телефона. Вижу пропущенный входящий от Леси. Ещё перед рестораном я установил беззвучный режим и, на фоне всего случившегося, просто забыл об этом. Перезванивать не хочу — боюсь, что просто не хватит сил. Отправляю ей смс, что всё в порядке и отключаю телефон.

Беру бутылку, сажусь на диван и начинается мой безумный алкомарафон. Сон чередуется с пьяным бодрствованием. Теряю счёт часам. Сплю одетым, на том же диване, на котором пью. Просыпаясь и не понимаю какой сейчас день, сколько я так уже «расслабляюсь». Отбрасываю ненужные мысли, снова пью... А потом, в какой-то момент, меня накрывает дикое чувство стыда. Ощущаю себя грязным, опустившимся животным. Отец бы очень сильно расстроился, доведись ему увидеть меня таким... и мама, и Даша ...и Лесья.

Неужели даже под алкоголем не отпускает? И смысл тогда во всём этом?

Встаю, неровной походкой догребая до бара, достаю оставшиеся бутылки, открываю и выливаю содержимое в раковину. Достаточно! Пора брать себя в руки.

Включаю телефон и тут же начинают звенеть оповещения о неотвеченных. Вот же! Она мне более двадцати раз набирала, пока я тут нажирался, как полный урод. Эгоист хренов! Как там она? Наверное с ума от беспокойства сходит...

Мать честная, да я же более суток уже пью! Я и сейчас в зюзю. Не могу ей звонить в таком состоянии. Даже смс набрать не получается, пальцы с трудом попадают по нужным буквам, плывёт всё перед глазами. Надо что-то сделать, чтобы протрезветь хоть немного.

Придерживаясь за стену, добираюсь до ванной, наполняю её, раздеваюсь и забираюсь внутрь. Прохладная вода освежает разгоряченное тело. Кажется, что легче немного становится. Это я хорошо придумал! Вот сейчас приду в себя чутка и тут же наберу Олесе. Успокоенный этой мыслью прикрываю глаза и сам не замечаю, как засыпаю...

Весь день пытаюсь дозвониться до Игоря. Безрезультатно. Холодный женский голос упорно долдонит мне про недоступность абонента.

— Господи, Игорь, где ты?! Можешь сердиться, можешь полностью вычеркнуть меня из своей жизни, только ответь, пожалуйста! Дай убедиться, что ты в порядке! — мысленно молюсь на бездушный мобильник.

К вечеру беспокойство усиливается. От безысходности набираю Елене Петровне.

— Елена Петровна, здравствуйте! Простите, что так поздно беспокою. Игорь сегодня с Вами на связь не выходил? Со вчерашнего дня не могу ему дозвониться...

— Здравствуйте, Олеся Александровна. Нет, я с ним не разговаривала сегодня. Набирала утром, по-поводу его дела, но он вне зоны доступа был. Я ему голосовое оставила, но пока не ответил. — откликается юристка, — Да Вы не волнуйтесь, наверное просто уехал куда-то. Может в самолёте телефон отключил или ещё что, да мало ли какие дела у человека. Один день — это ещё не повод бить тревогу.

Понимаю, что она права, но сердце не на месте. Да и она же не в курсе того, что между нами накануне произошло...

Вежливо благодарю юристку, прощаюсь. Ещё час мечусь по квартире, как зверь в клетке. Наплевав на всю безрезультатность предыдущих попыток, вновь и вновь набираю Игоря.

Мама заходит в комнату, смотрит встревоженно:

— Лисёнок, что с тобой? Ты вон бледная, на нервах вся. Что-то случилось?

Волнение и тревога в её голосе разрушают последний блок в душе, плотина рушится, прорываясь бурным потоком слёз. Рассказываю ей обо всём случившемся, и про то, что он на связь уже больше суток не выходит.

Мама обнимает меня, гладит по голове, успокаивает, а потом говорит мягко, но твёрдо:

— Лесь, я не берусь давать советы в делах сердечных, но мне кажется, что ты, мой маленький, запуталась совсем. Ты вот всё повторяешь и повторяешь про вашу дружбу... а мне вот, со стороны, кажется, что между тобой и этим парнем всё намного серьезнее, нежели простая дружба. Лесь, ты же любишь его, да? Как мужчину любишь. Может стоит уже наконец себе в этом признаться? Ведь, по-всему выходит, что и он к тебе равнодушен... Олеся, жизнь так коротка... Ради кого и ради чего ты его отталкиваешь? Твой нынешний брак, сейчас, не более, чем формальность. Или я ошибаюсь и ты рассматриваешь вариант примирения с Глебом?

Отчаянно кручу головой. Нет! С Глебом всё кончено, даже слышать о нём не хочу. Ничего к нему в душе не осталось. Пустота полная.

— Вооот, — продолжает мама, успокаивающе поглаживает меня, потом отстраняется, внимательно смотрит в глаза, — Тогда к чему всё это ребячество? Он женат? Ну так это тоже формальность. Тебе ли не понимать, что с той козой он точно вместе уже не будет. И зачем же ты, жертвуешь своим и его счастьем, ради непонятно чего?

Понимаю, что она права.

— Боооже, мам, ну почему я у тебя дура-то такая получилась?! — вытираю слёзы, целую её в щёку и открываю приложение для заказа такси, — Мамочка, я сейчас уехать должна. Мне необходимо убедиться, что он в порядке, объяснить ему всё. Если он, конечно,

согласится меня выслушать... Не теряй, сброшу смску, как только смогу.

К коттеджу Игоря приезжаю уже затемно. Дом погружен в темноту, лишь сквозь одно из окон первого этажа пробивается слабый лучик приглушенного света. Звоню в домофон, но никто не отвечает. Но если есть свет, значит он точно должен быть дома. Спит? Игнорирует, не желая открывать? Не важно! Пусть обругает, выгонит, но не уйду, пока своими глазами его не увижу!

Быстро ввожу ключ-код, лампочка на замке загорается зелёным, слышится лёгкий щелчок. Тут же распахиваю калитку и со всех ног несусь к дому. На душе тревога неясная. Только бы с ним всё было в порядке! Только бы всё было хорошо!

Игорь

Мы сидим на кухне и лакомимся свежееиспеченными сосисками в тесте. Лев Михайлович и Даша весело перешучиваются, подтрунивают друг над другом. Слушаю их задорное щебетание, улыбаюсь. Так легко сейчас на душе! Наконец-то я дома, с ними, наконец-то всё хорошо! Неожиданный звонок во входную дверь вырывает меня из блаженного умиротворения. Даша и Лев Михайлович резко замолкают, смотрят на меня, внимательно так, словно запомнить хотят.

— Ну вот, Игорёк, видно прощаться пора. — говорит Дашин отец, улыбаясь мне ласковой и немного печальной улыбкой, — Это за тобой...

— Почему «прощаться»?! В смысле «за мной»?! — откликаюсь я возмущено, — Я же пришёл только что! Никуда я отсюда не пойду!

— Ещё как пойдёшь! — раздаётся за спиной строгий голос отца, — А нет, так мы тебя с мамой силком за дверь выставим. А если сопротивляться вздумаешь, то и Машуля вон нам поможет. Подключится тяжёлой артиллерией. Верно, Машуль?

Слышу заливистый смех сестрёнки. Она вихрем влетает на кухню, хохоча целует в нос, как барашек бодает плечо русоволосой головкой. Отец похлопывает меня по спине, треплет по волосам. Мама сжимает в крепких, но ласковых объятьях, говорит мне что-то неразборчиво-нежное. А потом они отступают. Стоят, улыбаясь, смотрят на меня с любовью.

Лев Михайлович озорно подмигивает и идёт открывать двери. А Даша подплывает невесомо, наклоняется и целует прямо в губы. Растворяюсь в этом теплом поцелуе, млею, закрываю глаза.

— Иди! Пора уже, — шепчет она, отрываясь от моих губ, — Милый мой потеряшка теперь всё будет хорошо. Обещаю!

Хочу возразить, но меня подхватывает воздушным потоком, вытаскивает в коридор и выталкивает в распахнутые двери. Блаженное тепло сменяется пронизывающим холодом. Замерзаю, обледеневаю, трясусь мелкой дрожью. Тянусь вернуться туда, к ним. А потом вижу как Даша подходит к дверям и прежде, чем захлопнуть их, кричит мне, умоляюще:

— Ну пожалуйста! Давай! Ради меня, ради всего святого! Люблю тебя и всегда буду любить. Иигоорь, дышиии!

Кашляю, отплевываю забившую лёгкие воду. Первый вдох пронзает острой, раздирающей болью. Кислород врывается в грудь обжигающим, расплавленным металлом. Но вместе с этой болезненной мукой, ощущаю, как тело наполняется, насыщается жизнью.

Кто-то сидит рядом, придерживает мою голову, гладит по мокрым, слипшимся волосам. Поднимаю глаза и вижу испуганное и заплаканное лицо Олеси. Понимаю, что лежу в пустой ванной, абсолютно голый. Пытаюсь прикрыться, сказать что-то, но не выходит — зуб на зуб не попадает, тело трясёт от холода. Олеся хватает полотенца, укутывает меня.

— Я так напугалась! Когда тебя нашла, то ты под водой был, не дышал. Весь ледяной. Я воду спустила, пыталась тебе искусственное дыхание делать. Но я же не умею. А ты не реагировал, не хотел дышать... Я испугалась, что ты умер... Попробовала ещё раз. А потом... а потом... — она плачет, целует моё лицо, всхлипывает, — Как ты? Может скорую вызвать?

Качаю головой, смотрю на неё и она кажется мне такой красивой, что, на секунду, опять дышать перестаю.

— Ты что? — испуганно всхлипывает Леся наклоняясь ниже.

Приподнимаюсь и накрываю губами её губы. Поцелуй оживляет, согревает. Из нежного он становится требовательным, всё более и более страстным. Мы отдаёмся своим чувствам не сдерживаясь, не оглядываясь на обстоятельства и доводы разума. С головой погружаемся в это сладостное мгновение, растворяемся в нём без остатка. И мне кажется, что эта сказка будет длиться вечно.

Несколько месяцев спустя...

Реальность мягко накладывается на волшебство ночных грёз. Лёгкие бабочки поцелуев порхают по коже, приятно щекоча шею. Млею, потягиваясь в сладкой истоме. Не открывая глаз, ищу губами его губы. Нахожу, впиваюсь в них, содрогнувшись от прокатившейся по телу обжигающей волны желания. Прижимаюсь к нему плотнее. Осознавая степень его возбуждения, разгораюсь в предвкушении. Хочу большего! Хочу прямо сейчас почувствовать и вобрать эту мощь! Хочу в полной мере ощутить всю силу его страсти!

Он играет со мной, заводит, дразнит. С головой ныряет под одеяло. Спускается всё ниже, ниже... целует, ласкает языком грудь, живот... От этих жарких прикосновений по телу словно электрические разряды разбегаются. Чувствую, что вот-вот взорвусь. Подаюсь ему навстречу, умоляю, шепчу что-то невразумительно-сбивчивое. Он сам уже не в силах сдерживаться. Наши тела соединяются, сливаются в первородном танце, а потом мир на секунду исчезает, утонув в ослепительной вспышке высшего наслаждения.

Игорь сделал мне предложение на следующее утро, после той страшной ночи, когда я на секунду поверила, что потеряла его навсегда. Я согласилась, не раздумывая. Мы расписались сразу же, как только получили свободу от своих бывших. Церемония прошла быстро и скромно — никто из нас не желал больше ждать. Чтобы быть счастливыми нам не нужны были ни толпы гостей, ни роскошные наряды, ни прибаутки тамады — мы просто хотели быть вместе, не скрываясь любить друг-друга, гулять с ребёнком, засыпать и просыпаться в одной постели.

Правда без белого платья тоже не обошлось. Неделю назад состоялось наше венчание. До сих пор помню это ощущение всеобъемлющего счастья, когда после окончания торжества Игорь обнял меня, подхватил, закружил на руках, а потом сказал, не отводя восторженного взгляда:

— Теперь ты моя! Во всех смыслах! И перед людьми и перед высшими силами... Только моя!

Он зарывается лицом в мои волосы, шепчет:

— Доброе утро, соня. Вечность бы так... Люблю тебя, до безумия! Но у нас дела. Помнишь?

Испуганно распахиваю глаза. Вот же! У нас же перелёт сегодня!

— Тише, не торопись. — успокаивающе мурлычет он. Идёт к дверям и тут же возвращается держа в руках столик-поднос, — Завтрак в постель для моей спящей красавицы.

С наслаждением вдыхаю аромат свежесваренного кофе. От вида тостов с джемом прямо-таки слюнки текут. Игорь берёт свою чашку и мы ещё некоторое время нежмся в кровати, наслаждаясь чудесным завтраком.

Потом он встаёт, одевается, подхватывает поднос с грязной посудой и весело командует:

— А теперь — подъем! Время на сборы — пять минут. — улыбается, видя немой вопрос в моих глазах, — Не переживай, вылетаем по-плану, вечером. Просто до этого мне ещё в город съездить нужно. Хочу, чтобы ты составила мне компанию.

Спускаюсь вниз и обнаруживаю свое семейство завтракающими.

— Маааааа! — радостно кричит Кирюша, соскакивая со своего стульчика.

— Тише-тише, малец, не упади. — урезонивает его дядя Паша.

Подхватываю сына на руки, кружу, осыпаю поцелуями:

— Сладкий мой! Ну как, ты готов к сегодняшнему полёту?

Кирюша смеётся, кивает радостно. В отличие от меня, мой сын самолёты обожает. Будь его воля, наверное каждый день бы летал. А вот я переживаю на тему дальнего перелёта с пересадками. Но, видя его радость, откидываю все сомнения в сторону. Сын уже месяц живёт предвкушением предстоящего путешествия. Три недели в Доминикане — своего рода свадебный подарок от Игоря. Он настоял на том, что вместе с нами полетят Кирюша и мои родители. Сказал, что хочет провести это время в кругу семьи. Чтобы все самые близкие и любимые были рядом.

Ну что я могла возразить на такое?

Справимся!

— Солнышко, карета ждёт. — подмигивает мне раскрасневшийся с мороза Игорь и обращается к маме, — Тётъ Галь, вы с Кирюшей посидите? Хочу у вас похитить Олесю ненадолго.

— Конечно, Игорёш! Езжайте, — улыбается мама, — А мы пока чемоданы паковать будем.

— Что это? — непонимающе спрашиваю я, когда Игорь заводит меня в новое, отдельно-стоящее здание в тихом центре города. Просторный холл, несколько больших, светлых комнат с огромными панорамными окнами. Помещение новое и подготовленное к чистовой отделке. С интересом осматриваюсь, но и представить не могу, зачем он меня сюда привёз.

— Это твоя арт-студия... или художественная школа... или и то и другое — тут уж сама решай. — улыбается Игорь, — Извини, здесь пока такое себе... Но думаю, что после завершения ремонта, она будет очень даже ничего. Возьмёшь на себя хлопоты по выбору дизайнера и руководству обустройством и закупкой всех необходимых вещей? А то я не художник — боюсь напортачить. И это... над названием тоже подумай. Закажем тебе обалденную вывеску.

— Чтоооо? — не могу поверить, что всё правильно поняла. Неужели он всерьёз?!

Смотрю на него минуту, а потом пишу от восторга, бросаюсь на шею, целую, шепчу слова благодарности, не в силах сдержать слёзы умиления.

— Я рад, что тебе понравилась моя идея, — смеётся Игорь, — Мне подумалось, что именно этого тебе очень не доставало. Я конечно не профи, но мне кажется, что творческому человеку жизненно необходима реализация. Только, чур, до окончания поездки голову себе этим не забивай! Вот вернёмся и тогда, отдохнувшая, полная сил, приступишь. Договорились?

Мысли крутятся в голове бешеной каруселью: Своя студия! Я снова смогу заниматься любимым делом! И это дело будет не только увлечением, но и любимой работой. Я больше не буду нахлебником, следящим за шеей мужа. Да, у меня есть свой, небольшой бизнес, но он ни в какое сравнение не идёт с тем, что я снова смогу писать картины.

— Ну а теперь, выдыхай и поехали домой. Закажем по-дороге чего-нибудь вкусненького. Наши уже заждались наверное. Да и собираться пора — покушаем, упакуемся и в аэропорт.

Согласно киваю. Боже мой, это не день, а какой-то калейдоскоп счастья!

Самолёт отрывается от земли, стремительно набирает высоту, устремляется в небесные

дали. Судорожно впираюсь пальцами в подлокотники кресла. Кирилл весело гудит на соседнем сидении, заморожено глядя в иллюминатор. Только бы не выдать свой страх, не напугать ребёнка!

— Лесь, всё хорошо, — Игорь наклоняется, целует меня в висок, накрывает ладонью мою руку.

Тепло его руки, неожиданно успокаивает. С удивлением ощущаю, как исчезает нервное напряжение, уступая место спокойной уверенности в том, что пока он рядом, ничего страшного просто не может случиться. Благодарно улыбаюсь мужу.

— Спасибо тебе, мой хороший! Спасибо за всё!

Потом перевожу взгляд к окну, люблюсь небесной лазурью, купающейся в пене белоснежных пуховых облаков и добавляю мысленно:

— И вам спасибо! Спасибо за вашу доброту! Спасибо за ту судьбоносную встречу с мужчиной, которого я люблю до безумия и который всем сердцем любит меня! Спасибо за всё то счастье, которое теперь наполняет мою жизнь! Спасибо за ваш подарок! Подарок небес...

Больше книг на сайте - Knigoed.net